

LIETUVOS EDUKOLOGIJOS UNIVERSITETAS
FILOLOGIJOS FAKULTETAS

KALBA IR KONTEKSTAI

Mokslo darbai
2015 m. VI tomas (2 dalis)

*Lietuvos
edukologijos
universiteto
leidykla*

2015, Vilnius

ISSN 1822-5357

Mokslo darbų „Kalba ir kontekstai“ 2015 m. VI tomo 2 dalis apsvarstyta Filologijos fakulteto Tarybos posėdyje 2016 02 08 (protokolo Nr. 2) ir rekomenduota spaudai.

Redaktorių kolegija / Editorial Board

Atsakingoji redaktorė / Editor-in-Chief

Doc. dr. Ernesta Račienė	Lietuvos edukologijos universitetas	(Filologija 04H)
	Lithuanian University of Educational Sciences	(Philology 04 H)

Atsakingosios redaktorės pavaduotojas / Vice-Editor-in-Chief

Doc. dr. Linas Selmistraitis	Lietuvos edukologijos universitetas	(Filologija 04H)
	Lithuanian University of Educational Sciences	(Philology 04 H)

Nariai / Members

Dr. Klaus Geyer	DAAD lektorius, Vokietija	(Filologija 04 H)
	DAAD lecturer, Germany	(Philology 04 H)
Prof. habil. dr. Jean-Pierr Levet	Limožo universitetas, Prancūzija	(Filologija 04 H)
	University of Limoge, France	(Philology 04 H)
Doc. dr. Daiva Verikaitė	Lietuvos edukologijos universitetas	(Filologija 04 H)
	Lithuanian University of Educational Sciences	(Philology 04 H)
Doc. dr. Lilija Plygavka	Lietuvos edukologijos universitetas	(Filologija 04 H)
	Lithuanian university of educational sciences	(Philology 04 H)
Prof. dr. Susan McKinney Andersen	Centrinės Floridos universitetas, JAV	(Edukologija, 07 S)
	University Central Florida, USA	(Education, 07 S)
Prof. habil. dr. Vasilij Starichonok	Baltarusijos valstybinis M.Tanko pedagoginis universitetas	(Filologija 04 H)
	Belarus State Pedagogical M. Tank University	(Philology 04 H)
Prof. habil. dr. Marina Želtuchina	Volgogrado valstybinis pedagoginis universitetas, Rusija	(Filologija 04 H)
	Volgograd State Pedagogical University, Russia	(Philology 04 H)

© Lietuvos edukologijos universitetas, 2015

© Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, 2015

LITHUANIAN UNIVERSITY OF EDUCATIONAL SCIENCES
FACULTY OF PHILOLOGY

LANGUAGE IN DIFFERENT CONTEXTS

Research papers
2015 Volume VI (2)

Vilnius, 2015

TURINYS / CONTENTS

I. Kalba daugiakultūrinėje erdvėje. Lingvistinė kraštotyra ir etnolingvistika / Language in Polycultural Area. Linguistic Country Studies and Ethnolinguistics

Адамковіч Аляксандр (Литва / Lietuva)

- Аб паходжанні айконімаў Мёры, Паставы, Шаркаўшчына. 9
Apie oikonomių Miory, Postavy, Šarkovščina kilmę 17

Железовская Наталья (Беларусь / Baltarusija)

- Этноязыковая специфика оценочных вербальных ассоциаций
на стимулы-части тела 18
Vertinamųjų verbalinių asociacijų stimulams-kūno dalims
etnokalbinė specifika 29

Маслова Валентина (Беларусь / Baltarusija)

- Лингвокультурология как наука о человеке, его языке,
сознании и культуре 30
Lingvokultūrologija kaip mokslas apie žmogų, jo kalbą, sąmonę ir kultūrą .. 38

Плыгавка Лилия (Литва / Lietuva)

- Словообразовательные литовские реликты в ойконимии
белорусско-литовского пограничья 39
Lietuvių žodžių darybos elementai baltarusių-lietuvių pasienio
oikonomijoje 46

Жаркова Анна (Литва / Lietuva)

- Чтоб других учить, надо свой разум наточить (отношение к учению
и наукам в русских паремиях) 47
Kad kitus mokinti, reikia pačiam išmokti (požiūris į mokymą(si)
rusų paremijose) 58

II. Teorija ir praktika tarpkultūrinės komunikacijos vertimo aspekte / Theory and Practice of Translation in the Aspect of Intercultural Communication

Бабушите Диана (Литва / Lietuva)

- К вопросу об англицизмах в литовской и немецкой рекламе 61
Anglų kalbos skoliniai lietuviškuose ir vokiškuose reklaminiuose tekstuose 70

Гаприндашвили Нана (Грузия / Gruzija)

- Некоторые особенности перевода повести В. Быкова «Сотников»
на грузинский язык 71
Tam tikri V. Bykovo apysakos „Sotnikov“ vertimo į gruzinę kalbą ypatumai. . 79

Твалтвადзе Дареджан (Грузия / Gruzija)

Из истории древнегрузинской переводческой традиции: принципы и методы выбора оригинала.	80
Apie senovės gruzinų vertimo tradicijų istoriją: originalo pasirinkimo principai ir metodai.	88

Швец Анна (Украина / Ukraina)

Преподавание украинского языка как иностранного: тенденции, проблемы, перспективы.	89
Ukrainiečių kalbos kaip užsienio dėstymas: tendencijos, problemos, perspektyvos.	100

*III. Hermeneutika ir „galimų“ pasaulių kalba /
Hermeneutic and Language of “Possible” Worlds*

Голтвеницька Маргарита (Украина / Ukraina)

Актуальне членування складнопідрядних речень зі значенням відповідності.	103
Sudėtinių prijungiamųjų sakinių su atitikmens šalutiniu aktualus jungimas.	113

Katarovskaya Tatyana (Беларусь / Baltarusija)

A new approach to Howard Fast.	114
Naujas požiūris į Hovardo Fasto kūrybą.	120

Леон Ольга (Беларусь / Baltarusija)

Типология ошибочных вербальных действий в политическом дискурсе.	121
Klaidingų verbalinių veiksmų tipologija politiniame diskurse.	129

Первушина Любовь (Беларусь / Baltarusija)

Трансформация идеи свободы личности в романе Дойны Галич Барр «Город удовольствий».	130
Asmenybės laisvės idėjos transformacija Doinos Galič Barr romane „Malonumų miestas“.	137

Тележкіна Олеся (Украина / Ukraina)

Вербалізація образу матері у поетичних творах Василя Борового (за матеріалами збірки «Червоне сонце Каєркана»).	138
Moters vaizdo verbalizacija V. Borovojaus poetiniuose kūriniuose (remiantis „Raudona Kaerkano saulė“ rinkiniu).	144

*I. KALBA DAUGIAKULTŪRINĒJE
ERDVĒJE. LINGVISTINĒ
KRAŠTOTYRA IR ETNOLINGVISTIKA
/ LANGUAGE IN POLYCULTURAL
AREA. LINGUISTIC COUNTRY
STUDIES AND ETHNOLINGUISTICS*

АБ ПАХОДЖАННІ АЙКОНІМАЎ МЁРЫ, ПАСТАВЫ, ШАРКАЎШЧЫНА

Аляксандр Адамковіч

Lietuvos edukologijos universitetas,
Studentų g. 39, LT-08105, Vilnius, Lietuva, aadamkovich@gmail.com

ABSTRACT

On the origin of oikonyms Miory, Pastavy, Sharkauschyna

It is possible to know the information about living ethnic groups and changes in ethno-linguistic situation in a certain area not only from historical data but also from linguistic ones, primarily from onomastics. This article deals with the problem of origin of some geographical names: Myory, Postavy, Sharkovshchina. These towns are situated in the western part of Vitebsk Region of Belarus.

Oikonyms Myory and Postavy have a hydronymic origin, the topographic basis for these geographical names were the names of the lakes (or parts of them) near which these towns arose. In the name of Lake Myory, which gave the name to the town Myory, a Finnish background could be traced, for a period of several centuries a Finnish name "Maijaura" (maiij/jaura: "maiij"-a beaver and "jaura"-lake) has been transformed into Belarussian Myory. The name Postavy most probably came from a Lithuanian word "postovis", which means 'a deep place in the river where the water flows slowly'. In the Belarussian language this Lithuanian word has been transformed into Pastavy. Sharkovshchina has a patronymic origin from a Lithuanian antroponym "šarka".

Toponyms, which have been analyzed in this article, are evidence that in ancient times the territory of today's Vitebsk Region was inhabited by Finnish tribes, after them came Baltic tribes and later Slavonic tribes.

Key words: *onomastics, Baltic names, Finnish names, Slavonic names; Myory, Postavy, Sharkovshchina.*

УВОДЗІНЫ

Многія назвы населеных пунктаў Віцебскай вобласці адлюстравалі ў сабе моўныя і этнічныя працэсы, якія адбываліся на гэтай тэрыторыі цягам апошніх двух-трох тысячагоддзяў. Аб узгаданых працэсах можна даведацца не толькі з гістарычных крыніц (археалогіі, летапісаў), але і лінгвістычных: дадзеныя з анамастыкі не менш за іншыя распаўядуць пра гісторыю дадзенага рэгіёна, пра этнасы, якія тут пражывалі, пра мовы, на якіх размаўлялі і як змянялася этнічная і моўная мяжа. Таму мясцовы анамастыкон цікавы для лінгвістычных даследаванняў: прасачыць ступень узаемасувязі і асіміляцыі назваў адной мовы

іншымі, калі адна і тая топалексема пры пераходзе з мовы на мову мянялася, прыстасоўвалася пад іншыя моўныя законы і ў той жа час захоўвала элементы, якія даюць магчымасць рэканструяваць (часта толькі часткова) арыгінальнае паходжанне.

Калі на тых ці іншых тэрыторыях прыходзілі новыя этнасы, вельмі часта старыя (карэнныя) назвы пераймаліся і прыстасоўваліся пад мовы, дыялекты, на якіх размаўлялі новыя насельнікі. Такім чынам аўтэнтчныя анамастыкон паступова разбураўся, у яго дабаўляліся новыя элементы, і ён губляўся ў новастворанай сістэме імён, таму старыя аўтэнтчныя імёны не адразу можна выявіць, рэканструяваць і прааналізаваць шлях іх асіміляцыі.

Пры даследаванні дадзенага пласта лексікі важна выкарыстоўваць параўнальны метада, суадносіць падобныя імёны на тэрыторыі распаўсюджвання таго ці іншага віду анамастыкона: для таго, каб з упэўненасцю тую ці іншую назву аднесці да нейкай мовы (дыялекта), мы павінны ўстанавіць яе лакалізацыю. Толькі пры супадзенні з арэалам распаўсюджвання тых ці іншых імёнаў, можам з упэўненасцю іх адносіць да таго ці іншага віду імён.

Вывучэнню ўласных імён ва ўзгаданым рэгіёне прысвечана не шмат навуковых прац. Выяўленнем балцкіх следоў у рэгіёне сярод гідронімаў займаўся літоўскі мовазнавец Казімірас Буга (1-ая пал. XX ст.). З найбольш вядомых даследчыкаў канца XX ст. – пач. XXI ст. лічацца З. Зінкявічус, К. Гаршва, П. Гаўчас, якія прысвяцілі шэраг навуковых прац выяўленню балтызмаў у рэгіёне, у асноўным, айканіміі. З беларускіх даследчыкаў – В. Жучкевіч, які найбольш поўна этымалагізаваў айконімы дадзенай часткі Віцебскай вобласці. Часткова паходжаннем уласных імён (у асноўным гідронімы) займаліся рускія мовазнаўцы У. Тапароў, А. Трубачоў.

Мэта: выяўленне фіна-балта-славянскіх сувязяў і этнічна-моўных працэсаў у анамастыцы заходняй часткі Віцебскай вобласці на прыкладзе назваў трох раённых цэнтраў на захадзе вобласці (Мёры, Шаркаўшчына, Паставы).

Задачы:

- выявіць словаўтваральныя мадэлі, характэрныя для імён;
- лакалізаваць імёны;
- выявіць моўныя фактары (фанетычныя, марфалагічныя, сінтаксічныя), якія аказалі ўплыў на трансфармацыю імён.

Аб'ектам даследавання з'яўляюцца айконімы Мёры, Паставы, Шаркаўшчына.

Этымалагізуючы айконімы, трэба звярнуць увагу, што большая частка з іх антрапанімічнага паходжання, меншая – гідранімічнага і яшчэ меншая ўзнікла на базе апелятыўнай лексікі ад саміх айконімаў (напрыклад, *Цырклішкі: Новыя Цырклішкі, Малыя Цырклішкі*). Таксама важным пры этымалагізацыі імён з'яўляецца выяўленне словаўтваральных мадэлей, на базе якіх яны ўзніклі. Напрыклад, суфіксальная мадэль на *-ішкі* характэрна толькі для літоўскай айканіміі (Адамковіч, 2013, 27, 44; Бірыла, 1968, 11–12; 20, 15–63).

АСНОЎНАЯ ЧАСТКА

Паходжанне айконімаў

Мёры

Калі звернем увагу на назвы самых старажытных гарадоў Беларусі, то заўважым, што значная частка з іх гідранімічнага паходжання: *Полацк* ад р. *Палата*, *Віцебск* ад р. *Віцьба*, *Менск* ад р. *Менка*. Тое самае датычыць і ўзгаданага рэгіёна, пэўная частка населеных пунктаў якога мае гідранімічнае паходжанне: г. *Глыбокае* ад назвы возера *Глыбокае*, *Беразвечча* ад назвы возера *Беразвечча*. І назва *Мёры* таксама паходзіць ад возера, на беразе якога знаходзіцца населены пункт. Такім чынам, *Мёры* маюць гідранімічнае паходжанне: калі давалася імя гораду, яно ўтрымлівала выключна імя лімноніма і не несла іншай сэнсавай нагрузкі.

Далей паспрабуем разгледзіць паходжанне назвы лімноніма *Мёры*. Калі адносна ўзнікнення імёнаў азёр *Глыбокае*, *Беразвечча* зразумела, то накот назвы *Мёры* не ўсё адназначна: можа быць шмат гіпотэз, як славянскіх, так балцкіх і фінскіх. Паспрабуем некаторыя з іх разгледзіць.

Літоўскі мовазнавец К. Буга лічыць, што назва *Мёры* суадносіцца з такімі назвамі, як літоўская р. *Mera* (Būga, 1961, 531). На думку А. Ванагаса, падобныя назвы могуць суадносіцца з такімі, як р. *Marà* (Vanagas, 1981, 211) і ўзніклі ад літоўскіх апелятываў *mārės*, *mārios* ‘мора’ (Vanagas, 1981, 204). Але гэта малаверагодна.

Корань назвы возера можа суадносіцца са старажытным індаеўрапейскім коранем **mor-* ‘стаячая вада’ (Vanagas, 1981, 204). Дадзеная версія таксама выклікае сумніў: ці магла назва захавацца з тых часоў, калі тут жылі плямёны, якія размаўлялі на старажытным дыялекце індаеўрапейскай мовы, і ці пражывалі яны тут увогуле?

Далей паспрабуем суаднесці з праславянскім **marь* ‘выпарэнні, якія падымаюцца ўверх, туман’ (18, 218), **marь* ‘сухі туман або імгла, знойнае паветра’ (18, 217). Як бачым, назва можа паходзіць з гэтага кораня. Але на нашай тэрыторыі наўрад ці пражывалі славяне, якія размаўлялі на праславянскай мове. Як вядома, яны пачалі сяліцца тут пасля V–VI ст. н.э., тады, калі праславянская мова ўжо распалася на дыялекты (Гринблант, 1968, 144; Дини, 2002, 38–44; Седов, 1979, 23; Zinkevičius, 2013, 110–112). Таму не маем дастатковых падстаў сцвярджаць, што назва паходзіць з гэтага кораня.

Імя лімноніма можна суаднесці і з беларускім апелятывам *мара* ‘прывід, страшыдла, нячыстая сіла, насланне, пачвара, здань’ (ЭСБМ, 223). Як адна з версій, можа мець права на існаванне, тым больш, што нашы продкі верылі ў прывіды і здані, а балота і возера часта лічыліся нячыстымі месцамі. Цалкам лагічна, што возера назвалі *Мары*, як месца, дзе жывуць шматлікія нячыстыя духі. Узнікае пытанне, ці магла назва трансфармавацца ў *Мёры* і пры якіх

абставінах? Таму таксама не маем дастатковых аргументаў, каб назву выводзіць ад узгаданай лексемы.

У даследуемым рэгіёне сустракаюцца тапонімы славянскага, балцкага і фінскага паходжанняў. Прычым тапонімы фінскага паходжання бываюць двух відаў: заходне- і волжска-фінскія (Трубачёв, 2009, 342). Вядомы беларускі даследчык тапаніміі В. Жучкевіч лічыць, што гэта назва антрапанімічнага паходжання і паходзіць ад такіх антрапонімаў нямецкага паходжання, як *Майер, Мейер* (Жучкевич, 1974, 234). Такая версія, на наш погляд, памылковая, таму што назва гідроніма больш старажытная, чым прыведзеныя антрапонімы, паколькі германізмы пачалі пранікаць пазней узнікнення назвы вадаёма. Але даследчык прыводзіць шэраг айконімаў, якія маюць падобныя імёны і могуць дапамагчы знайсці найбольш праўдападобную версію паходжання імя: в. *Мейры* Лідскі р-н, а таксама *Майеры* на Рыжскім узмор’і (Жучкевич, 1974, 234). Калі разгледзім арэал распаўсюджання назвы, то заўважым, што яна супадае з арэалам распаўсюджання фінскай тапаніміі (заходне-фінскіх імён).

Калі звернемся да фінскай тапаніміі, то заўважым, што такія назвы неаднаразова сустракаюцца і ў іншых месцах рэалізацыі разглядаемай лексемы. Назва складаецца з двух асноў *majj/jaura*: *majj* ‘бабёр’ і *jaura* ‘возера’ (Керт, 2009, 92). Такім чынам, назва *Мёры* тлумачыцца як баброва возера, або возера, у якім жывуць бабры.

Цягам доўгіх стагоддзяў пад уплывам балта- і славянамоўных плямёнаў фінскае слова трансфармавалася ў *Мёры*. Паколькі ў мове дзейнічае прынцып спрашчэння, вялікая колькасць галосных пакрысе знікла. Там, дзе доўгі час жылі славяне, назва трансфармавалася ў *Мёры*, там, дзе менш працяглы час, захоўвалася больш блізкая да арыгінала, як *Мейры* і г.д.

Што ж тычыцца шматварыянтнасці напісання айконіма: *Мёры* і *Міёры* (*Міоры*), то гэта тлумачыцца проста. У кірылічным алфавіце літары *ё* не існавала, упершыню яна была ўведзена Карамзіным у 1798 г. (Сачанка, 1994, 200). Пазней яна запазычана ў беларускую мову. Раней літара на пісьме перадавалася трыма варыянтамі: літарай *е*, спалучэннем *іо* і літарай *о* (Сачанка, 1994, 200). Таму такое напісанне трэба лічыць звычайным гістарызмам. Калі рабіліся першыя перапісы Рэчы Паспалітай (1795 г.), літары *ё* яшчэ не існавала, таму яе і перадавалі спалучэннем *іо*. Пазнейшыя ж рускія перапісчыкі не ўнікалі ў беларускую тапаніміку і назвы перапісвалі паводле першага напісання. Так і засталіся *Міоры*, а не *Мёры*. Але паколькі беларускай мове, у адрозненні ад ангельскай, французскай, літоўскай, гістарызмы не характэрныя, то варыянт *Міёры* (*Міоры*) варта лічыць непатрэбным і памылковым.

Паставы

Многія беларускія кразнаўцы і некаторыя навукоўцы спрабуюць назву горада выводзіць ад лексемы з асновай *стаў*. І гэта тлумачаць тым, што населены пункт мог узнікнуць менавіта на тым месцы, дзе былі *ставы*, а прыстаўка *па-* пашырае сэнсавое значэнне слова: у такім выглядзе яно магло

ўжывацца для абазначэння млыновых прылад, прыпадаў, лесапільнага стану і г.д. (Жучкевич, 1974, 305). На першы погляд, цалкам праўдападобная версія. І лагічна, што чаму б і не назваць населены пункт, які ўзнік каля стаў, – *Паставамі*. Сітуацыя вельмі распаўсюджаная: менавіта ў такіх месцах і ўзнікалі населеныя пункты, але чамусьці *Паставамі* назвалі толькі гэты населены пункт? Што дае падставы для сумніўнасці прыведзенай версіі?

Разглядаючы арэал распаўсюджання дадзенай назвы, выявім, ад чаго ўзнікалі падобныя імёны ў іншых месцах. Айконімы з дадзенай топалексмай распаўсюджаны на тэрыторыі Літоўскай Рэспублікі: в. *Pastoviai* Шальчынінскі раён (ідэнтычная назва), в. *Pastovėlis* Малецкі раён (-ėlis – суфікс), в. *Pastoviškis* Швянчонскі і Уценскі раёны. Звернем увагу на тое, што назва сустракаецца на тэрыторыі бытавання літоўскай тапаніміі і яе арэал распаўсюджання супадае з той часткай Літвы, якая непасрэдна мяжуе з Пастаўскім раёнам, што ўказвае на блізкасць назвы. Такім чынам, можам меркаваць, што ў гісторыі назвы Паставы назіраецца літоўскі (балцкі), а не славянскі след.

Узгаданыя літоўскія айконімы ўтвораны ад гідронімаў: воз. *Pāstovis* і *Pastovėlis* (Малецкі раён), воз. *Pastovys* (Зарасайскі, Лаздзіўскі Уценскі раёны), воз. *Pastovėlis* (Ігналінскі раён) (Vanagas, 1981, 248). Трэба адзначыць, што дадзеныя гідронімы распаўсюджаны больш шырока, але таксама на памежных з Беларуссю тэрыторыях (Vanagas, 1981, 211; Vanagas, 1970, 119).

Яны ўзніклі на базе наступных апелятываў: *pāstovis*, *pastovys* ‘месца для адпачынку, побыту; месца для стаянкі кароў у сярэдзіне гарачага летняга дня’ (LKŽ). Найбольш верагодна, што гідронімы ўзніклі ад лексем *pāstovis* ‘стаячая вада або вада, якая не цячэ’, *pāstovis* або ад *póstovis* ‘глыбокае месца ў рацэ, дзе павольна цячэ вада’ (LKŽ). Горад *Паставы* ўзнік на беразе ракі *Мядзёлка*, то цалкам верагодна, што месца, на якім ён ўтварыўся, называлася *póstovis*. Там быў заварот ракі, і вада застоивалася. Такім чынам, Паставы маюць гідранімічнае паходжанне (ад назвы вадаёма ці пэўнага кавалка вадаёма, каля якога ўзніклі), таму з вялікай доляй верагоднасці сцвярджаем, што назва горада мае балцкае (а не славянскае) паходжанне.

Шаркаўшчына

Айконімы на *-шчына* патранімічнага паходжання і ўзніклі ад адпаведных антрапонімаў. Таму паспрабуем знайсці імя, ад якога ўтварылася назва.

Даследчык беларускіх прозвішчаў М. Бірыла прыводзіць беларускае прозвішча *Шарко*, у якім сумніў выклікае канчатак *-о*. На яго думку, яно магло суадносіцца са словамі *шаргун* ці *шэры*, *шарак* (Бірыла, 1969, 348). Аднак даследчык не прыводзіць дадзеных адносна арэала распаўсюджання імя, што вельмі важна. Таму не маем дастатковых абгрунтаванняў, каб выводзіць імя ад гэтага прозвішча.

Разгледзім прозвішча *Шаркоў*. *Шаркаўшчына* ўпершыню ўзгадваецца ў 1503 г., г. зн., што *Шарковы* ўжо да гэтага часу не толькі павінны былі жыць у гэтым населеным пункце, але і насіць дадзенае прозвішча ці мянушку.

Прааналізуем, ці зафіксавана гэта форма антрапоніма ў гістарычных крыніцах. Паводле сучасных крыніц, *Шарковы* сярод жыхароў рэгіёна не сустракаюцца. Звернем увагу на саму форму. Антрапонімы з канчаткам на *-оў* характэрны для рускіх прозвішчаў, а таксама для ўсходняй часткі Магілёўскай вобласці. Да таго ж, большасць рускіх прозвішчаў сфарміравалася толькі ў XIX ст. Антрапонім *Шаркоў* упершыню ў дакументах фіксуецца ў 1654 годзе (Тупиков, 1903, 832), праз паўтарастагоддзя пасля звестак пра *Шаркаўшчыну*. Таму, каб прозвішча стала топалексмай у дадзеным рэгіёне ў XVI ст, нам уяўляецца малаверагодным.

Самыя архаічныя назвы ў рэгіёне фінскага паходжання, якіх захавалася вельмі мала. Аднак варта разгледзіць і гэту гіпотэзу. Знакаміты даследчык тапаніміі Ю. Трусман тапонімы з асновай *Шарк-* лічыць фінскага паходжання. І як аргумент, прыводзіць цэлы шэраг апелятываў, якія сустракаюцца ў фінскіх мовах: эстонскае *särg* 'плотка', фінскае *särki* 'тое самае', ліўскае *särg* 'чырвоная ці рыжая вока' (Трусман, 1907, 316). Як бачым, апелятыў цалкам мог паслужыць словаўтваральнай мадэллю для топалексемы, на аснове якой узнік узгаданы айконім (у вадаёмах водзіцца шмат плоткі). Але наўрад ці магла назва населенага пункта захоўвацца больш за дзве тысячы гадоў. Зразумела, што назва айконіма захавацца не магла, праўда, магла пазней узнікнуць на аснове гідронімаў, утвораных з дапамогай топалексемы. Але ў *Шаркаўшчыне* і паблізу падобныя назвы вадаёмаў не зафіксаваны. Такім чынам, у чарговы раз не маем дастатковых доказаў, каб пацвердзіць фінскі след у паходжанні імя.

Калі прааналізуем аднакарэнныя назвы, якія сустракаюцца блізу *Шаркаўшчыны*, у Браслаўскім раёне знаходзім два айконімы *Шаркішкі*. Літоўская айканамічная мадэль на *-ішкі* ўтворана па той самай мадэлі, што і беларускія на *-шчына*: ад імёнаў або ўладальнікаў населеных пунктаў, або ад назвы групы людзей, якая там пражывае. Такім чынам, літоўскія назвы на *-ішкі* ідэнтычныя беларускім на *-шчына* (антрапонім + патранімічны суфікс).

Для больш дакладнай этымалогіі населенага пункта неабходна высветліць арэал распаўсюджвання ідэнтычных назваў, напрыклад, *Шаркішкі*. Большасць з іх, акрамя Браслаўскага раёна, сустракаецца ў Варэнскім, Віленскім, Зарасайскім, Малецкім, Алітускім раёнах Літоўскай Рэспублікі. Гэта тыя раёны, якія непасрэдна мяжуюць з Беларуссю і знаходзяцца ў непасрэднай блізкасці да Браслаўскага і Шаркаўшчынскага раёнаў. Такім чынам, арэал распаўсюджвання назвы наступны: заходняя частка Віцебскай і Гродзенскай абласцей і ўсходняя частка Літвы. Гэта дае нам магчымасць сцвярджаць, што менавіта тут быў распаўсюджаны антрапонім, які паслужыў асновай для ўзнікнення дадзенага тыпу айконімаў.

Словаўтваральнай мадэллю для айконіма *Шаркішкі*, хутчэй за ўсё, сталі літоўскія антрапонімы *Šarka, Šarkis, Šarkys* (Zinkevičius, 2008, 512). Ідэнтычнасць словаўтваральнай мадэлі, а таксама прыналежнасць да арэала распаўсюджвання імя дае падставы сцвярджаць, што разглядаемы айконім узнік на базе

прыведзеных айконімаў. Цвёрдасць гука *к* у аснове ўказвае, што ў дадзеным выпадку асновай для ўтварэння паслужыў антрапонім *Šárka*. Такім чынам, разгледзеўшы найбольш верагодныя версіі, прыходзім да высновы, што назва *Шаркаўшчына* ўтварылася на базе балцкага (літоўскага) антрапоніма.

Як і ў назве *Мёры*, у дадзенага айконіма сустракаецца рознае вымаўленне і напісанне: *Шаркаўшчына* і *Шаркоўшчына*. Нягледзячы на тое, што айконім узнік з літоўскага антрапоніма, утварыўся ён па беларускай словаўтваральнай мадэлі: антрапонім + патранімічны суфікс *-шчына*. Само імя ўтрымлівае звесткі пра людзей (чалавека), якія далі яму назву. Такія назвы звычайна ўтвараліся як адказ на пытанні: Чый? Чый дом? Чый надзел? Чый кавалак? Прыметнікі ад мужчынскіх імёнаў на *-а* ўтвараліся наступным чынам: *Васька* – *васькаў*, *Пецька* – *пецькаў*, *Шэнда* – *шэндаў*, *Краська* – *краськаў* і г.д. Няцяжка заўважыць, што ў беларускай мове атрымліваецца канчатак *-аў*, у рускай у дадзенай сітуацыі – *-ов*. Зараз можам праілюстраваць дакладнае ўтварэнне нашага айконіма. У беларускай мове: *Шарк+аў+шчына*, у рускай мове: *Шарк+ов+щина*.

На жаль, беларуская тапаніміка моцна русіфікуецца, таму значная частка насельніцтва выбірае з русіфікавання варыянты, як і адбылося ў дадзеным выпадку.

Сам жа айконім *Шаркаўшчына* адлюстравваў этнічныя працэсы, якія адбываліся на тэрыторыі заходняй Віцебшчыны. Прыведзены матэрыял ілюструе, як праходзіла паступовая асіміляцыя балцкага насельніцтва славянскім (у нашым выпадку асіміляцыя літоўскага насельніцтва беларускім): свядомасць яшчэ заставалася балцкай, але мова рэгіёна ўжо была беларускай.

ЗАКЛЮЧЭННЕ

Этымалагізаваўшы айконімы *Мёры*, *Паставы* і *Шаркаўшчына*, прыходзім на высноў, што ў паходжанні назваў назіраюцца фінскі, балцкі (літоўскі) і славянскі (беларускі) уплывы.

Айконім *Мёры* мае гідранімічнае паходжанне і ўзнік ад назвы возера, на беразе якога зарадзіўся будучы горад. Найбольш верагодна, што лімnonім фінскага паходжання: складаецца з двух асноў *mai/j*/*jaura*: *mai/j* ‘бабёр’ і *jaura* ‘возера’. Назва вадаёма цягам некалькіх стагоддзяў пад уплывам славянскай (беларускай) мовы трансфармавалася з фінскай *Maijaura* ў беларускае *Мёры*.

Айконім *Паставы* таксама гідранімічнага паходжання і ўзнік на базе літоўскіх лексем: *pāstovis pāstovis* або *póstovis*. Сам горад знаходзіцца на беразе ракі *Мядзёлка*, дзе быў заварот ракі і вада застоивалася ці там было глыбокае месца, дзе павольна цякла вада. Такім чынам, відавочны балцкі (літоўскі) след. На літоўскае паходжанне ўказвае і арэал распаўсюджання імя: ён супадае з ідэнтычнымі літоўскімі айконімамі гідранімічнага паходжання.

У адрозненні ад айконімаў *Мёры* і *Паставы*, *Шаркаўшчына* мае патранімічнае паходжанне і ўзнікла на базе літоўскага антрапоніма *Šárka*. Ідэнтычныя

літоўскія назвы з дадзенай топалексмай *Шарк*- шырока распаўсюджаны ў заходняй частцы Віцебскай і Гродзенскай абласцей і ва ўсходняй частцы Літвы, што ўказвае на роднасць назваў. Таксама літоўская мадэль *Шаркішкі* ўтворана па аналагічнай схеме: антрапонім плюс патранімічны суфікс. Гэта дае падставы сцвярджаць, што балта-славянская моўная мяжа паступова рухалася з усходу на захад і ў XVI ст. *Шаркаўшчына* знаходзілася на памежжы, дзе менавіта ў гэты час праходзіў заключны этап славянізацыі балцкага насельніцтва.

З дапамогай супастаўляльнага метада мы змаглі з той ці іншай ступенню верагоднасці вызначыць паходжанне імёнаў і на падставе словаўтваральных мадэлей іх моўную першакрыніцу.

Разгледжаныя назвы захавалі фінскія, балцкія і славянскія сляды і сведчаць пра тое, што ў дадзеным рэгіёне жылі фіны, балты і пазней – славяне. Пазней гэтыя імёны былі ўключаны ў беларускі анамастыкон.

ЛІТАРАТУРА

1. Adamkovich, A. 2013. *Baltų ir slavų kalbų vardyno kontaktai vitebsko srityje*. Daktaro disertacija. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
2. Būga, K. 1961. *Rinktiniai raštai*. T. 3. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.
3. LKŽ: *Lietuvių kalbos žodynas*. TT. 1–2. Vilnius: Mintis. 2-asis leidimas; TT. 3–6, 1956–1962. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla; TT. 7–9, 1966–1973. Vilnius: Mintis; TT. 10–15, 1976–1991. Vilnius: Mokslas. 19–17, 1995–1996. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla; TT. 18–19, 1997–1999. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas; TT. 20, 2002. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
4. Safarewicz, J. 1956. Litewskie nazwy miejscowe na –iszki. Iš: *Onomastika* 2 (1).
5. Vanagas, A. 1970. *Lietuvos TSR hidronimų daryba*. Vilnius: Mintis.
6. Vanagas, A. 1981. *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius: Mokslas.
7. Zinkevičius, Z. 2008. *Lietuvių asmenvardžiai*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
8. Zinkevičius, Z. 2013. *Lietuviai: praeities didybė ir sunykimas*. Vilnius: MELC.
9. *Беларуская мова: энцыклапедыя*. 1994. Сачанка, Б.І., Міхневіч, А.Я. (рэд.). Мінск: Беларуская Энцыклапедыя.
10. Бірыла, М.В. 1969. *Беларуская антрапанімія. 2. Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі*. Мінск: Навука і тэхніка.
11. Бірыла, М.В., Ванагас, А.П. 1968. *Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы*. Мінск: Навука і тэхніка.
12. Гринблат, М. 1968. *Белорусы. Ис: Очерки происхождения и этнической истории*. Минск: Наука и техника.
13. Дини, П. 2002. *Балтийские языки* (Пер. с итал.). Москва: ОГИ.
14. Жучкевич, В.А. 1974. *Краткий топонимический словарь Белоруссии*. Минск: Белорусский государственный университет.
15. Керт, Г. 2009. *Саамская топонимная лексика*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН.

16. Седов, В. 1979. *Происхождение и ранняя история славян*. Москва: Наука.
17. *Словарь древнерусских личных собственных имен*. 1903. Тупиков Н.М. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова.
18. Трубачёв, О. 2009. *Труды по этимологии: Слово. История. Культура*. Т. 4. Москва: Рукописные памятники Древней Руси.
19. Трусман, Ю. 1907. *Этимология мѣстныхъ названий Витебской губернии*. Ревель: Типография Г. Матизена.
20. *Этимологический словарь славянских языков*. Т. 17. 1974–2008. Москва: Наука.
21. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 6. 1978–1993. Мінск: Навука і тэхніка.

SANTRAUKA

APIE OIKONIMŲ MIORY, POSTAVY, ŠARKOVŠČINA KILMĘ

Aleksandr Adamkovič

Apie gyvenančias etnines grupes, apie etnokalbinių pasaulėvaizdžio pokyčius vienoje arba kitoje teritorijoje mes galime sužinoti ne tik iš istorinių, bet ir lingvistinių, visų pirmą onomastinių, duomenų (faktų). Šiame straipsnyje nagrinėjami klausimai apie *Miory*, *Postavy*, *Šarkovščina*, esančių Vitebsko srities vakarų pusėje, miestų pavadinimų atsiradimą.

Oikonimai *Miory* yra hidroniminės kilmės: jų pavadinimų pagrindas yra vandens telkinių (arba jų dalių), šalia kurių jie atsirado, pavadinimai. Ežero *Miory* pavadinime (nuo kurio ir atsirado miesto pavadinimas) galime išvelgti suomių požymius: per porą šimtą metų pavadinimas *Maijaura* (*maiij/jaura*: *maiij* ‘bebras’ i *jaura* ‘ežeras’) transformavosi į baltarusių *Miory*. Pavadinimas *Postavy* tikriausiai kyla nuo lietuviško *póstovis* ‘gili upės vieta, upės dalis, kur lėtai teka vanduo’. Baltarusių kalboje lietuviškas pavadinimas *Póstovis* transformavosi į *Postavy*.

Šarkovščina – patroniminės kilmės: nuo lietuviško antroponimo *šarka*.

Mūsų nagrinėti toponimai rodo, kad šioje teritorijoje senovėje gyveno suomių gentys, paskui juos pakeitė baltai ir jau vėliau slavai.

Raktiniai žodžiai: miesto pavadinimai, oikonimai, transformacija, antroponimai, patroniminės kilmės.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА ОЦЕНОЧНЫХ ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ НА СТИМУЛЫ-ЧАСТИ ТЕЛА

Железовская Наталья

Минский государственный лингвистический университет,
ул. Жукова 30-52, г. Гомель, 246027, Беларусь, zhuravliku@mail.ru

ABSTRACT

Verbal-Ethnic Peculiarities of Verbal Associations of Assessment to Stimuli-Parts of a Body

The article covers upon verbal-ethnic peculiarities of neutral reactions and ones with assessment (positive and negative) to stimuli head, hand, foot in Russian, Belarusian and American associative dictionaries. It deals with qualitative and quantitative analyses of associations-assessments and their further classification as the method of defining them. It is based on psycholinguistic research foundation of valuable reflection of different objective relations and investigates objective and verbal semantic links between words in the associative-verbal network of an average language speaker. While defining associative links of assessment, the author looks upon reactions as the words that may contain general assessment in their denotative meaning. A binomial stimulus → reaction is also considered as either a free or set word expression with possible connotative assessment. Assessment can be implied out of the direct meaning of the actualized expression or its figurative meaning. It is concluded, that frequent phraseological associative links in the associative-verbal network of an average language speaker predetermine one's evaluative attitudes to the objects and contribute to evaluative components of meaning of the corresponding words. The so-called precedential associations can refer not only to idioms of a language, but also to names, titles, texts, objects and notions of a cultural group. Different salience of the categories in the three languages indicates some deductions about the specific properties of the linguistic world image of Russians, Belarusians and Americans, of their verbal thinking.

Keywords: associative-verbal network, associative fields «head», «hand», «foot», ethnic group, associative dictionary, semantic links, syntagmatic and paradigmatic reactions, connotation of assessment, phraseological associative links, precedential associations, positive and negative assessment, human needs.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Рост межкультурных коммуникаций вызвал необходимость переориентации сопоставительного анализа языковых систем на изучение этнокультурной специфики реального функционирования языка. Ценности, эмоции, оценки, память, установки, паттерны восприятия действительности носителя языка часто не осознаются, но оказывают свое влияние на структуру его **ассоциативно-вербальной сети** (АВС), особенности словесных ассоциаций. Данное понятие ввел Ю.Н. Караулов для характеристики совокупности семантических, грамматических, фонетических, лексических и других ассоциативных связей между единицами активного лексикона усредненного носителя языка. (Караулов, 1999, 13). АВС материально зафиксирована в ассоциативном тезаурусе языка, где представлена как совокупность ассоциатов на слова-стимулы, называемых **ассоциативными полями слова**.

Изучая ассоциативное поле слова, исследуется его ассоциативное значение. В данном исследовании мы придерживаемся интегрального подхода к значению слова, сторонники которого (А. И. Смирницкий, В. М. Богуславский, Д. П. Горский, А. А. Леонтьев, Г. В. Колшанский, Б. А. Серебренников, А. А. Залевская, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, И. А. Стернин и др.) предлагают рассматривать образы, эмоции и оценки, которые ассоциируются в сознании индивида с той или иной лексемой, как «недифференциальные компоненты» семантической структуры данного слова. Эти составляющие «являются вполне реальными для языкового сознания носителей языка элементами языковой компетенции, часто актуализуются в речи, ложатся в основу семантического варьирования слова, в значительной степени обуславливают сочетаемость и семантические связи слова» (Серебренников, 1983, 14). По мнению Ю. Н. Караулова, И. Г. Овчинниковой, Г. А. Мартинович, В. Е. Гольдина, А. П. Сдобновой, А. П. Клименко, Н. В. Уфимцевой, ассоциативные связи слова отражают его готовность участвовать в общении в качестве элемента высказывания. Т.е., состоянием АВС в значительной мере определяются содержание и форма текстовой речевой практики носителя языка. Однако здесь наблюдается взаимозависимость: на строение АВС оказывают влияние тексты, пропускаемые через восприятие человека.

В рамках исследования степени представленности и особенности выражения оценки в ассоциативно-вербальной сети представителя этноса мы обратились к материалам русского (Караулов и др., 2002), белорусского (Цітова, 1981) и американского (Jenkins, 1952) ассоциативных словарей (АС). Цель данной работы – провести количественный и качественный сравнительный анализ оценочных ассоциаций на стимулы-части тела: *голова – галава – head, рука – рука – hand, нога – ступня – foot*, чтобы сделать выводы о связанных с этноязыковой спецификой особенностях значений данных слов и оценочном восприятии данных частей тела носителями соответствующих языков. Тре-

буется решить следующие задачи: дать определение понятиям *нейтральные ассоциации, положительные / отрицательные оценочные ассоциации, эмоционально-оценочный компонент значения слова, прецедентные ассоциации*; классифицировать оценочные ассоциации соответствующих ассоциативных полей, подсчитать количественный состав категорий в трех языках; определить актуальность оценочной стратегии реагирования для представителей той или иной этноязыковой среды и роль связей фразеологического характера в их восприятии части тела. Основная использованная методика – семантико-когнитивный анализ ассоциативных пар «стимул-реакция» на предмет потенциальной оценочности и знака оценки с привлечением количественных характеристик ассоциативных полей и лексикографических данных. Для выявления и регистрации ассоциативных связей оценочного характера методом сплошной выборки проанализированы все реакции (R) на данные слова-стимулы в количестве 6358 R (1220 в русском, 2313 в белорусском и 2825 в американском AC), за исключением одиночных R, так как они отражают лишь индивидуальный опыт респондентов, а не свойственный представителям конкретного социума.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Если ассоциации отражают закономерные для сознания индивида связи между фактами, событиями и явлениями, тогда вербальные реакции на части тела могут быть обусловлены или спецификой физиологического устройства человека, или такими особенностями его этноса, как природно-климатические, территориальные, бытовые, социально-экономические условия. В таком случае мы говорим об ассоциациях, продиктованных собственным опытом индивида как человеческого существа и представителя этносреды. При таком подходе вербальные реакции на стимулы-части тела можно тематически распределить по группам, характеризующим их цвет (*head* → *brown, red* ‘рыжий’*), функцию (*нога* → *ходить, идти, бежать**), материал (*рука* → *каси́нная**), физическое состояние (*галава* → *п’яная, кружыцца, хвора* (–R)), местоположение (*ступня* → *левая**), температуру (*рука* → *теплая* (+R), *холодная* (–R)), текстуру (*foot* → *smooth* (+R), *chapped* ‘обветренная’ (–R)), силу (*рука* → *магутная, мускульная, сільная* (+R)), внешний вид (*нога* → *красивая, стройная* (+R)), состояние покровов (*head* → *hair cut* (+R), *bald* (–R)), вес (*нага* → *цяжкая* (–R)), форму (*галава* → *круглая, шар**), размер (*нога* → *большая, маленькая**), мастерство (*рука* → *умелая, працавітая* (+R)), пользу (*рука* → *помощи, верная* (+R), *загребущая* (–R)), общую оценку (*рука* → *добрая* (+R)), обладателя (*hand* → *woman, man**) и его характеристику (*галава* → *дурная, мудрая, кемлівы*), другие органы и части тела (*head* → *hair, body, eyes, heart, neck, arms**), смежные предметы и понятия (*ступня* → *боты, пясок, веласі́нед, памер**). Самые популярные группы ассоциаций среди американцев – другие части тела (31.3 %) и смежные объекты (16.9 %), у белорус-

сов – обладатели (19.9 %) и размер-форма (17.6 %), у русских – другие части тела (16.5 %) и физическое состояние (13.4 %).

Однако ассоциации могут быть обусловлены еще и такими неотъемлемыми составляющими этноса, как включающая язык культура, менталитет, национальное сознание/самосознание и связанные с ними установки, ценности, нормы, мотивы, стереотипы, традиции, стремления народа. В данном исследовании нас особенно интересуют **оценочные ассоциации**, имеющие вышеперечисленные культурные предпосылки. К ним относятся слова-реакции, актуализирующие эмоционально-оценочный компонент значения слова-стимула или через собственные оценочные значения, или оценочные коннотации словосочетания, которое образует (к которому отсылает) данный биномом. Под **эмоционально-оценочным компонентом значения слова** понимается оценка какого-либо объекта и связанные с этой оценкой чувства субъекта, закрепленные в семантике данного языка в виде денотативного или коннотативного компонента лексического значения слова или имплицативно закрепленные в значении слова через ассоциативные связи с другими словами. Таковых в трех словарях было зарегистрировано 2948 R (46.4 %). **Положительно / отрицательно оценочные ассоциации** (в вышеперечисленных примерах помечены (+R) и (–R)) актуализируют в сознании носителя языка положительные / отрицательные оценки и связанные с ними положительные / отрицательные чувства в ответ на значение слова-стимула или его устойчивые семантические связи с другими словами. Знак оценки обусловлен тем, отвечает ли вызванный биномом «стимул → реакция» образ основным человеческим потребностям, соответствует ли ценностям, нормам, социальным установкам, стереотипам этнокультурной среды индивида. А. Маслоу к потребностям относит следующие: физиологические (еда, вода, сон, кров, половое влечение), эстетические (гармония, порядок, красота), познавательные (знать, уметь, понимать, исследовать), в безопасности (здоровье, стабильность), принадлежности (любовь, дружба, общение), уважении (признание, одобрение, компетентность) и самоактуализации (достижение целей и развитие). Вербальные реакции, характеризующиеся безоценочным отношением представителей языковой среды, относятся к **нейтральным ассоциациям**, которые составили 53.6 % от всех проанализированных реакций (в вышеперечисленных примерах помечены «звездочкой»).

Были выявлены универсальные для ассоциативно-вербальной сети носителя языка способы актуализации и вербализации через реакции эмоционально-оценочного компонента значения слов, обозначающих части тела. К оценочным ассоциациям относятся следующие:

- 1) Ассоциирование при помощи слов-реакций с общеоценочным денотативным значением «хороший» или «плохой» (*галава → добрая, цудоўная, як галава*).
- 2) Оценочность проявляется как коннотация, сопутствующая прямому значению словосочетания, образованного биномом стимул → реакция.

- а) Респондент при сознательной или бессознательной оценке может прибегнуть к сравнению части тела с другими представителями класса. Она представлена «объект-объектной» оценкой, вытекающей из сравнения объекта с совокупностью представлений субъекта о классе объектов, в который входит оцениваемый объект (Чернышова, 2014, 76). Понятие нормы здесь субъектометрично и субъектоцентрично, часто связано с тем, что именно приемлемо, ценится или, наоборот, не приветствуется в конкретном социуме (*голова* → *лысая*; *рука* → *холодная, тонкая, тоўстая, загарэлая; ступня* → *пляскастая; hand* → *soft, strong*).
- б) Встречается и «субъект-объектная оценка» (Чернышова, 2014, 76) на основании представления об объекте, как удовлетворяющем или не удовлетворяющем мыслительную, физиологическую, эстетическую потребность субъекта (*голова* → *разум, идея, думать, умная, глупая; рука* → *ласкавая, прыгожая, пняшчота, сябра, таварыша, злодзея; hand* → *ring, food, lotion*). К такого рода оценочным реакциям были причислены и те, что относят части тела к своим или чужим, родным или не знакомым (*рука* → *матери, своя; рука* → *чужая; галава* → *бацькі, мая*).
- 3) Оценочность вербальных ассоциаций определяется оценочной коннотацией, сопутствующей переносному значению слова-стимула и образованного им в биноме со словом-реакцией устойчивого словосочетания. По нашей гипотезе, язык, являясь важнейшим средством общения, сам по себе выражает всевозможные типичные оценки и влияет на ассоциации человека, а, следовательно, на его восприятие мира. По мнению Ю.Н. Караулова, мы все живём в мире имён, фраз, названий и целых текстов, которые делают этот непостоянный мир стабильным (Караулов 2002, 755). «Совокупность сведений, которые принято относить к культуре в широком смысле слова, составляет необходимую часть владения языком <...> или апперцепционную базу, что с большой экономией языковых средств и интеллектуальных усилий обеспечивает <...> взаимопонимание» носителей языка (Караулов 2002, 758). Если придерживаться данной теории, тогда по суммарным данным трех словарей большинство оценочных реакций относятся к **прецедентным ассоциациям**, т.е. продиктованным устойчивой языковой сочетаемостью слова-стимула и его переносным или омонимичным значением. Они составляют 64.4 % от найденных оценочных реакций и 29.9 % от всех проанализированных.
- Только 4.4 % прецедентных ассоциаций являются нейтральными (*foot* → *ball, note* 'footnote – сноски', *stool* 'скамеечка для ног' и др.), а остальные – оценочными. Ведь именно фразеологические единицы языка являются одним из наиболее эффективных способов передачи разнообразных видов оценки. При их помощи мышление человека структурирует информацию. В них в сжатой и образной форме представлены оценочные стереотипы и нормы жизни народа.
- а) В большинстве зафиксированных случаев не вызывает сомнения прецедентный характер ассоциирования и актуализация переносного значе-

- ния. Поэтому, многочисленные реакции, на первый взгляд характеризующие с определенного ракурса часть тела или смежный с ней объект, с учетом силы языковых связей могут быть отнесены к прецедентным (*голова* → *светлая* 'умный', *работать* 'работать головой – думать', *садовая* 'растяпа', *пустая* 'глупый', *забитая* 'занятой', *раскалывается* 'болит'; *head* → *soft* 'глупый', *high* 'high-headed – заносчивый', *above* 'head above water – на плаву', *cold* 'трезво мыслит', *hot* 'агрессивный', *strong* 'умная', *leader* 'глава', *beer* 'пивная пена', *cheese* 'головка сыра'; *рука* → *цвердая*, *крэпкая* 'уверенный, строгий', *валасатая* 'имеющий покровителя', *цяжкая* 'больно бьет', *легкая* 'везучий', *доўгая* 'влиятельный', *кароткая* 'руки кароткия – не достоин', *залатая* 'умелый', *працавітая*, *дапамогі*, *сябра*; *hand* → *mouth* 'hand-in-mouth – в нужде'; *foot* → *pad* 'footpad – разбойник'; *mouth* 'foot-in-mouth disease – привычка говорить неуместное', *soldier* 'пехота, подчиненный', *stool* 'скамеечка для ног', *sleep* 'порнография' и др.).
- б) К оценочным прецедентным также относятся ассоциации, актуализирующие омонимичное значение слова-стимула *голова* 'главный, верх', которое изначально имеет положительную оценочную коннотацию (*галава* → *сям'і*, *дома*, *калоны*, *калгаса*, *глава*; *head* → *top*, *leader*, *first*, *table*, *waiter*). Реакции, связанные с другими омонимами слов-частей тела, оказались нейтральными (*foot* → *yard* 'ярд', *round*; *head* → *cabbage* 'кочан', *lettuce* 'пучок').
- в) Были обнаружены отражающие системные языковые связи парадигматические ассоциации, представляющие собой синонимы и перифразы, гиперонимы или гипонимы слова-стимула. Все зарегистрированные реакции-синонимы и реакции-перифразы оказались оценочными. Они могут быть отнесены к прецедентным, так как отражают характерный для языка метафорический перенос (*галава* → *качан*; *рука* → *лапа*) или способ передачи оценочной коннотации (*рука* → *ручка*). Если гипоним или гипероним не входит со словом-стимулом в состав фразеологической единицы языка, тогда подобные ассоциации не относятся к прецедентным и являются нейтральными (*голова* → *нос*, *тело* – *нейтральные*; *два уха* 'наивный', *мозг* 'мозговитый – умный' – *оценочные*). Встретились и созвучные со словом-стимулом реакции, его повторы, грамматические формы (*рука* → *река*, *рука*; *foot* → *feet*). В данных биномах устойчивые связи оценочного характера не были обнаружены, за исключением таких случаев, как *рука* → *об руку* 'вместе'; *нога* → *в ногу* 'дружно'.
- г) Встречаются отсылки к узнаваемым текстам, названиям, именам, объектам, понятиям культуры (*голова* → *профессора Доуэля* (–R) 'относящийся к литературе ужасов роман А. Беляева'; *нога* → *попала в колесо* (–R) 'цитата из песни и анекдота'; *foot* → *big* 'Bigfoot' (+R) – сказочное существо, обитающее в горах Америки и Канады'; *рука* → *Паганини* (+R) 'слепок руки гениального скрипача'; *железная* (+R) 'роман Л. Буссенара о благо-

родном рыцаре'; *рука* → *брыльянтавая* (+R) 'советская комедия'; *head* → *John* (+R) 'John Head – американский баскетбольный судья'). Оценочность подобных ассоциаций вызвана эмоционально-оценочными ореолами, вызванными определенными произведениями культуры и созданными образами.

Как видно из примеров, прецедентные тексты культуры задаются в пред-речевой готовности ассоциативно-вербальной сетью следующими способами: названием, цитатой, именем персонажа или человека, объектами и понятиями культуры; а фразеологизмы – целым или сжатым фразеологизмом.

Итак, среди прецедентных ассоциаций, которые в биноме стимул→реакция актуализируют переносные значения слова-стимула и образуют устойчивые словосочетания, в основном встречаются «субъект-субъектные оценки» (Чернышова, 2014, 76). Они характеризуют человека: его способности (*голова* → *ясная* 'четко мыслит', *пустая*, *не варит*, *тупая* 'глупый'; *галава* → *асла*, *баран* 'ослиная, баранья башка - глупая'; *рука* → *працавітая*; *нага* → *нязграбная*) и физические состояния (*галава* → *п'яная*, *кружыцца*), черты характера и отношение к другим людям (*голова* → *два уха* 'наивный', *hand* → *hard* 'hard-handed – жестокий'; *head* → *hard* 'hard-headed - упрямый'), моральные качества и пользу (*рука* → *чистая* 'не чист на руку – не честный', *загребуцая* 'жадный', *дружбы*; *hand* → *white* 'white-handed – невинный'), положение в социуме (*рука* → *владыка* 'где сила, там и закон', *длинная*, *большая* 'влиятельный'; *head* → *shoulders* 'head and shoulders above the rest – на голову выше остальных'), состояние здоровья (*галава* → *з плеч* 'казнить', *цяжкая* 'усталость, недомогание'), эмоции (*head* → *over*, *heels* 'head over heels - влюблен'; *нога* → *левая* 'встать с левой ноги – сердиться'; *cold* 'трезво мыслит'). В реакциях могут актуализироваться и обозначающие абстрактные понятия фразеологизмы (*рука* → *судьбы* 'рука судьбы – рок'; *рука* → *легкая* 'везение').

Могут актуализироваться объекты, для которых часть тела выступает мерилom объема, длины (*head* → *foot*, *toe* 'from head to foot (toe) – целиком'), действия (*галава* → *з плеч* 'казнить'; *нога* → *рука* 'взять ноги в руки – удрать'), местоположения (*head* → *class* 'высший класс', *beer* 'пивная пенка'; *галава* → *калоны*, *першы*) и формы (*нога* → *костыль*, *лапа* 'пренебрежительно о ноге', *ступня* → (як у) *каня*).

Этноязыковое отличие заключается в том, что среди русских респондентов значительно преобладают оценочные реакции (80.2 %), а американских – нейтральные (77.5 %). У белорусов количественный отрыв оценочных реакций минимален (57.6 %), а значит, оценочная стратегия ассоциирования выражена не так сильно, как у русских.

Высокий показатель оценочности свидетельствует о значимости части тела для представителей этноса. У русских наблюдается почти равное распределение оценочных ассоциаций: *голова* (34.6 %), *рука* (33.0 %), *нога* (32.4 %). Среди

американцев явно лидирует *head* (63.2 %) по сравнению с *hand* (27.0 %) и *foot* (9.8 %). У белорусов значительно опережают *галава* (45.0 %) и *рука* (44.0 %).

Среди белорусских и американских респондентов положительно оценочные ассоциации значительно преобладают над отрицательно оценочными и составляют чуть более 76.5 %. Среди русских оценочных ассоциаций с противоположным знаком почти поровну. По данным белорусского АС, преобладание положительно оценочных ассоциаций наблюдается на все стимулы-части тела, американскому – на стимулы *head* и *hand*, русскому – только *рука*.

Далее приведем таблицу самых противоречивых по знаку оценки частей тела в каждом АС с указанием процента (+R) и (–R) от всех оценочных реакций в отдельном АС на каждую часть тела.

Кол-во R	Русский АС	Белорусский АС	Американский АС
	часть тела % (+R) vs. % (–R)	часть тела % (+R) vs. % (–R)	часть тела % (+R) vs. % (–R)
max	<i>голова</i> 39.5 / 60.5	<i>галава</i> 70.7 / 29.3	<i>hand</i> 69.8 / 30.2
	<i>нога</i> 24.0 / 76.0	<i>ступня</i> 82.9 / 17.1	<i>foot</i> 17.7 / 82.3
min	<i>рука</i> 80.5 / 19.5	<i>рука</i> 85.2 / 14.8	<i>head</i> 88.8 / 11.2

Самые противоречивые оценки через вербальные ассоциации русских и белорусов получает *голова*, наименее противоречивые – *рука*. У американцев – это *hand* и *head* соответственно.

Следующая таблица дает представление о наиболее/наименее позитивно/негативно оцениваемых частях тела в АС с указанием процента оценочных реакций соответствующего знака на каждую часть тела от всех оценочных этого же знака в АС.

АС	Русский АС	Белорусский АС	Американский АС
+R max	<i>рука</i> 55.3	<i>рука</i> 47.8	<i>head</i> 73.2
	<i>голова</i> 28.5	<i>галава</i> 40.6	<i>hand</i> 24.6
min	<i>нога</i> 16.2	<i>ступня</i> 11.6	<i>foot</i> 2.2
–R max	<i>нога</i> 47.3	<i>галава</i> 61.1	<i>hand</i> 35.1
	<i>голова</i> 40.3	<i>рука</i> 30.2	<i>foot</i> 34.5
min	<i>рука</i> 12.4	<i>ступня</i> 8.7	<i>head</i> 30.4

Самой положительно оцениваемой среди русских оказалась *рука*, а отрицательно – *нога*, среди белорусов – *рука* vs. *ступня*, среди американцев – *head* vs. *foot*.

Русские респонденты на часть тела наиболее часто приводят оценочные ассоциации, обращаясь к частям тела (23.7 %), указывая на ее физическое состояние (16.8 %), обладателя (9.9 %), форму (8.2 %), мастерство (6.9 %); белорусы указывают на мастерство (17.2 %), обладателя (13.0 %), размер (11.1 %), форму (8.9 %), физическое состояние (6.5 %). Американцы зачастую обращаются к

частям тела (43.5 %), актуализируют омонимичное значение слова-стимула (12.1 %), указывают на функцию (10.4 %), текстуру (9.3 %) части тела и смежные с ней объекты (8.6 %).

Наибольшее влияние устойчивые словосочетания, имеющие в составе слово-часть тела, оказывают на устройство ассоциативных полей «части тела» представителей русского этноса, а значит и их ассоциативно-вербальной сети (49.0 % прецедентных ассоциаций от всех проанализированных в АС), а наименьшее – американского (18.6 %). У белорусов они составляют 33.6 %. Следовательно, речь русских больше насыщена образными оборотами, которые наполняют ее оценочными смыслами.

Прецедентные ассоциации русских на части тела чаще всего отсылают к оценке способности человека (28.8%), физического состояния (16.0 %), его моральных качеств и пользы (12.5 %), к предметам, для которых данная часть тела является эталоном действия (16.9 %). Белорусы таким образом склонны оценивать способности (50.2 %), моральные качества и пользу человека (19.7 %), его черты характера и отношения с людьми (11.0 %); американцы – отношения человека с другими людьми (31.1 %), его положение в социуме (11.4 %), объекты, в названии которых часть тела, используется как мерило объема (30.2 %) и местоположения (14.3 %).

ВЫВОДЫ

1. Данная работа с представленными в ней определениями нейтральных/оценочных ассоциаций и их классификацией является методикой выявления подобных реакций на стимулы-части тела. Ассоциации могут быть классифицированы тематически, если рассматривать слова стимул и реакцию лишь в прямом значении. Или они могут быть сгруппированы с учетом переносного образного значения как слов-стимулов, так и образованных ими в биноме со словом-реакцией устойчивых словосочетаний.

Оценочные ассоциации на части тела можно разделить:

- на те, что выражают общую оценку в рамках их денотативного значения;
- на те, в которых оценочная коннотация сопутствует прямому значению словосочетания, образованного биномом стимул → реакция (при оценке часть тела или сравнивается с другими представителями класса, или соотносится с потребностями субъекта);
- на прецедентные ассоциации, в которых оценочная коннотация сопутствует переносному, связанному значению слова-стимула, отсылающему, в основном, к состоянию или сущности человека.

2. Оценочность присутствует как компонент значения даже нейтральных слов-стимулов. Её степень выраженности и знак определяется совокупным большинством оценочных ассоциаций, актуализирующих положительные/

отрицательные коннотации слова-стимула или словосочетания, вызванного биномом «стимул → реакция».

3. Психолингвистический анализ ассоциативных полей «части тела», а особенно их ассоциативных связей оценочного характера, позволяет изучить этноязыковые особенности восприятия той или иной части тела носителями языка.

Выявленные совпадения обусловлены единой биологической природой человека и принадлежностью респондентов к одной цивилизации. Высокий показатель оценочности свидетельствует об особой значимости *головы* для представителей трех этносов. Однако только *рука* получает преобладающее большинство положительных оценок во всех трех АС и является наименее противоречивой частью тела. Самой отрицательно оцениваемой является *нога*. Возможно, это связано с тем, что способность человека мыслить и манипулировать предметами оцениваются выше, чем свободно передвигаться. Кроме того, *ноги* могут быть связаны с нечистотой.

Выделены следующие этноязыковые отличия. *Голова* для русских и белорусов – главным образом вместилище ума, отвечающее за разум и мышление. Поэтому основным критерием оценки через ассоциации является ее физическое состояние, ведь оно в первую очередь влияет на способность думать. Белорусы непосредственно указывают на ее главную функцию, а русские – на интеллектуальные способности. У первых *голова* часто ассоциируется с размером, а у вторых – с материалом и наполненностью, что связано с большим количеством часто употребляемых идиом с данными структурными элементами, но обозначающих мыслительную способность человека. *Голова* для американцев – в первую очередь одна из частей тела, а только потом ее основная функция, что объясняет огромное количество реакций-частей тела и идиом с данными элементами в апперцепционной базе носителей языка. В АВС американцев частотны семантические связи слова *голова* с фразеологизмами, которые формально описывают ее текстуру и температуру, а в переносном смысле характеризуют ум, характер, способность человека обуздать сильные чувства.

Руки для русских и белорусов чаще всего ассоциируются с их обладателем, и их оценка зависит от того, насколько он дружелюбный, «свой», а для белорусов еще и сексуально привлекательный (они часто прибегают к ассоциациям, указывающим на текстуру рук и их обладателей женского пола). Для русских, а особенно для белорусов, *руки* отражают силу человека, его трудоспособность. А основная функция *рук* для американцев – приветствие других людей. Для них оценка *рук* зависит от того, каковы они на ощупь, что еще раз подтверждает важность телесного контакта. Примечательно, что *рука* у американцев связана с кольцом, как символом брачных связей и богатства, поэтому зачастую сопровождается положительной коннотацией.

Оценочное отношение к *ногам* белорусов и русских зависит от их формы, а у русских еще и от состояния здоровья. Американцы, если не приводят самые

распространенные нейтральные ассоциации, обозначающие смежные объекты и другие части тела, зачастую актуализируют оценочный компонент значения слова *foot* через прецедентные ассоциации, указывающие на обладателя.

4. Полученные данные свидетельствуют о том, что среди белорусов и, тем более, русских, оценка является ведущей стратегией реагирования, а у американцев – лишь сопутствующей. Это можно объяснить более критичным отношением русских и белорусов к окружающей действительности, стремлением все «пропускать через себя».

5. Оценочные ассоциации обусловлены не только индивидуальным и этнокультурным опытом респондента, но и языковым (под влиянием устойчивой сочетаемости слов в языке и их переносного значения). По результатам данного исследования выяснилось, что оценочность ассоциаций русских и белорусских респондентов на изучаемые стимулы является результатом фразеологического характера связей большого количества частотных реакций. По количеству так называемых прецедентных ассоциаций можно сделать вывод о конкретности языкового мышления американцев, об образности мышления русских и белорусов.

6. Используя подобные данные как паттерн типичных / нетипичных ассоциаций представителя определенного этноса, можно диагностировать степень стандартности языкового мышления индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jenkins, J. J. 1970. The 1952 Minnesota word association norms. *Norms of word association*. L. Postman, G. Keppel. Berkley, California: Academic press New York and London.
2. Караулов, Ю. Н. 1999. *Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть*. Москва: ИРЯ РАН.
3. Караулов, Ю. Н. 2002. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности. *Русский ассоциативный словарь: в 2 ч.* Караулов, Ю. Н. Черкасова, Г. А. и др. Т. 1. Москва: ООО «Издательство АСТ».
4. Караулов, Ю. Н. Черкасова, Г. А. и др. 2002. *Русский ассоциативный словарь: в 2 ч.* Т. 1: От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов. Москва: ООО «Издательство АСТ».
5. Серебренников, Б. А. 1983. *О материалистическом подходе к явлениям языка*. Москва: Наука.
6. Цітова, А. І. 1981. *Асацыятыўны слоўнік беларускай мовы*. Мінск: БДУ.
7. Чернышова, Е. Б. 2014. Теоретические основы исследования оценки в обыденном языковом сознании. *Іс: Вопросы психолингвистики*. № 4 (22).

SANTRAUKA

VERTINAMŲJŲ VERBALINIŲ ASOCIACIJŲ STIMULAMS-KŪNO DALIMS ETNOKALBINĖ SPECIFIKA

Natallia Zhalezouskaya

Straipsnyje pateikti kokybinio ir kiekybinio etnokalbinės specifikos tyrimo rezultatai, nagrinėjant neutralias bei vertinamąsias (pozityvias ir negatyvias) asociacijas stimulams-kūno dalims: *galva, ranka, koja*, baltarusių, rusų ir amerikiečių asociatyviniuose žodynuose. Paruošta verbalinių vertinamųjų asociacijų klasifikacija gali būti naudojama kaip vertinamųjų reakcijų stimulams-kūno dalims atsiskleidimo metodika. Tyrimo teorinis pagrindas – objektyvių santykių vertinimo refleksijos psicholingvistinė teorija bei vidutinio kalbos vartotojo asociatyvinio verbalinio tinklo teorija, kurioje atsispindi objektyvūs žodžių kalbiniai ryšiai. Padarytos išvados, kad asociacijų vertinamumas (kartu ir vertinamasis požiūris į kūno dalis), tam tikrų žodžių esmės vertinamasis atspalvis, gali būti tam tikros etninės grupės frazeologinio pobūdžio.

Raktiniai žodžiai: etnokalbinė specifika, verbalinė asociacija, refleksija, žodžių ryšiai.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ КАК НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ, ЕГО ЯЗЫКЕ, СОЗНАНИИ И КУЛЬТУРЕ

Валентина Маслова

Витебский государственный университет,
Московский пр. 33, Витебск, 210015, Беларусь, mvavit@tut.by

ABSTRACT

Linguoculturology as the science about man, his language, consciousness and culture

The article shows that the path to understanding the phenomenon of man's consciousness and thinking is possible through the national language: the language contains all the basic knowledge that the person accumulated in philosophy, psychology, sociology and religion. The distinctive characteristics of the emerging linguoculturology has become the approach in which the knowledge, gained in other humanities, is not ignored, but rather actively used as the actual linguocultural objectives. The integrity is evident in the research perspective, which is determined by the complexity and diversity of phenomena of language and culture, the multiplicity of their relationships and, in turn, explains why the solution of a problem helps to clarify a variety of other issues. This article has been written at the junctions of linguoculturology, linguistics, psychology, sociology and philosophy.

Keywords: linguoculturology, world, Synergetics, polyphony of Sciences, national character, Russian national consciousness.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Лингвокультурология как наука о взаимосвязи человека, его сознания, языка и культуры – одна из самых актуальных лингвистических проблем. Почему возникла лингвокультурология? Дело в том, что лингвистика – наука в значительной степени субъективная и неточная. Так, французский исследователь К. Ажеж писал, что как только лингвистика пыталась стать точной наукой, это завело ее в тупик (Ажеж, 2003).

Сходное мнение имеет и официальный глава русской лингвистики (директора ИЯ РАН) В. М. Алпатов, который утверждает, что сейчас «снижение степени формализации» заметно даже у тех лингвистов, которые долго отстаивали ее, например, Ю. Д. Апресяна (Алпатов, 2012, 117).

Выходом из этого тупика стал интерес лингвистики к человеку, ибо для понимания того, что есть человек, важно, чего достигает человек посредством

языка. И здесь ее результаты тесно смыкаются с достижениями ряда наук – философии, психологии, антропологии.

Цель данной статьи – попытка посмотреть на человека с позиций лингвокультурологии на стыках с лингвистикой, психологией, социологией и философией, попытка «встроить» человека в язык.

Задачи исследования конкретизируют названную цель: рассматривая различные номинации человека, мы показываем, что личность соизмерима с миром, а сам язык насквозь антропоцентричен, а потому он содержит интересные сведения о характере вообще и о национальном характере в частности.

Материалом для исследования явилась лексика, фразеология, паремиология и тексты художественного и философского дискурсов.

Методы исследования – наблюдение, семантический и дискурсивный анализы. Применяя хорошо разработанные методики интерпретации значения и опираясь на данные смежных наук о человеке, мы получаем широкие возможности для объяснения особенностей человеческого мышления, сознания и национального характера.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Язык на рубеже тысячелетий постепенно переориентировался на факт и событие, а в центре внимания стала личность носителя языка (языковая личность, по Ю. Н. Караулову), т.е. формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в языке, культуре, обществе. Существует даже предположение, что XXI век должен стать веком торжества гуманитарных наук, центральное место среди которых отводится лингвистике. Лингвистика, наука о языке, уже в наше время начинает занимать авангардные методологические позиции в системе всякого гуманитарного знания, и обойтись без ее помощи при изучении других гуманитарных наук невозможно. Примером тому может служить философия.

Суть в том, что человек в своей деятельности имеет дело не с реальным миром, а с репрезентациями этого мира, с когнитивными картинками и моделями. Поэтому мир предстает сквозь призму языка народа, который видит этот мир. Как сказал В. Гумбольдт, язык – это важнейший антропологический фактор: «Человек думает, чувствует и живет только в языке и должен быть вначале сформирован им» (Гумбольдт, 1985, 77). И здесь результаты и достижения лингвистики тесно смыкаются с достижениями ряда наук – философии, психологии, антропологии, культурологии, этнолингвистики и др.

Интегративность как отличительная черта лингвокультурологии выражается не только в сущности подхода, когда знания, полученные в других областях науки, не игнорируются, а, наоборот, активно используются при достижении собственно лингвокультурологических целей и задач. Интегративность проявляется и в широте исследовательской проблематики, которая детерминирована

многогранностью центральных феноменов (языка и культуры), многоаспектностью их связей, а потому зачастую решение одной проблемы способствует прояснению множества других вопросов.

Можно предположить, что в скором будущем появится некая интеграционная наука на базе лингвистики, которая поможет раскрытию тайны человека – его происхождения, души, социокультурной среды, в которой он формируется. Возможно, это место займет синергетика либо теория тотальности (тоталлология), возникшая в 90-е годы XX века. Ее представители считают, что и системное языкознание и синергетическое – взаимодополняющие сущности (Кизима, 2004). Разрабатываемая в названных областях знания полифония наук сулит значительные прорывы в будущем.

А пока мы можем констатировать, что без тщательного анализа содержания концепта „человек” невозможно адекватное описание лингвокультуры, ибо язык – самое человеческое в человеке. И лингвокультурология здесь может многое: человек рождается в определенных культуре и языке, которые формируют его мировидение, его реакции на мир, внутренние и внешние качества, его характер и поведение, получившие языковую интерпретацию.

При этом мы исходим из мысли, что сам человек и мир его культуры не отображается, а интерпретируется в языке. Язык задает антропологическое понимание сущего: мир истолковывается по образцу человека, который становится «мерой всех вещей», по Протагору. Человек тождественен миру, а мир тождественен человеку: «Образы мира и человека взаимноизоморфны» (Телия, 1987, 67). Доказательством тому может стать наше восприятие пространства, отображенные в единицах языка.

Обыденным сознанием объединяются на основе общей функции – перемещение по оси «вперед/назад» – такие части тела, как *глаза, ноги, рука*. Ноги выполняют эту функцию как средство перемещения, *руки* – как средство приближения к себе отдаленных объектов, *глаза* определяют направление движения. Рука – символ власти и могущества человека, отсюда выражения *рука в правительстве* и др. В древности вытянутой вперед руке приписывались чудодейственные силы, отсюда сохранился жест благословляющей руки. По рукам можно определить прошлое и будущее человека, его психическое и физическое здоровье, его недостатки и достоинства, т.е. руку можно читать как текст.

Отсюда вывод: личность соизмерима с миром, а сам язык насквозь антропоцентричен. Приведенный языковой материал еще раз подтверждает мысль Э. Бенвениста о том, что «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться» (Бенвенист, 1974, 15). Н. Д. Арутюнова считает, что «присутствие человека дает о себе знать на всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложения и организации дискурса» (Арутюнова, 1999, 3).

Для номинации самого человека в русском языке существует целый ряд слов: *человек, фигура, лицо, особа, индивид, индивидуум, индивидуальность, личность, персона, деятель, душа, создание, существо, личина, маска, морда, харя*, а также многочисленные наименования по полу и возрасту. Большинство из этих концептов хорошо описано в лингвистике: *фигура и человек* Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гаком, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым (Логический, 1997), *человек и личность* В. Г. Гаком, Р.И. Розиной (Розина, 2003, 369–374). *Лик, лицо, личину* анализирует П. Флоренский (Флоренский, 1993), который противопоставляет *лик* и *личину*. «Лик святого – его совершенная и существенная личность... Этот лик (ср. – «подлинник») «просвечивает сквозь икону, житие и самое эмпирическую личность» (Карсавин, 1929, 24).

Человек активно исследуется в работах по языковой картине мира (Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак, А. И. Геляева), рассматривается сквозь призму метафоры (Н. Д. Арутюнова, Г. Н. Скляревская, В. Н. Телия), фразеологии (В. Н. Телия, В. П. Жуков, В. М. Мокиенко, А. В. Артемова, Р. Х. Хайруллина), аксиологии (Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия), словообразования (Е. С. Кубрякова, Т. И. Вендина), лексикографии (Ю. Н. Караулов, Ю. С. Степанов, В. В. Морковкин), этнопсихолингвистики (Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Ю. Е. Прохоров) и т.д.

В языке, как в зеркале, отражается все, что его носители думают и знают о человеке. Проблема **Человек в Языке** – из разряда вечных. Человек здесь и объект, и субъект познания, поэтому многое в видении человека зависит от позиции наблюдающего субъекта, его целей и задач.

Известно, что не только человек с его культурой влияют на язык, но язык формирует человека. Часто язык навязывает языковой личности представление о мире и самом себе. Так, поэт С. Соловьев пишет о языке:

Не ты владеешь им, а он тобой.

И путь не твой, и взгляд не твой, и жест

не твой, а заданный уже. Ты есть язык,

нашептанный тебе из-за кулис (Соловьев С. «Пир»).

Н.Д. Арутюнова несколько десятилетий назад прозорливо подчеркивала, что путь к осмыслению феномена человека лежит не через естественные науки, а через естественные языки, ибо именно в языке заключены все основные знания о человеке. Как показывает язык, человек – единство трех модусов – физического (тела, пола, расы, здоровья), души и духа, лежащих в основе его общественной сущности. Тело – это элемент природы, поэтому его можно определять через биологические особенности. Душа – это жизненный центр тела, та сила, которая, будучи бессмертной, очерчивает срок телесного существования. Дух воплощает в себе фундаментальную сущностную идею «человечности». Общественная сущность человека – это человек, в общении и деятельности творящий культуру.

Хотя язык и порождается жизнью, в своем функционировании он отрывается от нее, т.к. слова наполняются иным смыслом, и язык сам начинает творить мир, так следует понимать высказывание поэта, который всегда видит и чувствует мир тоньше и глубже обычного носителя языка.

Одна из интересных ипостасей человека, которая может быть исследована в лингвокультурологии, характер и национальный характер человека.

В одном из широко известных в России журналов «Политическая лингвистика» в 2012 году развернулась дискуссия, начатая доцентами М. В. Безродным и А. В. Павловой, которые отрицают само понятие «национальный характер». У них есть сторонники.

В то же время авторитетнейшие ученые пишут о наличии национального характера. Так, акад. Ю.С. Степанов говорит о национальных особенностях научных школ, например, о национальных особенностях русской и французской математических школ: «Научные парадигмы» приобретают не только временные очертания эпох, но и очертания национальных стилей мышления» (Степанов, 1997, 389). Значит, существует национальный стиль мышления, национально обусловленное поведение, но не существует национального характера?! А как же целые серии анекдотов о национальном характере у самых разных народов?

Люди одной нации в известной мере разделяют сложившиеся на протяжении поколений национальные условия жизни, испытывают на себе специфические особенности национального быта, развиваются под влиянием сложившейся национальной культуры, языка. Поэтому люди одной нации по образу жизни, привычкам, понятиям и характеру отличаются от людей другой нации.

В описании характера конкретного человека можно выделить общечеловеческие, национальные и индивидуально-личностные черты, которые взаимопроникают друг в друга, составляя цельный психический склад личности, образ поведения человека.

Национальный характер, по К. Касьяновой, – это «общество внутри нас», существующее в виде однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний. Он есть часть нашей личности. В этнопсихологии – это «модальная личность».

Характер человека получает наиболее яркое выражение в его поступках, поведении, деятельности, предубеждениях и предпочтениях, ценностных установках, в способе мышления (Маслова, 2011).

Характер – индивидуальное сочетание наиболее устойчивых приобретенных особенностей личности, проявляющихся в поведении человека, в определенном отношении: 1) к себе (степень критичности, самооценки и др.); 2) к другим людям (жестокость, доброта, коллективизм, грубость, лживость и т.д.); 3) к делу (лень или трудолюбие, аккуратность, пассивность, безответственность); 4) в характере отражаются волевые качества (готовность преодолевать трудности и т.д.).

Выделяют 5 глобальных черт характера (А. Г. Шмелев, М. В. Бодунов, У. Норман и др.) – 1) самоуверенность – неуверенность, 2) дружелюбие – враждебность, 3) сознательность – импульсивность, 4) эмоциональная стабильность – тревожность, 5) интеллектуальная гибкость – ригидность. Локальные черты – это лидерство – подчиненность, общительность – замкнутость, оптимизм – уныние, смелость – осторожность и др.

К настоящему времени накоплена обширная литература, посвящённая анализу типичных черт национального характера и обусловленных ими стереотипов поведения русских, которые отображены в языке и языковом сознании. Н. О. Лосский в книге «Характер русского народа», впервые изданной в 1957 году, приходит к выводу, что основными чертами национального характера русского народа являются религиозность и активные поиски добра, соборность, соперничество миру и людям, сила воли и страстность натуры – удаль, бунтарство, неумность во всем, игра в удачу («авось») и т.д. К числу важнейших свойств русского человека он относит также свободолюбие, доброту, даровитость, мессионализм, нигилизм, максимализм (Лосский, 1991, 240).

Н. В. Гоголь, например, считал, что русский человек не способен к рефлексии, волевому усилию и самоусовершенствованию: «Иной раз, право, мне кажется, что русский человек – какой-то пропащий человек. Ни силы воли, ни отваги на постоянство. Хочешь все сделать – и ничего не можешь. Все думаешь – с завтрашнего дня начнешь новую жизнь...» (Гоголь, 1959, 302).

Русский характер соткан из противоречий: никакая философия, психология или художественная литература не могут объяснить, «почему самый безгосударственный народ создал огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни?» (Бердяев, 2004, 19). Россия – страна великих контрастов, «нигде нет таких противоположностей высоты и низости, ослепительного света и первобытной тьмы» (Бердяев, 2004, 107).

Н. Бердяев считал, что обратной стороной русского смирения является русское самомнение. Но это не противоречия, а «веками воспитанный дуализм, вошедший в плоть и кровь, особый душевный уклад, особый путь» (Бердяев, 2004, 114).

Любой язык располагает комплексами лексико-семантических, грамматических, прагматических средств для построения суждений о каждой из сторон человека, в том числе о его характере. Установить определенные черты характера русских помогает не только лексика и фразеология, но и грамматика. Например, в русском языке большое количество безличных и инфинитивных предложений типа: *Его переехало машиной*. В этом языковом явлении отображена такая черта русских, как вера в судьбу, фатализм, пассивно-созерцательное отношение к миру: *Чему быть – того не миновать; Авось кривая вывезет; Утро вечера мудренее*. Это заметила А. Вежбицкая. Еще

одно подтверждение этому – обилие в русском языке предложений дативного типа, в которых человек предстает пассивным участником перемен, от него не требуется волевых усилий (*Не хотелось Алексею жениться: Хотелось ему Богу помолиться*) (Духовный стих «Алексей Божий человек»). *Выше головы не прыгнешь*. В «Слове к народу» А. Солженицына на 3-х стр. 20 таких предложений: *Как нам обустроить Россию*.

Особенно важными хранителями культуры, закреплённой в языке, являются фразеологизмы. Например, в русском фразеологизме *выпить на посошок* заложен обычай выпить последнюю рюмку перед дорогой. Он тесно связан с ролью посоха в культуре. Посох – не просто палка, это помощник путнику, им можно обороняться, опершись на него, можно отдохнуть. Нередко посохи делали с металлическим наконечником – для зимней дороги. Некоторые посохи были с секретом: полые внутри на случай, если что-либо нужно было спрятать. С ним связано несколько сохранившихся до сих пор выражений: *взяться за посох* – «пуститьсь в путь», *посох да сума* – «нищенствовать» и др.

ВЫВОДЫ

Каждый национальный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. При таком подходе язык рассматривается как определенная концептуальная система и как средство оформления системы знаний о мире.

Русский человек противоречив и загадочен. Его национальному сознанию присуща терпимость по отношению к бездельникам и безделью в противовес суетливой активности. В русских сказках герой лежит на печи, и все приходит к нему само. Считается, что в этом проявляется мудрость.

Важнейшие черты его характера и национального сознания находят отражение в языке. Так, нежелание контролировать ситуацию проявляет себя в обилии выражений типа *мне некогда, негде, некуда: Я не могу, потому что нет времени, места, где я бы мог это сделать*.

Важный момент в характере русского – «быть как все», что связано со следующим представлением об устройстве мира: личность важна не сама по себе (как у европейцев), она является частью целого сообщества. Все в человеке, включая его язык, – это результат соборного разума народа. Именно соборность определила историческую судьбу русского народа, сформировала его миропонимание, нравственность и быт. Современная лингвокультурология рассматривает соборность как «чувство локтя», «артельности», взаимной помощи, соединения личного и общего в преодолении трудностей (В. В. Воробьев); соборность нашла своё выражение в следующих фразеологизмах: *водой не разольёшь, всем миром, рука об руку, плечом к плечу, душа в душу, стоять горой за кого-либо* и др.

Идея соборности у русских всегда была многоплановой и существовала в разных аспектах народной жизни – в экономическом укладе (общинность, земство), в быте (*люди помогут, не дадут пропасть*), в народной культуре (хороводы, коллективные гулянья – на Купалу, Коляды) и т.д.

С идеей соборности связано желание выглядеть не хуже других, отсюда – стремление одеться лучше других осуждается обществом: *Шапка три рубля, зато набекрень; На брюхе шелк, а в брюхе – щелк!* Поэтому в народе недоброжелательно относились к тем, кто «высунулся»: *Из грязи да в князи; Шишка на ровном месте; Залез в богатство, забыл и братство.*

Таким образом, главный носитель этнического начала в любом народе, фундамент его национального характера – это язык, религия, фольклор, мифология, а формируют это начало, в первую очередь, художественный и философский дискурсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж, К. 2003. *Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки*: Пер. с французского. Москва: Едиториал УРСС.
2. Алпатов, В. М. 2012. Лингвистика вчера и сегодня. *Ис: Жанры речи. Вып.8.* Саратов.
3. Арутюнова, Н. Д. 1999. Введение *Ис: Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке.* Москва: Индрик.
4. Бенвенист, Э. 1974. *Общая лингвистика.* Москва: Прогресс.
5. Бердяев, Н. 2004. *Судьбы России.* Москва.
6. Вежбицкая, А. 1996. *Язык. Культура. Познание.* Москва: Русские словари.
7. Гоголь, Н. В. 1959. *Собрание сочинений в 6 томах. Т.6.* Москва: Художественная литература.
8. Гумбольдт, В. 1985. *Язык и философия культуры.* Москва: Прогресс.
9. Карсавин, Л. П. 1992. *О личности.* Л. П. Карсавин. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. Москва.
10. Кизима, В. В. 2004. *Тоталлогия (философия обновления).* Киев: ПАРАПАН.
11. *Логический анализ языка.* 1997. Сборник научных трудов. Под ред. Н. Д. Арутюновой. Москва: Индрик.
12. Лосский, Н. О. 1991. *Характер русского человека.* Москва: Политиздат.
13. Маслова, В.А. 2011. *Русский характер сквозь призму языка и текста. Лингвокультурологический анализ.* - LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG.
14. Розина, Р. И. 2003. *Человек и личность в языке Ис: Логический анализ языка. Избранное, 1988–1995.* Москва: Индрик.
15. Степанов, Ю. С. 1997. *Константы: Словарь русской культуры.* Москва: Языки русской культуры.
16. Телия, В. Н. 1987. О специфике отображения мира психики и знания в языке. *Ис: Сущность, развитие и функции языка.* Москва: Наука.

17. Флоренский, П. А. 1993. *Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях*. М.: Издательская группа «Прогресс».

SANTRAUKA

LINGVOKULTŪROLOGIJA KAIP MOKSLAS APIE ŽMOGŲ, JO KALBĄ, SĄMONĘ IR KULTŪRĄ

Valentina Maslova

Straipsnyje parodyta, kad žmogaus fenomeno, jo sąmonės, mąstymo supratimas grindžiamas nacionaline kalba: būtent kalboje sutelktas pagrindinis žmogaus pažinimas, sukauptas filosofijoje, psichologijoje, sociologijoje, religijoje. Besiformuojančios lingvokultūrologijos išskirtiniu bruožu tapo požiūris, kur žinios, gautos iš kitų humanitarinių mokslų, neignoruojamos, o aktyviai naudojamos lingvokultūrologiniams tikslams ir uždaviniams pasiekti.

Raktiniai žodžiai: lingvokultūrologija, pasaulio vaizdas, sinergetika, nacionalinis charakteris, rusų nacionalinė savimonė.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЛИТОВСКИЕ РЕЛИКТЫ В ОЙКОНИМИИ БЕЛОРУССКО- ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Лилия Плыгавка

Lietuvos edukologijos universitetas,
Studentų g. 39, LT-08105, Vilnius, Lietuva, saulute@tut.by

ABSTRACT

Lithuanian Word Building Relics in Oiconyms of the Byelorussian and Lithuanian Frontier

The article dedls with lexico-semantic influence of the Lithuanian language on Belarussian names of seftlements in the region of Belarussian-Lithuanian frontier arears. In the system of iconyms of given territories three lexico-semantic groups are marked acti They unite iconyms of appellate origin, iconyms of anthropology origin and iconyms of hydronimic origim.

Lithuanain word-building elements, used for formation of Belarussian iconyms, where suffix is the most active and the most productive, have been determined.

Keywords: lexical contacts, language interaction, borrowings from the Baltic languages, borrowing from the Lithuanian language, major area, the Baltic-Slavonic languages.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Белорусско-литовское пограничье как пограничная государственная и этническая зона является также условной границей балто-славянских взаимосвязей и воспринимается как экспериментальное поле многоаспектных культурно-лингвистических процессов. Ю. А. Лаучюте особенность исторической реализации балто-славянских контактов видит в существовании тесных продолжительных контактов между славянским населением и литовцами, что нашло отражение в виде “пограничных” балтизмов, отличающихся как составом лексем и их внешним обликом, так и ареалом распространения” (Лаучюте, 1982, 5). Этот факт уже сравнительно поздней истории жизни балтийских и славянских народов сыграл значительную роль в распространении балтизмов в славянских языках.

Балтизмы, среди которых литуанизмы занимают значительное место, в лингвистическом аспекте представляют научную ценность, так как проникали сначала в диалектную среду, а затем уже – в литературную. Поэтому изучение региональной лексики способствует уточнению списка балтизмов и путей их

проникновения в диалекты, а также осмыслению роли балтийских языков в качестве посредника при заимствовании в белорусский язык.

Проблема взаимовлияний литовского и белорусского языков многоаспектна и уже на протяжении продолжительного периода интересовала (Карский, 1962, 7; Крапивин, 1963; Гринавецкене, 1973 і інш.) и интересует лингвистов (Дайлиденас, 1989; Каратышэўская, 2005; Новик, 2006 і інш.). Среди разнообразных направлений изучения белорусско-литовских контактов определённое место занимает исследование ойконимической лексики, которое представляется важным для определения места балтийского сегмента в белорусском языке с целью выяснения причин территориальных и количественных отличий в проявлении балтизмов (Ванагас, 1978; Грумадене, 1991; Янушкевич, 1991; Famielec, 2004). Среди работ данного направления следует выделить исследование М. В. Бириллы и А. П. Ванагаса, в котором довольно подробно рассматриваются литовские словообразовательные модели, встречающиеся в ойконимии Беларуси (Бірыла, 1968).

Актуальность нашего исследования обусловлена наличием в структуре ойконимов белорусско-литовского пограничья значительного количества литовских словообразовательных элементов и целесообразностью изучения их влияния, а также тесной взаимосвязью словообразовательных и семантических процессов в ойконимической системе с теоретическими и практическими задачами белорусского литературного языка.

Цель статьи – проанализировать лексико-семантическое влияние литовского языка на белорусские названия населённых пунктов, определить литовские словообразовательные элементы, использованные при образовании белорусских ойконимических лексем.

В качестве объекта исследования рассматривается ойконимия белорусско-литовского пограничья, зафиксированная в «Слоўніку назваў населеных пунктаў Гродзенскай вобласці» Я. Н. Рапановича (Мн., 1982).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В системе ойконимов белорусско-литовского пограничья, выбранных для изучения из данного лексикографического издания, по значению словообразовательной основы и функциям аффиксов выделяются ойконимы: 1) апеллятивного происхождения; 2) антропонимического происхождения; 3) гидронимического происхождения.

Лексико-семантический анализ апеллятивной лексики, от которой образовались названия населённых пунктов, показывает, что ойконимия – это не механический набор случайных лексем: в них находят отражение природно-климатические явления, географические понятия и различные сферы человеческой жизнедеятельности. Поэтому лексические основы ойконимов апеллятивного происхождения можно разделить на (1) природно-геогра-

фические особенности местности (рельеф, водные бассейны, растительный и животный мир, особенности поверхности земли и почвы), (2) земельные участки, (3) результаты деятельности человека (типы поселений, строения), (4) занятия населения.

Многие зафиксированные апеллятивные ойконимы литовского происхождения характеризуют определенные природно-географические особенности местности, например: *Ажубалі, Балі* лит. *bala** ‘болото, мокрое место’; *Ажукальні*, лит. *kalnas* ‘гора’; *Ажулаўка*, лит. *laukas* ‘поле’; *Бакишты*, лит. *bokštas* ‘башня’; *Валка*, лит. *valka* ‘лужа’; *Граўжы*, лит. *graužas* ‘мелкие камешки, песчаный берег реки или озера’; *Кудра*, лит. *kūdra* ‘пруд’; *Лаўкенікі*, лит. *laukenikas* ‘земледелец’; *Маргі*, лит. *margė* ‘поле, которое находится далеко от усадьбы’; *Пілімы*, лит. *pylimas* ‘насыпь’; *Солы*, лит. *sala* ‘остров’.

Ойконимы, образованные от литовских антропонимических основ, составляют самую значительную часть заимствований. Литовский исследователь С. Тарвидас считает, что почти две трети названий литовских населённых пунктов образованы от антропонимов (Tarvydas, 1958, 23). Среди этой группы ойконимов выделяются номинации, образованные на основе канонических собственных имён, собственных литовских, старославянских имён и имён-кличек. Влияние литовского языка наблюдается в названиях, образованных от собственных литовских имён и имён-кличек, например, *Кушляны*, *Kušleika*, *Kušlys* < *kušlys* ‘слепой’; *Будрышкі*, *Budrys* < *budrus* ‘бодрый’; *Жадзейкі*, *Žadeika* < *žadus* ‘тот, кто легко даёт обещания’; *Шаркуці*, *Šarkūnas*, *Šarka* < *šarka* ‘сорока’; *Баруны*, *Barūnas* < *barūnas* ‘тот, кто всё время ругается’.

Основная часть ойконимов гидронимического происхождения образовались семантически, при этом происходит дублирование структуры гидронима-основы: *Аніма* (р.*Аніма*), *Апыта* корень *ap* – от прус. *ape* ‘река’; *Ашмянны* (р.*Ашмянка*), *Ašmena* – вариант корня *akmen-* (*Akmena*) от лит. *akmenas* ‘камень’; *Бернікі* (р.*Бернікі*), *Berniukas*, *Bernaupis* от лит. *bernas* ‘парень’; *Гаўя* (р.*Гаўя*), *Gaija* возможно от лит. *gaija* ‘куча, стая, стадо’; *Гільвінцы* (р.*Гіля*), *Gylė* от лит. *gylė* ‘глубина’; *Ёдзі* (оз.*Ёдзі*), *Jodė* от лит. *jodyti*, *joti* ‘ехать верхом’; *Пеляса* (р.*Пеляса*), *Pela*, *Pelesa* от лит. *palios*, *pelkes* ‘болото’. Некоторые из таких лексем образованы комбинированным способом: основа + топонимический формант (*Пагаўе* – па + *Гаўя*).

Лексико-семантический анализ названий населённых пунктов пограничных с Литвой районов свидетельствует о высоком проценте (до 45-ти) литуанизмов – антропонимов (*Ажышкі*, *Баўблі*, *Жадзейкі*), апеллятивов (*Балі*, *Кудра*) и гидронимов (*Гаўя*, *Кунеі*, *Клеўе*).

Для литовской топонимии характерна следующая структурно-словообразовательная модель: 1. Первичные топонимы а) субстантивные; б) адъективные; 2. Вторичные топонимы: а) дериваты (флексивные, суффиксальные, префиксальные); б) сложные; в) составные (Бірыла, 1968, 8).

Первичные топонимы, образованные от апеллятивов, антропонимов и иных топонимов без каких-либо словообразовательных изменений, широко известны на всей территории Литвы, а также в пограничных районах Беларуси: *Валка*, лит. *valka* ‘лужа’; *Дзяксна*, лит. *degsna, degsnė* ‘выгорелое место’; *Кудра*, лит. *kūdra* ‘пруд’; *Плянта*, лит. *plenta* ‘дно, глубина’.

Среди вторичных ойконимов наиболее активные позиции занимают суффиксальные и префиксальные дериваты, среди которых очень продуктивным выступает суффикс *-ішкі*, сконцентрированный в Островецком, Ашмянском, Вороновском, Ивьевском, Сморгонском районах: *Абалішкі, Абрамішкі, Аглобішкі, Ажышкі, Азарышкі, Багданішкі, Баруцішкі, Буянішкі, Вайнішкі, Вайдацішкі, Васілішкі, Ворнішкі, Грынкішкі, Голдзішкі, Гуцішкі, Жрэбішкі, Карвелішкі, Карэйвішкі, Кіркішкі, Маргуцішкі, Монтацішкі, Нонішкі, Нястанішкі, Пінанішкі, Петрашышкі, Пойдзішкі, Тагалішкі, Ракішкі, Расолішкі, Сербінішкі, Станкілішкі, Сурвілішкі, Талмуцішкі, Трумпішкі, Цеслюкішкі, Ціжышкі, Шыпілішкі, Юдзілішкі, Яросішкі, Яхімішкі* и др.

Суффикс *-ішкі* является адаптацией литовских суффиксов *-išké, -iškės, -iškis* (на центральных участках), ареалы распространения которых в литовской топонимике непосредственно приближаются или примыкают к территории Беларуси (Safarewich, 1956, 47–49): *-išké (Totoriškė, Grigališkė, Rimaldiškė)* – северная часть белорусско-литовского пограничья, *-iškės (Tabariškės, Eišiškės, Dieveniškės)* – восточные и юго-восточные районы Литвы.

Яркую реализацию в зоне белорусско-литовского пограничья проявляют ойконимы с суффиксами *-аны (-яны)*. Так, на территории Гродненской области зарегистрированы 154 лексемы с этими суффиксами, более половины – в пограничных районах (Островецком, Ошмянском, Гродненском, Сморгонском, Вороновском), например: *Альшаны, Аляны, Асіпаны, Бацяны, Белічаны, Буняны, Вавяраны, Варкеляны, Вугляны, Гліняны, Дабраўляны, Дубляны, Драчаны, Жупраны, Забрачаны, Камянчаньы, Канчаны, Кямяны, Клінчаньы, Кумпяны, Лашаны, Луцкаўляны, Мацканы, Мікшаны, Нідзяны, Паніжаньы, Рудаўляны, Сабаляны, Талачаны, Труханьы, Чараны, Швяйляны, Юришаны*.

В отличие от ойконимов на *-ішкі*, которые за пределами основной локализации встречаются спорадично, ойконимы на *-аны /-яны* распространены по всей территории области, что связано с универсальностью этой топонимической модели, объединившей в себе литовскую модель на *-ėnai, -onys* и модель *Pluralia tantum* от белорусских антропонимических основ на *-ан*. Территория их систематического употребления на белорусско-литовском пограничье является продолжением восточного литовского ареала ойконимов на *-onys* и *-ėnai*. Не исключено, что в этой зоне ойконимы на *-аны (-яны)* восточнославянского происхождения (Бірыла, 1968, 37). Если основа ойконима литовского происхождения, то вероятнее всего номинация восходит к литовской модели на *-ėnai, -onys*, а если основа славянского происхождения, то ойконим может иметь гибридный характер: основа + *-аны (-ėnai, -onys)*.

Ойконимы на *-уны (-юны)* в районе белорусско-литовского пограничья распространены по линии Браславль – Лида, например: *Андруны, Бакуны, Бартаишны, Бастуны, Бяйнюны, Вайцяшны, Ваикуны, Валяйкуны, Гадуны, Гальчуны, Даўцюны, Дзірмуны, Жырмуны, Занюны, Калатуны, Кучкуны, Мантуны, Масюны, Мяйлуны, Нартуны, Радзюны, Рынкуны, Страчуны, Шадзюны, Эйтуны, Юрчуны, Яцкуны* и др. Они возникли в результате освоения литовской формы на *-ĩnai*, равномерно распространённой на территории всей восточной Литвы (Tarvydas, 1958, 29). В пользу литовского происхождения данной модели свидетельствует как локализация ойконимов на *-уны (-юны)* в районе белорусско-литовского пограничья, так и узкий ареал реализации суффикса *-ун* в белорусском языке (Шакун, 1978, 111), который используется в основном для обозначения лица по какому-либо качеству или действиях (*рагатун, гарбун*).

Ойконимы на *-уны (-юны)* объединяют следующие типы: 1) освоенную по законам белорусского языка литовскую топонимическую модель на *-ĩnai*; 2) восточнославянскую ойконимическую модель *Pluralia tantum* от белорусских антропонимических основ на *-ун*; 3) синтетические ойконимы схемы *Pluralia tantum* от антропонимов на *-ун* с предварительно освоенными на белорусской почве литовских антропонимов на *-ун* (лит. *-ĩnas*).

ВЫВОДЫ

Рассмотренный материал свидетельствует, что названия населённых пунктов, образованные под влиянием литовского языка, сосредоточены в районах, непосредственно граничащих с Литовской Республикой (Ошмянский, Вороновский, Сморгонский, Ивьевский), далее – встречаются спорадически, т.е. Дятловский, Слонимский, Кареличский, Берестовицкий районы.

В образовании белорусских ойконимов использованы почти все литовские ойконимообразовательные суффиксы, среди которых самым распространённым является *-iški*, лит. *-iškės* – 244 номинации, *-аны (-яны)*, лит. *-ėnai, -onys* (154), *-уны (-юны)*, лит. *-ĩnai* (70), *-ейк-*, лит. *-eikiai, -eikos* (30).

Результаты данного исследования будут способствовать актуализации вопросов разработки словообразовательного анализа географических названий в районе белорусско-литовского пограничья, что, в свою очередь, помогает выявлению современных культурно-языковых тенденций и культурно-исторических связей белорусского и литовского этносов.

*Здесь и далее приводятся лексемы из издания: Dabartinės lietuvių kalbos žodynas: apie 50 000 žodžių lizdų, 1993. Liet. kalbos inst.; red. kol.: S. Keinys (vyr. red.) [et al.]. 3-iasis patais. ir papild. leid. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų l-kla.

Приложение: Населенные пункты Гродненской области с литовскими слово-образовательными формантами

-iškī (-ышкі):

Баруцішкі	<i>Baruckis</i> < <i>barus</i> «сварливый»
Бразгалішкі	<i>Bruzgulis</i> < <i>brūzgulis</i> «звоночек»
Гервішкі, Гervешкі	<i>Gercė</i> < <i>gervė</i> «журавль»
Граўжышкі	<i>Crauža</i> < <i>graužas</i> «мелкие камешки»
Гуцішкі	<i>Cučas</i> < <i>gučas</i> «хитрец»
Даўялішкі	<i>Daugela</i> < <i>daug</i> «много» и <i>gelti</i> «сильно болеть»
Даўкішкі	<i>Daukša</i> < <i>daug</i> «много»
Даўнарышкі	<i>Daunoras</i> < <i>daug</i> «много»
Доргішкі	<i>Dargis</i> < <i>dargūs</i> «злой»

-аньы (-яны):

Амаляны	<i>Amalas</i> < <i>amalas</i> «амела»
Даўкіяны	<i>Daukša, Daukšis</i> < <i>daug</i> «много»
Жыгяны	<i>Žigelis</i> < <i>žygis</i> «поход»
Каўняны	<i>Kaunelis</i> < <i>kauti</i> (<i>kovoti</i>) «бороться»
Кумпяны	<i>Kumponas, Kumpys</i> < <i>kumpras</i> «кривой, изогнутый»
Кярняны	<i>Kerna, Kernys</i> < <i>kerna</i> «карлик»
Раішкуцяны	<i>Raškys</i> < <i>raškytis</i> «ругаться»
Рукашаны	<i>Rukšys</i> < <i>rukšys</i> «понурый человек»

-уны:

Балькуны	<i>Balkūnas, Balkus</i> < <i>balkti</i> «белить»
Баруны	<i>Barūnas</i> < <i>barūnas</i> «тот, кто всё время ругается»
Калькуны	<i>Kalčiūnas</i> < <i>kalčys</i> «жадный»
Мяйлуны	<i>Meilūnas</i> < <i>meilūnas</i> «любимый»
Рымдзюны	<i>Rimdžius, Rimdeika</i> < <i>rimdyti</i> «успокаивать»

-ці:

Гавуці	<i>Cavutis</i> < <i>gavus</i> «живучий»
Келайці	<i>Kelaitis</i> < <i>kielė</i> «ситовка»
Кукуці	<i>Kukutis</i> < <i>kukutis</i> «удод»
Макуці	<i>Makutis</i> < <i>makas</i> «тот, кто ходит подняв голову»
Малдуці	<i>Maldutis</i> < <i>maldus</i> «набожный»
Мяшкуці	<i>Meškutis, Meškis</i> < <i>meškis</i> «медведь»

-ейк:

Лапейкі	<i>Lapeika</i> < <i>lapė</i> «лиса» или <i>lōpas</i> «лата»;
Рамейкі	<i>Rameika</i> < <i>ramus</i> «спокойный»;
Рупейкі	<i>Rupeika</i> < <i>rupis</i> «грубый, неприветливый»

ЛИТЕРАТУРА

1. Safarewich J. 1956. Litewskie nazwy miejscowe na –iszki. ІЎ: *Onomastica*. № 2.
2. Tarvydas S. 1958. *Lietuvos vietovardžiai*. Vilnius.
3. Бірыла, М. В. 1968. Літоўскія элементы ў беларускай анамастыцы, (Даклады / Міжнар. з’езд славістаў; 6). АН БССР. Мінск: Навука і тэхніка.
4. Ванагас, А. П. 1978. Литовские гидронимы славянского происхождения. ІЎ: *Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом*: конференция, 11–15 дек. 1978 г.: предвар. материалы. АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; редкол.: В.В. Иванов [и др.]. Москва: 151–157.
5. Вержбовский, А. А. 1961. *Белорусско-литовские лексические взаимосвязи*: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01. Вильнюс: Вильнюс. гос. ун-т.
6. Гринавецкене, Е. Й. 1973. Литуанизмы в белорусских говорах Гродненщины. ІЎ: *Актуальные вопросы диалектологии*: материалы науч. конф. Латв. гос. ун-т; редкол.: А. Х. Лауа (отв. ред.) [и др.]. Рига: 30–33.
7. Дайлиденас, Р. Й. 1989. *Литуанизмы в старобелорусской деловой письменности*: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.02 . АН БССР, Ин-т языкознания. Минск.
8. Каратышэўская, А. У. 2005. Беларуска-літоўскія моўныя ўзаемасувязі. ІЎ: *Беларуская лінгвістыка*. НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства; рэдкал.: А. А. Лукашанец (адк. рэд.), В. М. Нікалаева (адк. рэд.) [і інш.]. Вып. 56. Мінск: 105–108.
9. Карский, Е. Ф. 1962. К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие. ІЎ: *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*. Москва: Изд. АН СССР: 384–398.
10. Крапивин, П. Ф. 1963. Литуанизмы в белорусской лексике XIV–XVI вв. ІЎ: *Навуковая канферэнцыя па пытаннях лексікалогіі і лексікаграфіі*: тэз. дак. Беларус. дзярж. ун-т, Мін. дзярж. пед. ін-т. Мінск: 42–44.
11. Лаучюте, Ю. А. 1982. *Словарь балтизмов в славянских языках*. Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние.
12. Новик, Н. 2006. К вопросу о лексических заимствованиях в старобелорусском языке. ІЎ: *Meninis tekstas: suvokimas, analizė, interpretacija = Художественный текст: восприятие, анализ, интерпретация*. Vilniaus ped. univ. № 5: Mokslinių straipsnių rinkinys. Vilnius: 319–324.
13. Шакун, Л. М. 1978. *Словаўтварэнне*: вучэбны дапаможнік для студэнтаў філалагічных факультэтаў вышэйшых навучальных устаноў. Мінск: Вышэйшая школа.

SANTRAUKA

LIETUVIŲ ŽODŽIŲ DARYBOS ELEMENTAI BALTARUSIŲ-LIETUVIŲ PASIENIO OIKONIMIJOJE

Lilija Plygavka

Straipsnyje analizuojama leksinė semantinė lietuvių kalbos įtaka baltarusiškiems gyvenviečių pavadinimams baltarusių-lietuvių pasienyje. Šios teritorijos oikonimų sistemoje išskirtos leksinės semantinės grupės, vienijančios apeliatyvinės, antropologinės, hidroniminės kilmės oikonimus. Numatyti lietuvių kalbos žodžių darybos elementai, kurie buvo naudojami baltarusių oikonimijoje: priesaga baltar. -ішкі, liet.-iškės yra pati aktyviausiai ir produktyviausia.

Raktiniai žodžiai: baltarusių-lietuvių pasienio regionas, oikonimų sistema, baltarusių oikonimija, oikonimai, žodžių darybos elementai.

ЧТОБ ДРУГИХ УЧИТЬ, НАДО СВОЙ РАЗУМ НАТОЧИТЬ (ОТНОШЕНИЕ К УЧЕНИЮ И НАУКАМ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ)

Ana Žarkova

Lietuvos edukologijos universitetas,
Studentų g. 39, LT-08106, Vilnius, Lietuva, rusfil@leu.lt

ABSTRACT

To Teach Others, You Must Sharpen Your Mind (Attitude Towards Education and Sciences in Russian Proverbs)

Education and sciences play a big role in human life and have significant place in proverbs and sayings. The article presents observations on Russian proverbs and sayings, related to the topics of the teaching and sciences. The study analyses several different collections of Russian proverbs and sayings, published at the different periods of time. The proverbs and sayings contain rules and truths that were created and inherited from peasants' common traditions and also those that highlight the national specifics. The analysis of the proverbs and sayings reveals that Russian proverbs and sayings can tell us not only about common traditions of Russians and attitudes to education and sciences but some proverbs and sayings reflect the specific of their period (for example, contains letters of old Slavic Alphabet and modifications of some paremies units of modern time) as well. Proverbs and sayings tell us about separate social group educations traditions (for example, about traditions of the Old Believers). The author discusses the proverbs and sayings with reference to functions of proverbs and sayings in everyday communication. This article provides a comparison between Russian and Lithuanian proverbs, related to the topic of education and sciences. Particular attention is paid to the common features of the proverbs in languages under examination. The proverb meaning similarity of Russian and Lithuanian languages is noted in many cases, but there is some variation of the used images in several examples.

Keywords: paremiology, a paremy, proverb, saying, cultural linguistics, the modification of proverbs and sayings, evaluation, national worldview, equivalent, comparative studies.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

В октябре 2015 года Литовский эдукологический университет (бывший Вильнюсский педагогический университет) отмечает 80-летний юбилей. За этот период университет готовил учителей разных специальностей, в том числе и учителей русского языка. Учить разумному, доброму, вечному – вот задача

каждого учителя. Своё отношение к учению, наукам высказывали многие известные люди, чьё мнение является для всех авторитетным, – учёные, писатели, поэты, полководцы, жившие в разные эпохи, говорившие на разных языках.

Науки юношей питают, Отраду старым подают – это цитата из оды 1747 года Михаила Васильевича Ломоносова, русского учёного-энциклопедиста, имя которого носит Московский государственный университет. Это высказывание является очень близким к подлиннику мысли римского философа Цицерона, подробнее изложенной в «Риторике» Ломоносова: *Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение в жизни, похвала юности, старости подспорье* (Ашукин, Ашукина, 1988, 223). Во многих жизненных ситуациях, требующих для достижения цели приложить усилия, люди говорят «*Тяжело в учении, легко в бою*», цитируя (часто сами того не зная) ставшие крылатыми слова полководца Александра Васильевича Суворова.

Отношение к учению и наукам высказывали не только известные, но и простые люди, меткие высказывания которых с течением времени стали пословицами и поговорками. Познавательную ценность пословиц и поговорок неоднократно подчёркивали и подчёркивают писатели, учёные. Известный исследователь фольклора В.П.Аникин отмечал, что изучение пословиц и поговорок интересно представителям разных наук. «Историк ищет в пословицах и поговорках свидетельств о далёкой старине и памятных событиях древности. Юрист ценит пословицы и поговорки как неписанные законы народной жизни. Этнограф усматривает в народных изречениях и метких образных определениях и характеристиках отражение уже исчезнувших обычаев и порядков. Философ через пословицы и поговорки пытается понять строй народного мышления» (Фелицына, Прохоров, 1979, 8–9).

Активно исследуют пословицы и поговорки лингвисты (подробнее см. обобщающую статью В. М. Мокиенко «Современная паремиология (лингвистические аспекты)» (Мокиенко, 2010). Специалисты отмечают бурное развитие современной паремиологии. В центре интересов паремиологов находится когнитологический аспект изучения пословиц и поговорок, отражающих основные концепты национальной и общечеловеческой культуры.

Термины пословица и поговорка трактуются современными исследователями неоднозначно. В. М. Мокиенко (Там же, 2010) предлагает во избежание терминологической путаницы традиционное толкование пословицы как логически законченного образного или безобразного изречения афористического характера, имеющего назидательный смысл и характеризующегося особой ритмической и фонетической организацией; а поговорку понимает как фразеологизм в узком смысле слова, включая и устойчивые сравнения. Для данного исследования, говоря о пословицах и поговорках, удобнее использовать общий филологический термин паремия (в переводе с греческого пословица) – изречение, пословица.

Цель статьи – провести лингвокультурологический анализ русских паремий, относящихся к теме «Учение – Наука». Цель исследования предполагает решение нескольких задач:

- 1) рассмотреть русские пословицы на избранную тему, отражающие отношение к учению и наукам в русской паремиологической картине мира;
- 2) выявить лингвостецифические особенности русских пословиц, составляющие их национальное своеобразие;
- 3) сопоставить русские и литовские пословицы на тему «Учение – Науки» для выявления среди них эквивалентных.

Методы исследования – непосредственное наблюдение над материалом и его описание; лингвостилистический анализ ряда паремий, а также сопоставительный анализ русских и литовских паремий.

Материалом для данного исследования послужили паремии на тему «Учение – Науки» из следующих сборников: Даль В. «Пословицы и поговорки русского народа» (Даль, 2001); «Фольклор старообрядцев Литвы: тексты и исследование. Том 1. Сказки. Пословицы. Загадки» (Фольклор старообрядцев Литвы, 2007 – используемое далее сокращение ФСЛ, 2007); Фелицына В.П., Прохоров Ю. Е. «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь» (Фелицына, Прохоров, 1979); сборник «Русские народные пословицы и поговорки», составленный А. Жигулёвым (Жигулёв, 1958); Жуков В. П. «Словарь русских пословиц и поговорок» (Жуков, 2002); Аникин В.П. «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Пособие для учителя» (Аникин, 1957); а также «Lietuvių patarlės ir priežodžiai». Parinko ir parengė spaudai Pranas Sasnauskas (LPPS, 2006); «Lietuvių patarlės ir priežodžiai». Parengė Agnė Iešmantaitė (LPP, 2007); «Patarlės ir priežodžiai» (PP, 1958), электронный ресурс «Lietuvių liaudės patarlės». <http://www.patarlės.lt/lietuviškos-patarlės> (ER).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Польза учения для человека отмечена во многих русских паремиях, часть из которых приведена ниже: *Учение – свет, а неученье – тьма* (Аникин, 1957, 140);

Красна птица перьем, а человек – ученьем (ФСЛ, 2007, 436);

Учение красота, неученье – слепота (РНПП, 1958, 249);

Учение в счастье украшает, а в несчастье утешает (Аникин, 1957, 140);

Учение человеку ожерелье (Аникин, 1957, 140).

В пословице *Учение свет, а неученье тьма* противопоставлены свет и темнота, где свет олицетворяет образование, знания, полученные в результате учения, а тьма – невежество и культурную отсталость. Часто так говорят шутливо в качестве наставления, когда хотят подчеркнуть значение образования, пользу знаний, обычно советуя при этом учиться. Эта пословица также имеет современную иронически окрашенную речевую модификацию: *Учение свет, а неучёных тьма*.

Для человека учение не только свет, но и то, что человека украшает, то есть придаёт ему значимость в собственных глазах и в глазах окружающих. Недаром в составе этих паремий мы находим слова *красна* (то есть красива), *красота*, *украшает*, *ожерелье* (элемент декора русской народной одежды).

Учение (то есть мастерство) народом ценится выше богатства и золота: *Ничего не смыслить – век киснуть. Ученье лучше богатства* (Даль, 2001, 130) и *Не то дорого, что красного золота, а дорого, что доброго мастерства* (Даль, 2001, 131). Положительно-оценочные слова мастерство, мастер входят в состав ряда пословиц: *По закладке (по закалке) мастера знать; Всякая работа мастера хвалит; Мастер один, а подносчиков десять* (Даль, 2001, 131).

Для простых людей важно было овладеть каким-либо ремеслом. Практическая направленность ученья и наук подчёркнута в следующих паремиях:

Ученье без умения – не польза, а беда (РНПП, 1958, 249); *Ремесло пить, есть не просит, а само кормит* (Даль, 2001, с.131); *Наукою люди кормятся* (Аникин, 1957, 140).

Итак, ученье должно привести к умению, тогда *ремесло (наука)* будет *кормить*.

Учиться нужно, потому что без учения (то есть умения) невозможно справиться и с простым делом: *Не учась и лаптя не сплетёшь* (Жуков, 2002, 497). Учёный, то есть обученный человек всё делает лучше, чем необученный: *Учёный и Богу лучше молится* (Фольклор старообрядцев Литвы, 2007, 436); он более активный в жизни: *Знайка по дорожке бежит, а незнайка на печи лежит* (ФСЛ, 2007, 437).

Все анализируемые в данной статье сборники пословиц и поговорок содержат паремии, в которых подчёркнуто, что ученье и наука требуют большого труда: *Кто хочет много знать, тому надо мало спать* (Даль, 2001, 130); *Корень учения горек, да плод его сладок* (Даль, 2001, 130) (= *Ученье горько, но плоды сладки* (РНПП, 1958, 249); *Труд при учении скучен, да плод от учения вкусен* (РНПП, 1958, 249); *Идти в науку – терпеть муку. Без муки нет и науки* (Даль, 2001, 130).

Без мученья нет ученья (Фольклор старообрядцев Литвы, 2007, 436); = *Без муки нет и науки* (РНПП, 1958, 250); *Мнится, писание – лёгкое дело, пишут два перста, а болит всё тело* (Аникин, 1957, 139).

В составе вышеприведённых паремий содержатся слова и словосочетания *мало спать*, *ученье горько*, *скучен*, *мука*, *мученье*, *болит* для описания трудного пути освоения учения и наук; зато все мучения не напрасны. Ряд пословиц отмечает, что все трудности будут вознаграждены сладким, вкусным плодом – овладением ремеслом, которое уже не обременяет, не тяготит человека: *Ремесло за плечами не виснет* (Жуков, 2002, 275).

Учителям приходится заставлять учеников учиться: *Не умеешь – научим, не хочешь – заставим* (ФСЛ, 2007, 436); *Не хочешь – заставим, не умеешь – выучим* (Там же, 436).

Ученье – это не только обучение ремеслу, но и, конечно, обучение чтению, письму, то есть грамоте и другим наукам. В паремиях рассказывается, зачем учиться и что человеку даёт ученье: *Грамоте учиться – вперёд пригодится* (Аникин, 1957, 140); *Кто грамоте горазд, тому не пропасть* (Даль, 2001, 129). *Набирайся ума в ученье, а храбрости – в сраженьи* (РНПП, 1958, 250); *Учение образует ум, а воспитание – нравы* (РНПП, 1958, 250). В сборник «Фольклор старообрядцев Литвы» включено несколько паремий, отражающих сожаление о том, что не пришлось учиться грамоте: *Кто мало знает – часто плачет* (ФСЛ, 207, 497). Особенность этого сборника заключается в том, что паремии приводятся составителем часто вместе с комментариями старообрядцев: *Не пришлось пасти чёрных овец по белому полю (Учиться не пришлось, писать. Ещё есть: «Он не понимает и по белому чёрным» – не понимает, что написано)* (ФСЛ, 2007, 436). Паремия *Писать пишу, а читать в лавочку ношу* (ФСЛ, 2007, 437) рассказывает о том, что неграмотные люди вместо подписи ставили на бумаге крест в том месте, где им показывали, потому что сами прочесть не умели, приходилось просить других читать. И о том же: *(Я вижу – написано, а ничего не понимаю). Я неграмотная, тёмная бутылка. Извиняюсь – гляжу в книгу, а вижу шипигу [фигу]*, (ФСЛ, 2007, 437) (Ср.: *Глядит в книгу, а видит фигу* (Даль, 2001, 129).

Начальным учебным заведением в Российской империи было приходское училище. Они были учреждены в 1803 году как бессловная начальная школа, которая заменила малые народные училища конца 18 века. Обучение представляло собой связанную преемственностью систему: приходское училище – уездное училище – гимназия – университет. В училищах преподавались чтение, письмо, арифметика, закон Божий, нравоведение. Училища должны были содержаться за счёт населения. В православных епархиях духовенство оказалось равнодушным к делу народного образования, училища были в плохом состоянии. В юго-западных и белорусских губерниях, благодаря вниманию католического духовенства, положение приходских училищ было лучше, а в Прибалтике – хорошим (Беловинский, 2007).

Главное – не только научиться читать, но и глубоко понимать прочитанное – это основной смысл следующих паремий: *Читает – летает, да ничего не понимает* (Аникин, 1957, 140); *Не на пользу книги читать, коли только вершки в них хватать* (Аникин, 1957, 140); *Не всякий, кто читает, в чтении силу знает* (Аникин, 1957, 140).

Пословицы и поговорки дают совет, когда лучше всего учить и учиться. Начинать учить надо с раннего детства: *Учи дитя, пока поперёк лавочки лежит* (РНПП, 1958, 250). *Не учили, покуда поперёк лавки (лавочки) укладывался (ложился), а во всю вытянулся – не научишь. Учи дитя, пока поперёк лавки (лавочки) укладывается (ложится), а во всю вытянется – не научишь* (Жуков, 2002, 497).

Паремии многих народов указывают на сходство родителей и детей, на то, как воспитание и пример родителей влияют на их поведение в будущем: *Не учила сына, когда кормила, а тебя кормить станет, так не научишь* (подробнее см.: Витковская, 2007, 93).

Самому надо учиться смолоду, так как юность – лучшая пора для учения – это тема нескольких паремий: *Учись смолоду – слюбится под старость* (РНПП, 1958, 249).

К мягкому воску – печать, а к юному – ученье (Аникин, 1957, 139). Но *Женатому учиться – времечко ушло* (Даль, 2001, 130), потому что у женатого человека много времени отнимает работа и семейные дела.

В пословицах отмечается, что ученье в молодые годы даётся лучше, чем в старости:

Плясать смолоду учись: под старость не научишься (РНПП, 1958, 250).

Чему смолоду не научился, того и под старость не будешь знать (РНПП, 1958, 250). Хотя одна из паремий подчёркивает, что *Для учения нет старости* (РНПП, 1958, 249).

Пословица *Сытое брюхо к учению глухо* (Аникин, 1957, 140) намекает на то, что нужда побуждает учиться, и человек не сможет оправдывать своё нежелание учиться тем, что *Молодому учиться рано, а старому – поздно* (РНПП, 1958, 249).

Универсальным является совет о том, что учиться стоит в любой период жизни:

Учиться всегда пригодится (Жуков, 2002, 497).

Пословицы отражают народное мнение о том, кто имеет право учить: *Чтоб других учить, надо свой разум наточить* (Жуков, 2002, 497); *Кто собою не управит, тот и другого на разум не наставит* (РНПП, 1958, 249); *Дерево и учитель познаётся по плоду* (Аникин, 1957, 139). Имеет право учить других человек острого ума, умеющий принимать самостоятельные решения и воспитавший хороших учеников – плоды учительского труда. Уважительное отношение к учителям закреплено в паремиях

Почитай учителя, как родителя (РНПП, 1958, 250) и *От учителя наука* (РНПП, 1958, 250) (глагол *почитать* имеет значение «относиться с глубоким уважением и любовью»).

Разное отношение к учёбе и учению отражено в пословицах. С одной стороны, в них подчёркивается, что стремление учиться – это признак ума: *Умный любит учиться, а дурак – учить* (РНПП, 1958, 246); *Не стыдно не знать, стыдно не учиться* (РНПП, 1958, 249); *От умного научишься, от глупого разучишься* (РНПП, 1958, 249).

С другой стороны, отражён скепсис и сомнения в практической пользе учения: *Такая наука не для нашего внука* (ФСЛ, 2007, 436); *Меньше знай – меньше спрашивают* (ФСЛ., 2007, 437), а также ирония:

Много знает – пусть сам решает (ФСЛ, 2007, 437).

Такое в чём-то противоположное отношение к учёбе и учению является подтверждением наблюдения о том, что все подлинные народные пословицы дают в своей сумме многосторонний взгляд на жизнь, синтез высокого и низкого, начал добра и зла, единство тезисов и антитезисов (Хлебда, 1994).

Паремии дают совет, кого можно и кого не следует учить. Пословица *Хорошо того учить, кто перенимает* (РНПП, 1958, 250) в своём составе содержит лексически выраженную положительную оценку. Гораздо больше пословиц, отрицательно оценивающих попытки учить тех, кто уже обучен (то есть переучивать): *Учёного учить – только портить* (Жуков, 2002, 497). Не следует также учить тех, кто не способен к учению: *Дурака (дураков) учить, что мёртвого лечить* (Жуков, 2002, 497); *Неразумного учить – в бездонную кадку воду лить* (Аникин, 1957, 140) или способен на дурные поступки: *Дураку (то есть способному на всё дурное) наука, что ребёнку огонь* (Даль, 2001, 132).

Во многих пословицах подчёркивается, что не стоит учить уже наученного, умелого в каком-либо деле: *Не учи плясать – я и сам скоморох. Учёна учить только портить* (Даль, 2001, 130); *Не учи рыбу плавать* (Жуков, 2002, 497); *Не учи безногого хромать* (РНПП, 1958, 250); *Не учи козу – сама стянет с возу* (РНПП, 1958, 250). Как видно, многие пословицы такого типа построены по одинаковой модели: глагол в форме отрицательного наклонения с частицей не + прямое дополнение + обычно дополнение в форме инфинитива. Они имеют типичную для пословиц форму обобщённо-личных предложений. По похожей модели строится пословица *Яйца курицу не учат* (Жуков, 2002, 497). Инверсированный порядок слов выделяет особенно первое и последнее слово. Наставительный характер этих пословиц очевиден.

Основной источник учения и знания для человека – это жизнь со всеми её поворотами, тревогами и бедами. В паремии *Век живи – век учишь* век – это жизнь человека (Фелицына, Прохоров, 1979, 33). Прямой смысл фразы – учиться можно в течение всей жизни человека, каждый день приносит новые знания; познание бесконечно. Семантизация переносного смысла – так говорят в качестве доброго совета постоянно учиться или говорится в шутку, когда узнают что-либо новое, чего до сих пор не знали. Паремия *Век живи – век учишь* имеет ироническое продолжение *дураком помрёшь*. Такой же прямой смысл – учиться можно в течение всей жизни – имеет паремия *Поживешь подольше, узнаешь побольше* (Фольклор, 2007, 437), а также другая паремия: *Беды мучат, да уму учат* (Жуков, 2002, 38).

Учение и нравственность в народном сознании прочно соединены: *Злой учёный не стоит доброго глупца* (РНПП, 1958, 250); *Учишь доброму, так худое на ум не пойдёт* (РНПП, 1958, 249).

Паремии хранят в своём содержании не только человеческий опыт, но они также отражают условия жизни народа, его историю, географию, культуру. Лингвострановедческий компонент содержится и в паремиях об учении и науках, приводимых ниже:

Продай кафтан да купи буквицу (Аникин, 1957, 139) (*Буквица – азбука*).
Азбука к мудрости ступенька (Аникин, 1957, 139).
Сперва аз да буки, а там – и науки (Аникин, 1957, 139).
Аз, буки и веде страшат, что медведи (Аникин, 1957, 139).
Азбука – наука, а ребятам мука (Аникин, 1957, 139).
Аз, буки – бери указку в руки; фита, ижица – плётка близится (Аникин, 1957, 139).
Азбуку учат, во всю избу кричат (Аникин, 1957, 139).
Без букв и грамматики не учатся и математике (Аникин, 1957, 139).
Не учась и лаптя не сплетёшь (Жуков, 2002, 497).
Не учи плясать – я и сам скоморох (Даль, 2001, 130).

Пословицы и поговорки на данную тему рассказывают нам о специфике обучения грамоте. Мы узнаём, как назывались первые книги, по которым учились грамоте: *буквица*, а позднее – *азбука*. Слово *азбука* состоит из названий первых двух кириллических букв: *азъ* и *буки*. Широко использовалось и используется как название первоначального пособия по обучению грамоте. В составе некоторых паремий находим буквы старого русского алфавита – *аз*, *буки*, *веди*, *фита*, *ижица*. *Азъ*, *буки*, *веди* – это три первые буквы кириллицы – одной из древнейших славянских азбук. *Фита* и *ижица* – это последние буквы кириллицы, исключённые впоследствии из русского алфавита. Читая паремии на тему «Образование и Науки», можно узнать и о специфике процесса обучения: ученики громко вслух повторяли за учителем буквы: *Азбуку учат, во всю избу кричат*. В руках учителя была указка, которой могли пользоваться и ученики, а нерадивых учеников ждало наказание плёткой: *Аз, буки – бери указку в руки, фита, ижица – плётка близится*.

Национально-культурный опыт отражён в рассматриваемых паремиях не только словами, рассказывающими о процессе обучения. Национальными и страноведчески ценными являются слова *кафтан*, *изба*, *лапоть*, *скоморох*, *плясать*. *Кафтан* – это старинная мужская долгополая одежда (Ожегов, Шведова, 2010, 270); *изба* – русский деревянный крестьянский дом; *лапоть* – в старое время – крестьянская обувь, сплетённая из лыка, охватывающая только стопу (Там же, 319); *скоморох* – в Древней Руси – певец-музыкант, бродячий комедиант, остролов. *Всяк спляшет, да не как скоморох* (Там же, 725); *плясать* – исполнять народный танец (*Плясать русскую*).

Пословицы и поговорки, включающие в свой состав буквы старинного русского алфавита, названия азбук, вошли в состав лишь одного из рассматриваемых в данной статье источников – в сборник Владимира Прокопьевича Аникина 1957 года издания. Автор поместил в свой сборник старые пословицы и поговорки, некоторые из которых с течением времени вышли из речевого использования, но не утратили свою национально-культурную ценность. Какие же из русских пословиц и поговорок на тему «Учение – Образование – Науки» являются самыми распространёнными в речи? Паремии, являясь народным

творчеством, так же, как и язык в целом, проходят процесс развития и видоизменения, о чём свидетельствуют примеры паремий-модификаций. Что может свидетельствовать о распространённости пословиц и поговорок в современной речи? Конечно, помогли бы данные социологического опроса. Другим надёжным свидетельством является включение паремии в лингвострановедческие словари, предназначенные в первую очередь для иностранных учащихся, изучающих русский язык. Статья лингвострановедческого словаря включает саму заголовочную единицу, толкование безэквивалентных и других трудных слов и грамматических конструкций, изъяснение прямого смысла фразы, семантизацию переносного смысла и ситуативную характеристику, а также иллюстративный материал и некоторые другие компоненты. В лингвострановедческом словаре Фелицыной и Прохорова (Фелицына, Прохоров, 1979) приведены пять паремий на рассматриваемую тему: *Век живи, век учись: Ученье свет, а неученье тьма. Учёного учить – только портить. Яйца курицу не учат. За одного учёного двух неучёных дают.* Пословица *За одного учёного двух неучёных дают* имеет следующее толкование: Опытный человек, научившийся на своих ошибках, за которые пришлось отвечать или быть наказанным, дороже, ценнее многих неопытных (Фелицына, Прохоров, 1979, 46). Семантизация переносного смысла этой пословицы: Так говорят, когда понимают, что наказание за допущенные ошибки идёт на пользу человеку, потому что так он приобретает опыт. В других сборниках пословиц и поговорок приведена речевая модификация этой пословицы: *За одного битого (учёного) двух небитых (неучёных) дают (да и то не берут)* (Жуков, 2002, 119) (Один бывалый человек стоит двух неопытных).

Один из кардинальных вопросов когнитологии – это вопрос о квоте национального и интернационального в паремиологическом фонде каждого языка. Исследователи старообрядчества (подробнее см.: Ю. Новиков «Духовное наследие предков» в сборнике «Фольклор старообрядцев Литвы». Т.1. 2007) отмечают, что в Литве староверы, являясь частью русского народа, жили и живут вперемешку с соседями – литовцами, поляками, белорусами, евреями и литовскими татарами, поэтому во многих ареалах сложился особый «микроклимат», что способствовало активному взаимодействию и взаимообогащению традиционных культур разных народов. При сопоставлении русских и литовских паремий на тему «Ученье и Науки» можно обнаружить немало эквивалентных, то есть полностью совпадающих по лексическому составу и семантике, а также неполноэквивалентных, то есть совпадающих по семантике, но с вариативностью некоторых лексических компонентов в их составе, а также тех, у которых совпадает только паремиологическое значение. Рассмотрим их.

1. В первую группу входят русские и литовские паремии, у которых совпадают все компоненты:

1) *Корень учения горек, да плод его сладок* (Даль, 2001, 130). *Mokslo šaknys karčios, o (bet) vaisiai saldūs* (LPPS, 2006, 132; LPP, 2007, 161);

2) *Повторенье – мать ученья* (Аникин, 1957, 140). *Kartojimas – moksly motina* (ER);

3) *Moki žodį – žinai kelią* (LPPS, 2006, 132) *Язык маешь – дорогу знаешь* (ФСЛ, 2007, 434). Последняя паремия из сборника «Фольклор старообрядцев Литвы» – это дословный перевод литовской пословицы *Moki žodį – žinai kelią*;

2. Во вторую группу вошли русские и литовские паремии с одинаковым паремиологическим значением, но отличающиеся одним или несколькими компонентами, не совпадающими при переводе: 1) *За одного учёного двух неучёных дают* (ФП, 1979); *За одного битого (учёного) двух небитых (неучёных) дают, да и то не берут* (Жуков, 2002, 119). *Už viena mištą dešimt nemišų duoda* (LPPS, 2006, 213). Если сопоставить вышеприведённые паремии, то можно прийти к шуточному выводу, что в литовской пословице учёный ценится выше, чем в русской, потому что в литовской пословице за битого (то есть учёного) дают десять небитых (неучёных), а в русской пословице – всего лишь двух;

2) *Много будешь знать – скоро состаришься* (Жуков, 2002, 171). *Viską žinosi – greit pasensi* (LPPS, 2006, 226). Почти совпадают наблюдения русских и литовцев о том, что многочисленные знания могут состарить. В русской паремии говорится, что скоро состаришься, если много будешь знать, а в литовской – если всё будешь знать;

3) *Ремесло за плечами не виснет* (Жуков, 2002, 275). *Amato ant pečių nereikia nešti --> mokslo ant pečių nenešiosi* (ER). Общее паремиологическое значение – ремесло не обременяет человека.

Век живи – век учись, < а дураком помрёшь > (Жуков, 2002, 66). *Amžius pragiveni besimokydamas. Gyveni ir mokais, o durnium numirsi* (PP, 1958, 245).

3. Третья группа – это паремии русского и литовского языков с совпадающим паремиологическим значением: 1) *Грамоте учиться – вперёд пригодится* (Аникин, 1957, 140). *Кто грамоте горазд – тому не пропасть* (Аникин, 1957, 140). *Žinai žodį – randi kelią* (LPPS, 2006, 234);

2) *Яйца курицу не учат* (Аникин, 1957, 140). *Barzda dar neželia, o senius moko* (LPPS, 2006, 30). В рассматриваемой паре совпадает паремиологическое значение русской и литовской пословиц: молодому не следует поучать старшего, более опытного в жизни;

3) *Дурака учить – как мёртвого лечить* (Жуков, 2002, 497); *Неразумного учить – в бездонную кадку воду лить* (Аникин, 1957, 140). *Ano mokslai niejo vėjais --> išeiti vėjais* (ER) (Говорится о том, кому бессмысленно, бесполезно объяснять, растолковывать что-либо);

4) *Учи дитя, пока поперек лавки укладывается, а во всю вытянется – не научишь* (Жуков, 2002, 497). *Neišmokęs Jonuko, neišmokysi nej Jono* (LPPS, 2006, 141); *Мокык Jonelį, j ne Joną* (LPP, 2007, 161). В этой паре можно говорить скорее о совпадении семантики сопоставляемых паремий (Учить надо ребёнка, взрослого человека уже не научишь), чем лексического состава, где соотносятся лишь

некоторые компоненты: *учи* в русской пословице и (*neišmokęs*) буквально – *не выучив*, далее совпадают слова *не научишь* (*neišmokysi*).

ВЫВОДЫ

В русских паремиях учение и науки – это не только обучение грамоте, математике, но и процесс воспитания, обучение ремёслам. Исследование показало, что в русских пословицах и поговорках выражено уважительное отношение русского народа к учению и наукам, потому что они ведут человека к добру и лучшей жизни. Положительная оценочность подчеркнута мелиоративными словами в составе паремий. Хотя учиться можно в любом возрасте, но всё же процесс учения должен быть своевременным, потому что требует от человека больших усилий. В некоторых паремиях-модификациях отражена ирония по отношению к учению и наукам.

Национальное своеобразие паремий определяют лингвострановедческие компоненты в их составе. Национальную специфику русских паремий на тему «Учение – Науки» отражают безэквивалентные слова в их составе, часть из которых – это буквы старого русского алфавита – кириллицы и названия старинных книг для обучения грамоте.

Статья написана в основном на материале русского языка, однако содержит ряд сопоставлений, касающихся отношения к учению и наукам литовского народа. С давних пор русские, в том числе старообрядцы, живут по соседству с литовцами. Это создаёт благоприятные условия для взаимодействия и взаимообогащения культур, что проявилось в пословицах и поговорках обоих народов. Некоторые паремии в русском и литовском языках являются полностью эквивалентными (Корень учения горек, да плод его сладок – *Mokslas šaknys karščios, bet jo vaisiai saldūs* и *Moki žodį – žinai kelią* – Язык маешь – дорогу взнаешь); другие отличаются одним словом (*За одного битого двух небитых дают* – *Už vieną muštą dešimt nemuštą duoda*), для большинства сопоставляемых русских и литовских паремий общим является паремиологическое значение (*Яйца курицы не учат* – *Barzda dar neželė, o kitus moka*), а отличия демонстрируют специфику видения мира русскими и литовцами через национальный язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lietuvių patarlės ir priežodžiai* [parinko Pranas Sasnauskas]. 2006. Kaunas, UAB Vaiga.
2. *Lietuvių patarlės ir priežodžiai* [parinko Agnė Iešmantaitė]. 2007. Vilnius: Žaltvykslė.
3. *Patarlės ir priežodžiai* [parinko K. Grygas]. 1958. Vilnius: Valst. grožinės lit-ros leid0.
4. *Patarlės*. Электронный ресурс: www.patarlės.lt – <http://www.patarlės.lt/lietuviškos-patarlės/>.

5. Аникин, В. 1957. *Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. Пособие для учителя*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.
6. Ашукин, Н., Ашукина, М. 1988. *Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения*. – 4-е изд., доп. Москва: Художественная литература.
7. Беловинский, Л. 2007. *Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX в.* Москва: ЭКСМО.
8. Даль, В. 2001. *Пословицы и поговорки русского народа*. Москва: Изд-во ЭКСМО-Пресс.
9. Жигулёв, А. 1958. *Русские народные пословицы и поговорки*. Москва: Московский рабочий.
10. Жуков, В. 2002. *Словарь русских пословиц и поговорок*. Москва: Русский язык.
11. Витковска, Ф. 2007. Паремииология в условиях межкультурной коммуникации. *Iš: Paremie narodu slovanskych III. Sborník príspevku z mezinárodni conference konane v Ostrave ve dnech 21. –22.11.2006.* – Ostrava: Universitas Ostraviensis. Fakultas Philosophika: 87–95.
12. Мокиенко, В. 2010. Современная паремииология (лингвистические аспекты). *Iš: Мир русского слова*, № 3: 6–20.
13. Фелицына, В., Прохоров, Ю. 1979. *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь*. Москва: Русский язык.
14. *Фольклор старообрядцев Литвы: Тексты и исследование. Том 1. Сказки. Пословицы. Загадки.* 2007. Издание подготовил Ю. Новиков, Вильнюс: Издательство Вильнюсского педагогического университета.
15. Хлебда, В. 1994. *Пословицы советского народа. Наброски к будущему анализу. Электронный ресурс: www.philology.ru/linguistics/2/chlebda* – 94.htm.

SANTRAUKA

KAD KITUS MOKINTI, REIKIA PAČIAM IŠMOKTI (POŽIŪRIS Į MOKYMĄ(SI) RUSŲ PAREMIJOSE)

Ana Žarkova

Straipsnyje nagrinėjamos rusų kalbos paremijos, atspindinčios požiūrį į mokymą(si) bei mokslą. Tyrimo medžiaga buvo atrinkta iš kelių skirtingais laikais išleistų patarlių ir priežodžių rinkinių. Rusų kalbos paremijose mokymas(is) ir mokslas yra ne tik mokymas rašyti, skaityti bei skaičiuoti, tai yra ugdymo procesas, amato mokymas. Tyrimas parodė, kad rusų kalbos patarlėse ir priežodžiuose išsakytas teigiamas rusų tautos požiūris į mokymą(si) bei mokslą, todėl, kad jis veda žmogų prie geresnio gyvenimo bei gerovės. Nors mokytis galima bet kokiame amžiuje, vis tiek mokymo(si) procesas turi būti savalaikis, todėl kad reikalauja iš žmogaus didelių pastangų. Kai kuriose paremijose-modifikacijose atsispindi ironija į mokymą(si) bei mokslą.

Straipsnis parašytas remiantis rusų kalbos pavyzdžiais, bet turi atitinkamus ir iš kitų kalbų liečiančius požiūrį į mokymą(si) bei mokslą.

Raktiniai žodžiai: paremiologija, lingvokultūrologija, ironija.

*II. TEORIJA IR PRAKTIKA
TARPKULTŪRINĖS KOMUNIKACIJOS
VERTIMO ASPEKTE /
TEORY AND PRACTICE
OF TRANSLATION IN THE
ASPECT OF INTERCULTURAL
COMMUNICATION*

К ВОПРОСУ ОБ АНГЛИЦИЗМАХ В ЛИТОВСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЕ

Диана Бабушите

Lietuvos edukologijos universitetas,
Studentų g. 39, LT-08106, Vilnius, Lietuva, diana.babusyte@leu.lt
Mykolo Romerio universitetas,
Ateities g. 20, LT-08303, Vilnius, Lietuva, diana.babusyte@mruni.eu

ABSTRACT

Anglicisms in Lithuanian and German advertisements

This article examines the use of English in German and Lithuanian Internet advertisements from a linguistic perspective. The aim of the article is to discuss the most significant theoretical approaches to the language of advertisements, to analyze the reasons of using new English borrowings, taking into account the features of advertising as a genre, to determine the spread of English, together with the functions of English elements in advertising as well as to analyze types of integration of Anglicisms. The article offers a qualitative analysis of English borrowings. The research is based on the examples drawn from recent Internet advertisements.

The theoretical basis of the article is a generalized classification of reasons for English borrowing in advertising, which includes designative, semantic, stylistic, and socio-psychological reasons. English borrowings are used to fill in a semantic gap, to express the identity of a particular social group, or to associate the product with a particular cultural stereotype. The English usage in the advertisements can be also explained by creative motives in search for more interesting ways of expression, and by social reasons, as English is a sign of high-quality products, prestige and even fun. From the viewpoint of advertisers, English borrowings attract attention to the product, demonstrate advantages by a symbolic value of English, or play with language for an emotional effect.

This study provides evidence that the German and Lithuanian advertising industry is continuing to exploit English as a lingua franca in international campaigns. The paper offers an overview of research into advertising and shows that some types of English borrowings in German and Lithuanian are gradually becoming a norm.

Key words: globalization, lingua franca, English borrowings, advertising, integration.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Уже на протяжении нескольких десятилетий одним из наиболее активных процессов в лексике современных языков является процесс английских заимствований. В жизни общества использование англоязычных элементов

становится нормой коммуникации. Англицизмы встречаются практически во всех областях жизнедеятельности человека: в политике, компьютерных технологиях, СМИ, музыке, спорте, индустрии красоты и в рекламе (Бойко, 2014, 32).

Ученые по-разному оценивают возможные последствия процесса английских заимствований. Например, большинство литовских лингвистов видят в этом угрозу для языка и культуры, а многие немецкие ученые верят в способность языка к самоочищению и склоняются к традиционному объективному взгляду в языкознании. Ведь язык, как человек и общество, обладает способностью и правом изменяться. Одним из естественных процессов изменения и развития языка является заимствованная лексика.

Статья посвящена англоязычным заимствованиям и их функции в немецких и литовских рекламных текстах. Рассматриваются проблемы влияния английского языка на язык рекламы на примерах слоганов, заголовков и текстов рекламных сообщений. Особое внимание уделено интеграции английской лексики в языки-реципиенты, представлена классификация англицизмов, выделены их типы и проведен сравнительный анализ.

Цель работы – установить главные причины употребления английских заимствований в современных рекламных текстах, выявить функции их употребления и проанализировать процесс интеграции английских лексем в немецком и литовском языке с помощью описательного метода.

Основные задачи исследования – установить факторы, определяющие использование английских заимствований в рекламе, и выявить способы их адаптации в немецком и литовском языке. Для этого были использованы письменные (электронные) источники.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Реклама является неотъемлемой частью современного общества. В ней, как в зеркале, отражается уровень и особенности культуры народа. Она часто становится предметом лингвистических дискуссий; самые популярные рекламные слоганы цитируются наряду с пословицами и поговорками (Коломиец, 2012, 268). Для того, чтобы реклама получилась яркой и запоминающейся, используются стилистические и графические средства. К таким средствам можно отнести иноязычные слова и знаки.

В последние десятилетия количество работ, связанных с функционированием заимствований в рекламе, неуклонно растет (Шестакова, 2013, 208–209). Пиллер (Piller, 2003, 170–183) выделяет два этапа исследований заимствований в рекламе. Первый этап связан с пуристическим отношением лингвистов к иноязычным словам в языке вообще. Это направление распространилось в середине XX века. В 90-х годах интерес исследователей обратился к дискурсу многоязычной рекламы. Одним из родоначальников этого направления был немецкий лингвист Харальд Харман (Haarmann, 1984), исследовавший элемен-

ты европейских языков в японской рекламе и их этнокультурные стереотипы. В настоящее время заимствования в рекламных текстах анализируются в большей степени не в традициях пуризма, а с целью выявления их функций и особенностей их употребления в речи.

Заимствования в рекламе выполняют **номинативную** функцию, давая номинации тем явлениям и предметам, которых не было в действительности определенного языка. Они также осуществляют **прагматическую** функцию, к которой относятся сжатие рекламного текста и привлечение внимания потребителя к рекламируемому товару. Заимствования нередко реализуют **декоративную** функцию, являясь созидательным и красочным источником в рекламе. Они становятся теми элементами, которые заинтересовывают читателя, следовательно, могут выполнять **аттрактивную** и **побудительную** функцию. Стоит отметить, что в основной части рекламного сообщения они обладают **информационной** функцией и часто сопровождаются переводом. Таким образом, переключение языковых кодов в рекламном дискурсе является действенным механизмом реализации социальных, лингвистических и прагматических задач.

Язык рекламы исследователи называют воротами, через которые англицизмы попадают в язык (Пискарёва, 2014, 107), поэтому самым распространенным направлением в исследовании многоязычной рекламы можно считать исследование английского языка. Выделяются три главные причины использования англицизмов в современной рекламе (Kuppens, 2009, 115–135):

Лингвистические (десигнативные) причины: английский язык используется для обозначения новых реалий, когда для определенного явления не существует слова (наименования) на родном языке (Martin 2007; Vaicekauskienė 2007).

Творческие (семантические, стилистические) причины: английский язык используется для различия коннотаций, для стилистической окраски, с целью привлечения внимания потребителя и произведения на него определенного эффекта. При этом на первом плане стоит творческий подход к многоязычным рекламным текстам, например, игра слов двух языков (Ustinov/Bhatia 2005).

Социально–психологические причины (культурные коннотации): английский язык используется для выделения идентичности другой культуры или субкультуры. Многие авторы также подчеркивают, что в отличие от других языков, английский язык чаще всего не ассоциируется с национальными стереотипами, а представляет общую социальную идентичность и ассоциируется с интернационализмом, современностью, новшествами, прогрессом (Piller 2003; Kelly-Holmes 2005; Vaicekauskienė 2009).

Анализируя язык рекламы, современные лингвисты пришли к выводу, что с употреблением англицизмов ассоциируются положительные эмоции, напр. прогресс, инновации, успех, а также индивидуальность, свободный стиль жизни и т.д. Таким образом, англоязычная реклама направлена на опреде-

ленную группу читателей, на современных, образованных и успешных людей (Vaicekauskienė, 2009, 119). В связи с этим на рынке многих стран стала появляться реклама полностью или частично на английском языке. Рекламодатели прибегают к нему для продажи товаров на мировом рынке, ведь англоязычные слоганы придают эксклюзивность рекламируемой продукции, даже если они не совсем понятны покупателям. Многие рекламные фирмы используют не только существующие в английском языке слова, но и создают новые. По мнению немецкого исследователя Глан (Glahn, 2002) самый высокий процент псевдоанглицизмов содержится в языке рекламы, например:

Handy «мобильный телефон» < от англ. *handy* = «удобный» (для пользования);

Public Viewing «совместный просмотр какой-нибудь важной телетрансляции, напр., чемпионата по футболу» < от англ. *public viewing* = «торжественное прощание с покойником в открытом гробу»;

Beamer «видеопроектор» < от англ. *beamer* «автомобиль или мотоцикл марки BMW».

Несмотря на то, что по результатам различных опросов и исследований с английским языком в рекламе ассоциируются положительные эмоции, существуют мнения, что использование английского языка не всегда достигает положительного результата. Роль англоязычных заимствований в рекламном тексте велика, но их неконтролируемое употребление может произвести негативный эффект, т.е. привести к тому, что читатели не поймут рекламную информацию.

Агентством изучения рынка наименований Endmark проводится исследование с целью проверки понимания англоязычных слоганов среди потребителей. Каждый раз (2003, 2006, 2009, 2013) в опросе участвуют более тысячи жителей Германии, которые получают задание перевести слоганы на немецкий язык. Исследование 2003 г. показало, что менее 50 % опрошенных поняли значение десяти из двенадцати слоганов. Например, слоган парфюмерной сети Douglas *Come in and find out* был правильно понят (*Komm rein und entdecke*) лишь 34 % опрошенных. В скором времени английский слоган был изменен на немецкоязычный *Douglas macht das Leben schöner*. Тогда же агентство Endmark отметило тенденцию перехода от немецкоязычных слоганов к англоязычным, например *Besser ankommen – Feel the Difference* (FORD). В 2006 г. рекламный рынок Германии был проанализирован во второй раз, и результаты этого опроса были сходны с первым. Исследование 2009 г. показало, что популярность английского языка у рекламодателей не снизилась. Также отмечалось, что лишь 30% опрошенных понимают рекламные слоганы. Опрос 2013 г. был направлен на исследование рекламы из области автомобильной промышленности. Хотя по сравнению с 2003 г. была замечена общая тенденция перехода от англоязычных слоганов к немецкоязычным, и выше упомянутый пример *Feel the Difference* (FORD) был заменен на немецкоязычный *Eine Idee weiter*, агентство Endmark

отмечает, что 25 % рекламных сообщений состоит из англицизмов. Результаты 2013 г. показали, что 40 % опрошенных неправильно понимают слоганы, т.к. игра слов (*Enjoyneerin – enjoyment / engineering; Drive the Change – Change/Chance*) либо символика рекламного текста (*Drive@earth*) irritируют процесс понимания у опрошенных¹.

Приведем несколько примеров из тех областей, в которых англицизмы в немецких рекламных текстах используются особенно широко:

Продукты питания/напитки: *The Beck's experience* (Beck's);

Технологии: *Connecting people* (Nokia); *Broadcast yourself* (Youtube);

Табак: *Don't be a Maybe – be Marlboro* (Marlboro);

Автомобили: *Drive Alive* и *Drive@earth* (Mitsubishi); *Feel the difference* и *Simply more* (Ford); *The power of dreams* (Honda); *Simply clever* (Škoda);

Одежда: *Fashion for living* (C&A); *Just do it* (Nike); *Live with fire* (Reebok);

Концерны: *There's no better way to fly* (Lufthansa);

Телевидение: *We love to entertain you* (ProSieben); *Powered by emotion* (SAT. 1).

Употребление заимствований в литовском языке большинство исследователей Литвы считают необоснованным. Заимствования в рекламе литовские лингвисты рассматривают в большей степени в аспекте молодежного сленга, неологизмов или стилистических отклонений от нормы (Blažinskaitė 2004, Nevinskaitė 2013). Социолингвистических исследований рекламы в Литве насчитывается очень мало. Одним из примеров может послужить работа Вайцекаускене и Шмитайте, которые провели анализ употребления англицизмов в телевизионной рекламе (Vaicėkauskienė/Šmitaitė, 2010).

Литовские лингвисты в своих исследованиях выделяют следующие сферы рекламных текстов, в которых распространены англицизмы:

Технологии: 3D, MP3, SMS, *blenderis, grilis*;

Продукты питания/напитки: *mufinas, smoothie, krekeriai, dekanteris*;

Косметика: *pilingas, SPA*;

Одежда: *bokseriai, kardiganas, likra*;

Спорт и развлечения: *bungee, grafitis, fitness, kerlingas, raftingas*.

Большинство приведенных выше примеров заимствованы по десигнативным причинам. Некоторые из них распространены в повседневной (разговорной) речи и зафиксированы в словарях (напр. *logotipas, safaris, grafitis*). В тех случаях, когда в литовском языке заимствованному слову предлагается новое литовское слово-замена, то они часто конкурируют в употреблении (например, *hostingas/priegloba, kerlingas/akmenslydis, driftas/šonaslydis, kartridžas/kasetė*).

Одним из ярких примеров семантических англицизмов является слово *pabas* (англ. *pub*), зачисленное в список так называемых «Больших языковых ошибок» (*Didžiųjų kalbos klaidų sąrašas*), но не исчезающий из употребления:

¹ <http://www.endmark.de/>

Pub'as «Artistai» kviečia apsilankyti visus norinčius skaniai pavalgyti, paklausyti geros, gyvo garso, muzikos ir smagiai praleisti laiką².

Заменой этому англицизму являются слова *alinė*, *aludė*, *smuklė*, несущие в себе, по мнению Невинскайте, отрицательные коннотации. Слово *smuklė* принадлежит не нашей эпохе и больше знакомо из литературных произведений, а примеры *alinė* и *aludė* слишком ассоциируются с одним определенным напитком (*alus* – пиво) (ср. Nevinskaitė, 2013, 13).

Заимствования также несут символическую функцию. Они не обозначают реалий, а подчеркивают какие-либо свойства или качества рекламируемого товара. Это касается прежде всего наименований товаров. К примеру, нетранслитерированные англицизмы **Extra**, **Premium** подчеркивают эксклюзивность продукта, напр., *Švyturio Ekstra*, *Extra dešrelės*, *Premium plius*.

Употребление английской лексики выделяет также идентичность молодежной субкультуры. Хотя всем известный факт массового использования англицизмов в молодежном сленге во многих европейских языках очевиден, исследований молодежной рекламы насчитывается крайне мало (Stamou/Agrafioti/Dinas, 2012, 909). Приведем несколько примеров из молодежной рекламы (ср. Nevinskaitė, 2013, 21): *Puodas kavos kofišope*.³ *Reklama Facebook'e*.⁴ **Helpas!! – pagalba tau ir tavo kompiuteriui**.⁵ *Nespausk čia! Daugiau info ieškok gūglėj!*⁶

Англицизмы могут интегрироваться или не интегрироваться на разных языковых уровнях (графическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом). Некоторые из приведенных выше примеров транслитерированы, некоторые отличаются нетранслитерированностью, т.е. существуют адаптированные и неадаптированные формы англицизмов как в немецком, так и в литовском языке. Это можно связать с их функциями в рекламе. Но в принципе невозможно объяснить истинную мотивацию рекламопроизводителей в использовании той или иной графемной формы английских заимствований. Нетранслитерированные примеры можно лишь объяснить желанием подчеркнуть особенную новизну продукта, выделяя при этом язык оригинала. Немецкие лингвисты (Friedrich 2015; Shkurte 2009; Bohmann 1996) выделяют следующие типы англицизмов, распространенных в рекламных сообщениях:

Конвенциональный тип англицизмов. К этому типу относятся английские заимствования, которым не свойственна интеграция на графемном и фонетическом уровне в языке-реципиенте; нетранслитерированные англоязычные заимствования употребляются в так называемом «чистом виде», напр. *Manager*, *Jeans*, *T-Shirt*, *Shampoo*, *Computer*, *cool*, *new* и т.д. Употребление прямых

² <http://renginiai.kasvyksta.lt/175/vilnius/artistai>

³ <http://370.diena.lt/prenumerata/>

⁴ <https://lt-lt.facebook.com/marketingas>

⁵ <http://nsdb.sociolingvistika.lt/zodziai.htm?zodis=helpas&id=1497>

⁶ <http://nsdb.sociolingvistika.lt/zodziai.htm?zodis=g%C5%ABglis&id=280>

английских заимствований в неизменном варианте в рекламных текстах можно объяснить спецификой языка рекламы, обусловленного фактором интернациональности, который, в свою очередь, гарантируется английским языком как интернациональным.

Конвенциональный тип, заполонивший все языковые сферы Германии, стал нормированным процессом заимствования англицизмов в немецком языке. Единственный след интеграции, единственное отличие, присущее только немецкому языку, это заглавная графема существительных, например, *Baby, Show, Team* и т.д. Литовскому же языку присущ в основном интегрированный тип англицизмов (*singlas, sponsorius, imidžas*). Ведь даже имена собственные подвергаются немедленной морфологической интеграции в литовский язык (*Vladimiras Putinas, Berlinas, Big Benas*). Слова, заимствованные в литовский язык, интегрируются в нем в большинстве случаев на всех языковых уровнях (графемном, фонетическом, морфологическом), поэтому конвенциональный тип англицизмов редко находит свое распространение в литовском языке.

Результаты исследования показали, что этот тип англицизмов наиболее часто встречается в немецких рекламных текстах. Конвенциональный тип в немецком языке включает в себя слова-существительные, составляющие самую большую группу (*Live, Concert, Online, Friday*), аббревиатуры, которые могут быть рассмотрены как особый тип вкраплений (*TV, SMS, CD, AIDS, GPS*). Также встречаются целые фразы и предложения: *Beautiful hair needs an expert* (Wella)⁷. *Professional HairCare for you* (Schwarzkopf)⁸. *Real Fashion that fits your style!* (C&A)⁹.

Это явление также можно наблюдать в литовском языке: *Colgate TOTAL Advanced Sensitive; Coldrex Hot Rem. Honey and Lemon*.¹⁰; *Rush Hour Recordings, Notes and Quates, not a cider, not a beer; leading innovation; diving expedition*¹¹. Существительные (*fashion, group, city, store*), прилагательные (*smart, fantastic, original*) и аббревиатуры (*KM, GB, SMS*) встречаются реже. В этом типе англицизмов глаголы не зафиксированы.

Интегрированный тип англицизмов. Этот тип включает в себя слова, морфологически интегрированные в языке-реципиенте. Такой интеграции в немецком языке подвержены прежде всего глаголы, например, *parken* (англ. *to park*), *starten* (англ. *to start*), *surfen* (англ. *to surf*), *scannen* (англ. *to scan*), *shoppen* (англ. *to shop*). В литовском языке преобладает именно этот тип англицизмов. Графо-фонемные структуры, типичные для английского языка и отсутствующие в литовском, заменяются, т.е. интегрируются в языке-реципиенте, например, *džazas* (англ. *jazz*) - /dž/ (/j/); *lyderis* (англ. *leader*) - /y/ (/ea/); *šou* (англ. *show*) - /š/

⁷ <https://de-de.facebook.com/haargenau.eichendorf/posts/545158858842313>

⁸ <http://www.vorher-nachher-frisuren.de/friseurmarken/schwarzkopf/>

⁹ <http://www.c-and-a.com/de/de/corporate/company/>

¹⁰ Vaicekauskienė/Šmitaitė, 2010, 114.

¹¹ Milašiūtė, 2014, 24, 27.

(/sh/). Часто встречается замена графемы /c/ на /k/, например, *kola* (англ. *cola*), *klubai* (англ. *clubs*), *kreditas* (англ. *credit*), *kongresas* (англ. *congress*), *klientas* (англ. *client*), *kontraktas* (англ. *contract*), *efektas* (англ. *effect*). Для англицизмов характерны двойные согласные в конце слога, характеризующие краткость гласных. В литовском языке они отсутствуют, например, *stresas* (англ. *stress*), *tarifas* (англ. *tariff*). Самую большую группу составляют существительные (*servisas*, *logotipas*, *grafitis*), после них следуют прилагательные (*ofšorinis*, *ajurvedinis*, *ekstremalus*), глаголы встречаются редко (*prizoominti*, *užseivinti*, *atprintinti*).

Смешанный тип англицизмов. К нему относятся гибриды разных видов, т.е. наблюдается гибридизация языковых систем в области графики, лексики или синтаксиса. Большую часть примеров этого типа заимствований в немецком языке составляют существительные, в особенности сложные слова: *Live-Kommentar*, *Super-Preise*, *Highspeed-Internetzugriff*, *Frauencamp*, *Traumjob*, *Sommerhits*. Употребление смешанного типа англицизмов в литовском языке на уровне слов встречается крайне редко (например, *go go šokėjos*). Этот тип часто используется в обоих языках на уровне фраз и предложений (ср. Бойко, 2014, 36): *Maybelline Jade Lippenstift Color Sensational Lipmarker*¹²; *Ladies Modern Casual Feminin und elegant, aber auch leger und casual spiegelt dieser Style das Lebensgefühl modebewusster junger Frauen wider*¹³; *Lady Speed Stick su alavijais*; *Nori naujojo iPhone 3Gs?; Chocking sale – kai perkant norisi šokti*.¹⁴

ВЫВОДЫ

1. Язык – механизм, способный к саморегулированию, обладающий свойством самоочищения, а также способностью и правом изменяться. Одним из самых естественных процессов изменения языка является заимствованная лексика.
2. Язык рекламы – ворота, через которые англицизмы попадают в современные языки, поэтому самым распространенным направлением в рекламе на сегодняшний день является исследование английских заимствований и их функций в рекламных сообщениях.
3. Выделяются три главные причины использования англицизмов в современной рекламе: лингвистические (десигнативные), творческие (семантические, стилистические), социопсихологические (культурные коннотации).
4. Английские заимствования в рекламных текстах выполняют номинативную, прагматическую, декоративную, аттрактивную и информационную функции.

¹² http://www.codecheck.info/neu/ean_3600530681631/id_12580184/MAYBELLINE_Jade_Lippenstift_Color_Sensational_Lipmarker_3_5_ml.pro

¹³ <http://www.c-and-a.com/de/de/corporate/company/>

¹⁴ Vaicekauskienė/Šmitaitė, 2010, 115-118.

5. Выделяют следующие типы англицизмов, распространенных в рекламных текстах: конвенциональный (нем. *Manager, Jeans, T-Shirt*; лит. *fashion, group, city*), интегрированный (нем. *parken starten*; лит. *lyderis, ekstremalus, prizoominti*), смешанный (нем. *Live-Kommentar, Super-Preise*; лит. *go go šokėjos*).
6. Конвенциональный тип наиболее распространен в немецком языке; он не типичен для литовского языка, но иногда используется в слоганах и в наименованиях товаров. Смешанный тип часто используется в немецком языке; в литовских рекламных сообщениях он распространен в основном на уровне фраз и предложений. Интегрированный тип присущ литовскому языку; в немецких рекламных сообщениях он встречается реже.
7. Неумеренное употребление английских заимствований в «чистом виде» в рекламных сообщениях считается недопустимым и неуместным в тех случаях, если потребители не в полной мере понимают информацию о рекламируемом товаре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blažinskaitė, D. 2004. Naujadarai ir perdirbiniai reklamoje. Iš: *Kalbos kultūra* 77: 56–66.
2. Bohmann, S. 1996. *Englische Elemente im Gegenwartsdeutsch der Werbebranche*. Marburg: Tectum Verlag.
3. Friedrich, S. 2015. *Deutsch-und englischsprachige Werbung: Textpragmatik, Medialität, Kulturspezifität*. Berlin: Frank & Timme.
4. Glahn, R. 2002. *Der Einfluss des Englischen auf die gesprochene deutsche Gegenwartssprache: eine Analyse öffentlich gesprochener Sprache am Beispiel von „Fernsehdeutsch“*. Frankfurt am Main: Lang.
5. Haarmann, H. 1984. The Role of Ethnocultural Stereotypes and Foreign Languages in Japanese Commercials. Iš: *International Journal of the Sociology of Language* 50: 101–121.
6. Kelly-Holmes, H. 2005. *Advertising as Multilingual Communication*. New York: Palgrave MacMillan.
7. Kuppens, A.H. 2009. English in Advertising: Generic Intertextuality in a Globalizing Media Environment. Iš: *Applied Linguistics* 31 (1): 115–135.
8. Martin, E. 2007. “Frenglish” for Sale: Multilingual Discourses for Addressing Today’s Global Consumer. Iš: *World Englishes* 26 (2): 170–188.
9. Milašiūtė, A. 2014. *Anglizismen in der Werbesprache. Ein Vergleich zwischen dem Deutschen und dem Litauischen*. Bachelorarbeit. Bildungswissenschaftliche Universität Litauens.
10. Nevinskaitė, L. 2013. Kam reklamai skoliniai? Leksikos skoliniai reklamos tekstuose. Iš: *Taikomoji kalbotyra* 3: 1–31.
11. Piller, I. 2003. Advertising as a Site of Language Contact. Iš: *Annual Review of Applied Linguistics* 23: 170–183.

12. Shkurte, V.A. 2009. *Englisches in der deutschen Sprache der Werbung*. Diplomarbeit. University of Vienna. Philologisch-Kulturwissenschaftliche Fakultät.
13. Stamou, A.G./Agrafioti, A./Dinas, K.D. 2012. Representations of Youth (Language) in Greek TV Commercials. Iš: *Journal of Youth Studies* 15 (7): 909–928.
14. Vaicekauskienė, L./Šmitaitė, R. 2010. Anglų kalbos vartojimas ir kodų kaita Lietuvos televizijų reklamose. Iš: *Kalbotyra* 62(3): 108–125.
15. Vaicekauskienė, L. 2009. Postmodernioji dvikalbistė: tautinės kalbos ir anglų kalba reklamoje. Iš: *Kalbos kultūra* 82: 110–125.
16. Vaicekauskienė, L. 2007. *Naujieji lietuvių kalbos svetimžodžiai. Kalbos politika ir vartosena*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas.
17. Бойко, С. А. 2014. Англицизмы в современном русском языке: Лингвоэкологический аспект. Iš: *Экология языка и коммуникативная практика*. №2: 32–43.
18. Коломиец, С. В. 2012. Иноязычные вкрапления в текстах русских рекламных сообщений. Iš: *Филология. Вестник КемГУ* 4(52). Т 3: 268–271.
19. Пискарёва, А. А. 2014. Язык немецкой рекламы в зеркале глобализационных процессов. Iš: *Пространство и Время* 1(15): 107–113.
20. Шестакова, О. В. 2013. Функции ономатопеи в немецкой рекламе. Iš: *Филологические науки. Вопросы теории и практики. Грамота* 5 (23). Ч. II: 208–213.

SANTRAUKA

ANGLŲ KALBOS SKOLINIAI LIETUVIŠKUOSE IR VOKIŠKUOSE REKLAMINIUOSE TEKSTUOSE

Diana Babušytė

Visuomenėje anglų kalbos vartojimas tampa komunikacijos norma. Angliškos kilmės žodžius galima rasti beveik visose gyvenimo srityse: politikoje, žiniasklaidoje, muzikoje, sporte, grožio ir kompiuterinių technologijų pramonėje bei reklamoje.

Pasaulio kalbininkai reklama vadina vartais, per kuriuos angliškos kilmės žodžiai patenka į kalbą. Todėl labiausiai paplitusia tyrinėjimo kryptimi reklamoje laikoma anglų kalba, jos naudojimas ir įtaka kitom kalbom.

Straipsnyje nagrinėjami anglų kalbos ir jos elementų vartojimas Vokietijos ir Lietuvos interneto reklamos tekstuose. Remiantis ankstesniais tyrimais, apžvelgiamos galimos skolinimosi priežastys, anglų kalbos naudojimo reklamoje tikslai ir jos funkcijos.

Angliškos kilmės žodžiai gali būti integruoti ar neintegruoti skirtinguose kalbos lygiuose: grafiniame, morfologiniame, leksiniame ir sintaksiniame. Empirinėje straipsnio dalyje nagrinėjami anglų kalbos skolinių reklamoje tipai ir jų integracija vokiečių ir lietuvių kalbose.

Raktiniai žodžiai: interneto reklamos tekstai, integracija, reklama, komunikacijos norma.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ В. БЫКОВА «СОТНИКОВ» НА ГРУЗИНСКИЙ ЯЗЫК

Нана Гаприндашвили

Тбилисский государственный университет имени Иване Джавахишвили,
Тбилиси, Грузия, 0128, пр. Чавчавадзе I, nana.gaprindashvili@tsu.ge

ABSTRACT

Some features of translation of the novel Bykov «Sotnikov» in Georgian

Vasil Uładzimiravič Bykaŭ's works are characterized by deeply emotional, psychological and high artistic quality that makes them of great interest to a wide readership, including Georgia.

The Perception of V. Bykaŭ's works in Georgia come in through translation, which is done due to the internal needs of modern Georgian literature, where seeking moral, philosophical, and psychological problems is a rather intensified object of interest. By the translation of the story «The Ordeal» («Сотнікаў») Georgian literature enriched its creative pursuits in moral, ethical and psychological issues. The translation was made by A. Viaznikova and Z. Kiknadze directly from the original and published in Tbilisi in 1981. It should be outlined that «The Ordeal» occupies a special place in the history of Georgian-Belarusian literary relationships, the main aspect of it being the translation.

The Translators have coped well with their main task – they realistically transferred the means and stylistic devices into the Georgian language without losing the ideological and emotional intensity of the story. Trying to limit closer to the original, the translators have sought to comply with not only semantic, emotional, but also its form.

The translation is well transferred and appropriately shows the complex, ambiguous and multifaceted nature of the characters, especially the main characters, their deep feelings, intimate impulses of their souls, their resistance and doubt.

The Translators tried to create by means of the Georgian language a creative world, a world equivalent to the original, and carefully interpret the artistic techniques used in the original.

Georgian translation of «The Ordeal» is performed at the highest artistic level. It recreates the actual ideological and artistic world of the original.

The Georgian translation in a number of episodes, in particular, dialogues, where there are jargon, dialect and barbarisms, are much more dissent than in the original. This can be perceived as the main drawback of the translation.

Keywords: Vasil Bykov, «The Ordeal» («Сотнікаў»), translation, Georgian language, Georgian-Belarusian literary relationship.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Художественный перевод – важнейшая форма литературных взаимоотношений между народами разных стран. Объектом нашего исследования является известное произведение В. Быкова «Сотников» в контексте грузино-белорусских литературно-переводческих взаимосвязей.

Литературно-переводческие взаимоотношения как одна из доминантных форм межнационального культурного диалога играли важную роль в истории грузинской литературы и культуры. Эти взаимосвязи являются значительным источником обогащения грузинской культуры и литературы с художественно-эстетической точки зрения, как в глубокой древности, так и в настоящее время. Исходя из этого, изучение грузино-иностранных литературно-переводческих взаимосвязей является одной из центральных задач грузинского литературоведения и переводоведения. Этим обусловлена актуальность представленной статьи.

Цель нашего исследования – на примере перевода повести В. Быкова «Сотников» на грузинский язык продемонстрировать важнейший аспект восприятия белорусской литературы в Грузии; изучить и оценить качество грузинского перевода, выявить, насколько адекватно грузинские переводчики смогли воспринять и осмыслить идейно-эстетический мир оригинала и донести его до грузинского читателя.

В работе применяются некоторые классические методы изучения литературы: 1) биографический метод, поскольку биография и личность В. Быкова в определенной степени рассматриваются как определяющие моменты его творчества; 2) сравнительный метод, при помощи которого перевод оценивается с точки зрения соответствия оригиналу; 3) метод литературной герменевтики, так как перевод, в свою очередь, является, в определенной степени, искусством интерпретации, а переводчик предстает интерпретатором; 4) элементы культурно-исторического метода, используемые при рассмотрении вопроса о функционировании грузинского перевода повести «Сотников» в грузинской социо-культурной среде.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В грузино-белорусских переводческих взаимоотношениях важное место занимает творчество Василя Быкова, которое своими тенденциями вписывается в современный литературный процесс. На грузинский язык переведены такие его произведения, как «Дожить до рассвета» (Быков, 1981, 172–314), «Сотников» (Быков, 1981, 5–171), «На тропе жизни» (в переводе он называется «Фруза») (Быков, 1976, 5–24), «Альпийская баллада» (Быков, 1977, 90–170; 147–191). Самый живой интерес к творчеству В. Быкова в Грузии наблюдался в 70-80-х годах XX века. После этого, к сожалению, произведения В. Быкова на грузинский язык не переводились.

Творчество В. Быкова играет заметную роль в современной белорусской литературе. В основном его произведения посвящены изображению, анализу и осмыслению событий Великой Отечественной войны. В его жизни и творчестве события войны стали основным мерилем человеческого мужества. Писатель сумел по-новому взглянуть на события военных лет и на судьбы людей в этой войне. Произведения В. Быкова, характеризующиеся глубокой эмоциональностью, психологизмом и высокой художественной культурой, вызывают большой интерес у широкой читательской аудитории, в том числе и в Грузии. Известно, что литература в первую очередь воспринимает то, что близко ей по пафосу. Поэтому восприятие творчества В. Быкова в Грузии через переводы обусловлено, прежде всего, внутренними потребностями современной грузинской литературы, в которой усиливается интерес к нравственным, философским и психологическим проблемам (творчество Ч. Амиреджиби, Г. Дочанашвили, О. Чиладзе и др.). Именно идейно-нравственная проблематика, аналитичность, философичность, психологизм современной грузинской литературы побуждают ее к восприятию белорусской литературы, в частности, творчества В. Быкова. Переводом повести «Сотников» грузинская литература обогатила свои творческие поиски в области морально-этической и психологической проблематики.

В этой повести с предельной четкостью выявляется нравственно-эстетический максимализм автора. В ней затронуто много интересных вопросов, в частности, как поступает человек, когда он поставлен перед выбором – смерть или предательство, когда и как выражает он свою истинную сущность, как он ведет себя в новой экстремальной ситуации и др. С большой психологической достоверностью и убедительностью рисует В. Быков образы главных героев повести – Сотникова и Рыбака. «В изображении своих главных героев автор прибегает к приему контраста, показывая, почему так кардинально разошлись их пути, почему дорога перестала быть общей» (Быков, 2004, 107). В. Быков любит и жалеет всех своих героев, переживает вместе с ними. В своей публицистической статье «Как была написана повесть «Сотников» В. Быков так оценивает своих героев: «Сотников по натуре вовсе не герой без страха и упрека, и если он честно умирает, то потому прежде всего, что его нравственная основа в данных обстоятельствах не позволяла ему поступить иначе, искать другой конец. Рыбак тоже не подлец по натуре; сложились обстоятельства иначе, возможно, проявилась бы совершенно другая сторона его характера, и он предстал бы перед людьми совсем в ином свете. Но неумолимая сила военных обстоятельств вынудила каждого сделать самый решающий в человеческой жизни выбор – умереть достойно или остаться жить подло. И каждый выбрал свое». (Быков)

Сотников и Рыбак одновременно начали бороться с фашизмом, долгое время посвящали себя борьбе за светлые идеалы, много раз спасались от смерти, но ни разу не отступили. Но однажды, оказавшись перед лицом неминуемой

гибели, они сделали разный выбор: Сотников не изменил своей Родине, своим идеалам и героически погиб, а Рыбак сохранил себе жизнь ценой предательства.

Таким образом решили персонажи повести «Сотников» ту проблему, которой весьма интересовался автор и которую он сформулировал следующим образом: «... прежде всего и главным образом меня интересовали два нравственных момента, которые упрощенно можно определить так: что такое человек перед сокрушающей силой бесчеловечных обстоятельств? На что он способен, когда возможности отстоять свою жизнь исчерпаны им до конца и предотвратить смерть невозможно?» (Быков)

Переводческая судьба повести «Сотников» весьма интересна. Известно, что повесть впервые была опубликована не в оригинале, как это делается в большинстве случаев, а в переводе на русский язык, и только через шесть месяцев уже в оригинале была напечатана в белорусском литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Полымя». Сам автор высоко ценил нелегкий труд переводчика. «Я навсегда благодарен переводчикам, немало сделавшим для популяризации моих произведений среди многомиллионного всесоюзного читателя», – отмечал он. (Быков)

Перевод «Сотникова» занимает особое место среди грузинских переводов произведений В. Быкова. Он был выполнен Андреем Вязниковым и Зурабом Кикнадзе непосредственно с оригинала и опубликован в издательстве «Сабчота сакартвело» в книге переводов произведений В. Быкова «Дожить до рассвета» в 1981 году (тираж 15 000 экземпляров). Переводчики хорошо справились со своей основной задачей, реалистически передали средствами грузинского языка содержательные аспекты произведения и его идейно-эмоциональную насыщенность. Они сделали близким и понятным грузинскому читателю весь ход и смысл описываемых событий: и симпатии и антипатии автора. Стараясь предельно приблизиться к оригиналу, переводчики стремились соблюдать не только смысловую, эмоциональную, но и внешнюю сторону произведения, его форму. Вместе с тем, за пределами их внимания не осталась и так называемая «внутренняя» реакция читателя, которая достижима в том случае, если переданные в переводе идеи оригинального произведения вызывают у читателя те же мысли, чувства, что и сам оригинал.

В переводе хорошо переданы и соответствующим образом раскрыты сложные, неоднозначные и многоплановые характеры персонажей, особенно главных героев, их глубокие переживания, сокровенные движения их душ, их стойкость и сомнения.

«Сотников» – образец психологической прозы, поэтому для оглашения мыслей и чувств героев в повести часто используется традиционный прием этого подвида прозаического жанра – внутренний монолог. Как средство описания душевного состояния человека, внутренний монолог представляет собой довольно емкую форму, позволяющую в полном объеме воплотить художественный замысел писателя и с успехом рассказать о психологическом

состоянии героя, о его внутренних переживаниях. В произведении внутренний монолог часто сливается с рассуждениями автора, с глубоким, внимательным анализом ситуаций и событий.

Грузинские переводчики хорошо справились со своей задачей, мастерски передав эту особенность оригинала. Внутренние монологи в переводе переданы полными затаенного драматизма строками, в которых с глубоким пониманием оригинала, с учетом всех идейно-художественных и эмоциональных нюансов подлинника повествуется о душевных тревогах и переживаниях героя, раскрывается его внутренний мир и состояние.

С этой точки зрения весьма интересен эпизод из жизни Сотникова, которому посвящена первая глава. Мысли измученного героя, проводящего в подвале последнюю в своей жизни ночь, хорошо переданы лексико-стилистическими средствами грузинского языка, сохранено и удачно передано настроение героя. Успешно воссозданы и рассуждения автора, в которых анализируются действия и переживания героя повести, и проявляется авторское отношение к описываемым событиям. При переводе этого эпизода А. Вязников и З. Кикнадзе прибегают к несколько замедленному ритму повествования, что вполне соответствует как языку оригинала, так и душевному состоянию и настроению героя.

Переводчики стараются создать средствами грузинского языка художественный мир, равноценный миру оригинала, внимательно интерпретируют использованные в оригинале художественные приемы. Все это можно заметить хотя бы в переводах пейзажей. Все пейзажи оригинала на первый взгляд схожи, каждый из них описывает зимний лес, но, несмотря на это, каждый Быковский пейзаж создает новую художественно законченную картину, и сходство между ними, прежде всего, внешнее, а не смысловое. В большинстве случаев Быковские пейзажи соответствуют душевному настроению и состоянию героев произведения.

Грузинские переводы Быковских пейзажей представляют собой утонченные, законченные художественные картины: “თოვლიანი ფერდობი, რომელსაც თავეზე დაბალი, ვარსკვლავიანი ცა დამხოვდა, მათ წინ ციცაბო აღმართად იქცეოდა და ნისლიან ბინდში ინთქმებოდა. უკან კი ვრცლად გაშლილი, რუხი ტყისპირა ველი, რაღაც დაბალი ბუჩქნარით, ოკრობოკრო ზოლებითა და გაურკვეველი ჩრდილებით მოფენილიყო. იმის იქით, შორს, შავად მოჩანდა ტყე, რომელიც წელან გამოიარეს. მათ შორის გათოშილი მინდორი იყო და შემთხვევით მტრის საფარს რომ წაწყდომოდნენ, საშველი არსაიდან იქნებოდა”. (Быков, 1981, 16). (Снежный склон, на который опиралось низкое звездное небо, перед ними превращался в крутой подъем и исчезал в туманной тьме. А за спиной, на окраине леса широкое, серое поле было покрыто каким-то низким кустарником, неровными полосами и неопределенным тенями; за ними, вдали, черно виднелся лес, который они уже прошли. Сейчас этот лес

был очень далеко, между ними и лесом расстиралось холодное поле и, если бы они случайно наткнулись на врага, помощи неоткуда было ждать.)¹⁵

«Снегавы пагорак, над якім вісела прысмужанае зорнае неба, крута задзіраўся ўгору і знікаў у туманным змроку. Ззаду ж шырока разлеглася шэрая роўнядзь поплаву – з кустоўем, нейкімі невыразнымі плямамі, няпэўнымі ў змроку расплывістымі ценямі, а яшчэ далей, амаль не праглядваючыся, цьмеў дзесьці лес, з якога яны ішлі. Ён быў далёка, той лес, а наўкола стыла на марозе чыстае поле – калі што, тут падмогі ніадкуль не будзе» (Быкаў, глава 2).

Как видно из этого примера, переводчики сумели удачно воспроизвести угрюмые, холодные, вызывающие страх картины Быковских пейзажей. И в грузинском переводе, и в подлиннике господствует в основном серый цвет. Оба, подлинник и перевод, переполнены неопределенными, неясными, вызывающими страх теньями и тишиной. Сходство картин природы способствует созданию общего настроения произведения, подготавливая читателя к трагическому концу, который ожидает двух главных героев повести.

Одним из главных достоинств «Сотникова» является его народность, выразительность и простота языка. Перевод с этой точки зрения заслуживает высокую оценку. В нем сохранена структура грузинской речи. В стилистическом отношении язык свободен от влияния и воздействия оригинала, полностью соответствует нормам современного грузинского языка. Весьма интересными являются диалоги В. Быкова. Они привлекают внимание своей экспрессивностью, правильной передачей душевного состояния, интеллекта и характера героя. Для перевода эти диалоги оказались довольно сложными, хотя переводчики в основном хорошо воспроизводят их. К примеру, в диалоге Демчихи с полицейскими проявляется внутренний мир героев. Демчиха разговаривает на чистом, колоритном, белорусском языке, максимально приближенном к литературному белорусскому языку, а речь полицейских очень далека от литературного языка, состоит из смеси белорусского, русского и немецкого языков, перегружена вульгарной и жаргонной лексикой. С этой точки зрения интересна первая же фраза полицейских. «— Прывет, фрава! Як жысць?» (Быкаў, глава 9). Так полицейские поздоровались с Демчихой. В этой маленькой фразе только одно слово – «Як» – взято из лексического фонда литературного языка, «Прывет» – русицизм, «фрава» – от немецкого слова «die Frau», которое в белорусском контексте приобретает уничижительный и издевательский оттенок, «жысць» – пример просторечия. На грузинский же язык эта фраза переведена литературным языком: «გამბრჯობა, დედაპაცო, როგორა ხარ?» (Быков, 1981, 86) («Здравствуй, женщина, как поживаешь?»), от чего теряются особенности полицейской речи и отношения полицейских к Демчихе. На наш взгляд, было бы лучше, если бы «прывет» и «фрава» были бы оставлены в тексте (грузинскому читателю было бы не сложно понять функцию и значение этих слов).

¹⁵ Здесь и далее подстрочный перевод наш – Н. Г.

Хорошо переведены те пассажи, которые характеризуют речь Демчихи. Для грузинского читателя совершенно ясным становится ее душевное состояние, строгость характера: сначала она сварливо-жестко приняла советских офицеров, так как думала, что они сбежали с фронта и не хотели бороться с фашистами, но потом помогла им, рискнув жизнью и проявила благожелательное отношение к партизанам и ненависть к фашистским прихвостням.

«ვაი, ვაი! თქვე ნადირებო! – იყვირა დიომჩიხამ – თქვენი კუბო დავდგი, თქვენ დაგიმიწდეთ ეგ თვალები. თქვენ დაგიობლდეთ ცოლ-შვილი» (Быков, 1981, 87). («Ой, ой, звери вы! – крикнула Демчиха, – чтоб вы подошли, чтоб вы света божьего не видали, чтоб овдовели ваши жены и осиротели дети»)

«А-яй! Гадаყე вы! – закричала Дзёмчыха. – Каб вам скруцянець да вечара! Каб вашыя вочы груганы паклявалі! Каб вы дзяцей сваіх не ўбачылі!..» (Быкаў, глава 9)

«მხეცებო, ფაშისტებო! სად მიმათრევთ! ბავშვები უპატრონოდ დამრჩნენ! ჩემო საყვარელო შვილებო! ჩემო ძვირფასებო! გელოჩკა, დედიკო, რა გეშველება, რა გეშველება მარტოს» (Быков, 1981, 94). («Звери, фашисты! Куда вы меня тащите! На кого детей оставляете? Детки мои любимые, дорогие мои! Гелочка, девонька, что с тобой будет без меня»).

«Звяры! Фашысты! Куды вы мяне везаць? Там дзеці! Дзетачкі мае родненькія, залаценькія мае! Гэлечка мая, як жа ты будзеш...». (Быкаў, глава 10)

Удачно переведены на грузинский язык причитания Демчихи, проклятия беспомощной женщины, например: “წყეულებო! ღმერთმა მზის ამოსვლას ნუ მოგასწროთ! დედის ნახვის ღირსი არ გაგხადოთ ღმერთმა, არც ერთი!” (Быков, 1981, 94). («Проклятые! Чтоб бог не дал вам увидеть восхода солнца! Чтобы бог не дал вам увидеть мать свою»).

«Праклятыя вы! Каб вам да нядзелі не дажыць! Каб вы маці сваіх не ўбачылі!» (Быкаў, глава 10)

В конце необходимо отметить, что «Сотников» был переведен на грузинский язык в советское время, когда большое значение придавалось художественным переводам национальной литературы советских республик. В этом деле, как справедливо отмечают Л. Нелюбин и Г. Хухуни, «немалую роль играли соображения пропагандистского характера – демонстрация «дружбы народов» и «расцвета национальных культур в условиях победившего социализма», да и подбор авторов далеко не всегда определялся литературно-эстетическими критериями (Нелюбин, Хухуни, 2006, 323). Это мнение не касается всех переводов. Как убедились грузинские переводчики повести «Сотников», для перевода ими было выбрано высокохудожественное произведение знаменитого мастера слова.

ВЫВОДЫ

Включение творчества инонационального писателя в национальный литературный процесс осуществляется в трех основных аспектах: перевод, критическое истолкование и творческое усвоение. Восприятие творчества В. Быкова в Грузии происходит через художественный перевод.

Самый живой интерес к творчеству В. Быкова в Грузии наблюдался в 70–80-х годах XX века.

Перевод повести В. Быкова занимает значительное место как в восприятии творчества белорусского писателя в Грузии, так и в истории грузино-белорусских литературных отношений.

Грузинский перевод Андрея Вязникова и Зураба Кикнадзе выполнен на высоком художественном уровне. Он реально воссоздает идейно-художественный мир оригинала.

В переводе хорошо переданы и соответствующим образом раскрыты сложные, неоднозначные и многоплановые характеры персонажей, которых автор высокохудожественно рисует в стрессовой и тупиковой ситуации.

В грузинском переводе полностью сохранена структура повести.

Сопоставление перевода с оригиналом показало, что грузинский перевод ряда эпизодов, в частности, диалогов, где встречаются жаргоны, диалектизмы и варваризмы, выглядит более приглаженным. Это и есть основной недостаток перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быкаў, В. *Сотнікаў*, [Электронный ресурс] // Беларуская Палічка: <http://knihi.com>. Режим доступа: http://knihi.com/Vasil_Bykau/Sotnikau.html свободный. – Загл. с экрана.
2. Быков, В.В. 1977. *Альпийская баллада*. Перевод И. Кавжарадзе. ИС: Саундже. № 5–6, Тбилиси. 90–170; 147–191. (на груз. языке.)
3. Быков, В.В. 1981. *Дожить до рассвета*. Перевод А. Вязникова и З. Кикнадзе. Тбилиси: Сабчота Сакартвел (на груз. языке.)
4. Быков, В.В. *Как была написана повесть «Сотников»*, [Электронный ресурс] // Беларуская Палічка: <http://knihi.com>. Режим доступа: http://knihi.com/Vasil_Bykau/Publicistika_ru.html#chapter5 свободный. – Загл. с экрана
5. Быков, В.В. 2004. *Сотников*. Избранное. Анализ текста. Литературная критика. Сочинения. Москва: АСТ. Астрель.
6. Быков, В.В. 1976. *Фруза*. Перевод М. Шавлиашвили. ИС: Саундже. № 4, Тбилиси. 5–24 (на груз. языке.)
7. Гаприндашвили, Н.Н. 1985. *Грузино-белорусские литературные взаимосвязи 60-80-х годов XX-го века*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. На правах рукописи. Тбилиси.
8. Нелюбин, Л.Л., Хухуни, Г.Т. 2006. *Наука о переводе*. Москва: Флинта.

SANTRAUKA

TAM TIKRI V. BYKOVŲ APYSAKOS «SOTNIKOV» VERTIMO Į GRUZINŲ KALBĄ YPATUMAI

Nana Gaprindašvili

V. Bykovo kūriniai, kurie apibūdinami savo emocionalumu, psychologizmu ir aukšta menine kultūra, domina didelę skaitytojų auditoriją, tame tarpe ir Gruzijoje.

Gruzijoje V. Bykovo verstinės kūrybos suvokimas sąlygotas šiuolaikinės gruzinų literatūros vidinėmis reikmėmis, kurioje didėja susidomėjimas moralinėmis, filosofinėmis ir psichologinėmis problemomis. Apysakos «Sotnikov» vertimas praturtino gruzinų literatūra moralinės etinės ir psichologinės problematikos srityje. Apysaka «Sotnikov» užima ypatingą vietą gruzinų baltarusių literatūrinių ryšių istorijoje, kurių pagrindinis aspektas – vertimas.

Vertėjai gerai įveikė savo pagrindinę užduotį – realiai stilistinėmis gruzinų kalbos priemonėmis parodė turiningus kūrinio aspektus ir jo idėjinį emocinį sodrumą.

Stengdamasi kuo arčiau priartėti prie originalo, vertėjai siekė laikytis ne tik forma, bet ir perduoti kūrinio išorinę pusę. Vertime gerai pateikti ir tam tikru būdu atskleisti painūs, mišrūs, daugiaplaniai personažų charakteriai, ypač pagrindinių veikėjų, jų išgyvenimai, ištvermė, abejonės.

Vertėjai gruzinų kalbos pagalba sukūrė panašų į kūrinio originalo grožinį pasaulį, interpretavo panaudotus kūrinio originale meninius metodus.

Gruzinų «Sotnikovo» vertimas atliktas aukštajame meniniame lygyje. Jis realiai atkuria meninį idėjinį originalo pasaulį.

Raktiniai žodžiai: Vasil Bykov, gruzinų kalba, lietuvių ir gruzinų literatūriniai ryšiai.

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГРУЗИНСКОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ВЫБОРА ОРИГИНАЛА

Дареджан Твалтвадзе

Тбилисский государственный университет имени Иванэ Джавахишвили,
Тбилиси, Грузия, 0128, пр. Чавчавадзе 1, darejan.tvaltvadze@tsu.ge

ABSTRACT

From the history of the old Georgian tradition of translation: the principles and methods of the selection of the original

The 11th century can be regarded as the beginning of a special stage of the multi-century history of the Georgian tradition of translation. At that period of time a prominent position became occupied by the representatives of the Hellenophile School of Translation. Among them was outstanding Georgian translator and scientists Ephrem Mtsire, who worked in the monasterial center of the Black Mountain (the region of Antioch). Ephrem Mtsire established new principles and approaches, which considered a precise translation of the original.

According to his conception, the process of translation of a composition started with the acquisition of a “reliable and undoubtful” original. It could not represent even a precise translation. A composition should be translated only from the language of its creation.

During the process of selection, a translator had to obey the interpreters’ literary etiquette, which obliged him/her to consider the existence of any previous Georgian interpretations of a selected composition. Each concrete fact of the creation of the second translation of a book demanded a convincing argumentation in order to avoid the perception of a translator’s wish as the daring or “showing off”.

Retranslation of a translated composition was allowed only in those cases, when the translation had not been made from the language of the creation of the composition or when the original had been adaptively translated by the previous interpreter. The adaptive way of interpretation (shortening or extending) could cause the loss of the deepness and vividness of the original.

The emphasis can be put on today’s actuality of the approach of the translators, who worked at the end of the 11th century and in the beginning of the 12th century. If we generalize Ephrem Mtsire’s famous phrase, in which he demands translating everything from Greek via making precise translations (“Everything from Greek and as everything is in Greek”), we can get the following formulation: “Everything from the original and

everything similarly to the original". The given formulation serves as the basis of the interpreting activities even nowadays. A translation must be done from the language of the creation. Moreover, it must convey thoughts and emotions similarly to the original.

Keywords: *History of the Old Georgian translation, eleventh century, Ephrem Mtsire, the principles of the selection of the original.*

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Перевод, как особая сфера интеллектуальной деятельности человека, имеет многовековую историю и способствует обогащению и формированию любой национальной культуры и литературы, а переводоведение – сравнительно молодая научная дисциплина, которая сформировалась во второй половине XX века. Перевод сыграл важную роль и в развитии грузинской литературы.

Цель данной работы – выяснить, какими принципами и методами руководствовались грузинские переводчики XI века при выборе оригинала в условиях, когда они осваивали византийскую письменность и старались перенять все лучшее и прогрессивное, присущее византийской христианской литературе. С середины XI в. в монастыре на Черной горе зародилась новая переводческая школа, лидером которой был известный грузинский книжник, переводчик и ученый Ефрем Мцире, заложивший основы эллинофилизма в древнегрузинской переводческой традиции. Ефрем Мцире, которому принадлежит перевод более ста памятников византийской литературы, создал эллинофильскую концепцию перевода и утвердил свой главный переводческий принцип, имеющий своей целью достижение формальной эквивалентности, в частности, точную передачу греческого оригинала. Большая часть переводов Ефрема Мцире снабжена критическим аппаратом – пространными предисловиями и послесловиями, многочисленными замечками и комментариями, которые довольно часто содержат сведения о том, какими принципами руководствовались древнегрузинские переводчики при выборе оригинала.

Актуальность представленной работы обусловлена как филологическими, так и социокультурными факторами и определяется уникальностью грузинского материала, которая свидетельствует, что основы грузинского переводоведения были сформулированы уже в X–XI веках и многие переводческие положения и концепции грузинских книжников не утратили свою актуальность по сей день.

Учитывая специфику исследуемой темы, в процессе работы были использованы следующие методы: биографический метод, метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод систематизации и классификации, культурно-исторический метод, оценочно-критический анализ, социально-исторический анализ.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

История грузинской переводческой деятельности, согласно известным на сегодня материалам, начинается с IV–V века, когда впервые были переведены библейские книги, Четы-Минеи Ветхого и Нового Заветов, за которыми вскоре последовало заимствование множества образцов христианской церковной письменности различного жанра.

Особый этап в истории древней грузинской литературы начинается после формирования афонской литературной школы (X–XI вв.), когда перед грузинскими переводчиками встает вопрос о быстром и полноценном освоении византийской письменности. Идея политического и культурного соперничества с греками сделала главной заботой грузинских переводчиков устранение в короткий срок пробела, имеющегося в грузинской письменности по сравнению с византийской.

Известно, что «законодателем» принципов и методов грузинской переводческой школы того периода был Евфимий Афонский (955–1028 гг.). Стиль его перевода, который часто упоминают как «вольный перевод» или «метод прибавления-убавления», известный грузинский ученый Корнелий Кекелидзе характеризует следующим образом: «Он [Евфимий Афонский] всегда учитывал духовные потребности своих соотечественников, уровень подготовки и развития, их «психические» специфические особенности и приводил свои переводы в соответствие с этими требованиями, уровнем и свойствами. Среди его переводов трудно найти хотя бы один такой перевод, в котором оригинал был бы передан в точности так, как он звучит из уст автора. Он либо прибавлял к оригиналу, либо убавлял, либо изменял по-своему то или иное место сочинения и представлял совершенно новую редакцию переводимого сочинения» (Кекелидзе, 1945, 174).

Подобный подход Евфимия был обусловлен культурно-историческими, идеологическими и литературными потребностями эпохи. В X веке, в период начала процесса укрепления и подъема грузинской государственности, письменность и сочинительство также находятся на пути подъема, возникает необходимость и желание быстрого освоения богатой христианской литературы. Деятельность Евфимия Афонского является именно тем этапом в истории грузинской письменности, когда происходит первое знакомство *целомудренного и девственного* грузинского народа с множеством памятников Византийской литературы. *Разбавленные водой* переводы Евфимия, перевод множества сочинений лучших представителей Византийской письменности методом прибавления-убавления подготовили грузинский народ к последующему этапу, то есть *к приему добротной пищи*, когда переводчик мог, не разбавляя и не упрощая, переводить *глубокомысленные и трогательные* греческие книги.

Резко противостоял переводческому стилю Евфимия Афонского известный грузинский мыслитель и переводчик последующего периода Георгий Афонский (1009–1065 гг.), который «принципиально приблизился к греческому оригиналу,

однако для наилучшего восприятия перевода грузинским читателем он также часто прибегал к сокращениям и вставкам» (Хинтибидзе, 1982, 169).

На таких традициях сформировалась грузинская переводческая школа, однако со второй половины XI века с этой точки зрения обстановка резко изменилась. На арену вышли представители эллинофильской переводческой школы, одним из лидеров которой был известный грузинский книжник, переводчик и ученый Ефрем Мцире, виднейший деятель писательского средоточия Черной горы (регион в Антиохии), укоренивший в грузинской переводческой традиции новые подходы и принципы.

Ефрем Мцире считал, что к тому времени (конец XI – начало XII века) грузинский читатель уже был готов к пониманию неадаптированного текста оригинала, поэтому он сформировал новые переводческие принципы, которые подразумевают доскональную точность перевода оригинала. Он указывал: *Перевод должен быть копией оригинала*. Именно поэтому Ефрема, несмотря на его глубокое почтение к предшествующим переводчикам, не удовлетворяли переводы Евфимия и Георгия Афонских, так как они не являлись точной копией греческих оригиналов, а чаще всего – их грузинскими версиями. Из-за этого греки часто упрекали грузинских монахов, служивших в больших монастырских центрах за рубежом, что крайне неприятно было выслушивать, более того в период, когда среди грузин зарождалась идея культурного равенства с греками, идея соперничества с ними.

Ефрем Мцире был одним из тех деятелей, которые задумывались над устранением этого пробела. Он поставил себе целью точно, без изменений, без отклонений и без примесей перевести лучшие образцы византийской письменности и применил для этих целей и задач свою переводческую концепцию, которую вкратце можно изложить следующим образом: 1. Сочинение необходимо переводить непосредственно с оригинала. 2. Перевод крайне точно должен передавать текст оригинала, вместе с тем переводчик не должен ущемлять природу родного языка. 3. Для правильного понимания текста к переводу необходимо прилагать комментарии.

Согласно концепции Ефрема, перевод сочинения необходимо начинать с поиска *достоверного и надежного* первоисточника. А таковым, в первую очередь, может быть только оригинал, и ни в коем случае не перевод на другой язык, пусть даже безупречно выполненный. Сочинение должно быть переведено с того языка, на котором оно было написано. Так как переводческая деятельность Ефрема связана с Византийским миром, для Ефрема принимаемый в качестве оригинала текст всегда греческий. Ефрем прибегает к художественному сравнению, согласно которому, греческий оригинал является матерью, а перевод с греческого оригинала является ее ребенком. Ефрем считает, что если переводчик выполнил перевод не с оригинала, а с какого-нибудь другого перевода, такой перевод по отношению к греческому переводу можно назвать уже внуком. Внук (т.е. перевод с перевода) в меньшей степени достоверен и надежен.

Переводческая концепция переводчиков-эллинофилов лаконично сформулирована Ефремом следующим образом: *Все с греческого и так, как оно есть на греческом*. Здесь одновременно подчеркиваются два главнейших принципа: 1. *Все с греческого* – подразумевает перевод только с греческих оригиналов и 2. *Так, как оно есть на греческом*, обязывает переводчика выполнять точный, адекватный перевод оригинала.

Однако в связи с тем, что в греческом языке существует несколько, очень часто существенно отличающихся друг от друга редакций одного и того же сочинения, вопрос поиска оригинала не исчерпывается поиском лишь одного греческого текста. Необходимо сравнить, сверить греческие рукописи, в ряде случаев опросить ученых, одним словом, исследовать вопрос, который представляет собой работу чисто научного филологического характера. Лишь после выполнения такой предварительной филолого-текстологической работы для выбора оригинала, переводчик может заполучить *«безупречно и безукоризненно грамотный»* оригинал, в котором *«можно доверять каждому слову»* (Jer.43,3). В подтверждение нашего рассуждения приведем текст завещания¹⁶, приложенный автором указанной выше концепции перевода, грузинским книжником XI века Ефремом Мцире к переводу «Аскетикона» великого церковного святителя IV века Василия Кесарийского, из которого хорошо видно, какими принципами и методами руководствовались грузинские переводчики при подборке оригинала.

Ефрем Мцире пишет в завещании, что после того, как он решил начать работу над грузинским переводом этой значительнейшей книги великого церковного святителя Василия Кесарийского, в первую очередь, он раздобыл все рукописи «Аскетикона», которые хранились в двух больших книгохранилищах монастыря Св. Симеона и в результате их скрупулезного изучения заключил, что они отличаются друг от друга. После этого он также изучил рукописи библиотеки Монастыря Твали и для принятия окончательного решения, какую же из греческих рукописей выбрать в качестве оригинала, обратился к грече-

¹⁶ «Будь терпелив и благосклонен и знай, что более двенадцати лет мы ждали «Аскетикону» Св. Василия, переведенному скромным монахом Прокофием, которую из-за тяжелых времен никто не донес до нас, поэтому удрученный этим, по приказу Преподобного отца Антона Тбели, заставил я себя продолжить перевод с греческого, начатый много лет назад. Так как тогда я узнал о переводе Прокофия и был в ожидании, что кто-нибудь доставит его, однако сейчас из страха, что перевод может и не дойти до нас, решил сделать перевод с таким намерением: если когда-либо до нас дойдет перевод Прокофия, то он будет признан как перевод старшего, а данный перевод – младшего. И если будет разница между двумя переводами, не удивляйтесь, так как сами греческие книги переписывают с оригинала по-разному, и в двух книгохранилищах монастыря Преподобного Симеона хранятся рукописи «Аскетикона», отличающиеся друг от друга. Поэтому я при переводе употреблял и текст, который хранится в монастыре Твали, и с помощью греческих книжников и духовников я осмелился сделать полный и правильный перевод». Завещание сохранилось в рукописях» (Жордания, 1892, 220; Твалтвадзе, 2009, 287).

ским ученым мужам и получил совет от церковных лиц достаточно высокого ранга. Только после этого он остановил свой выбор на той рукописи Василия Кесарийского, которую рекомендовали греческие церковные служители, как самую полную и совершенную.

В этом же завещании Ефрем Мцире затрагивает еще один вопрос, дающий нам представление о тех принципах, которыми руководствовались грузинские переводчики, когда выбирали сочинение для перевода. Как выясняется, в большинстве случаев для того, чтобы переводчик смог перевести сочинение на грузинский язык, было недостаточно только работы, проделанной для подборки греческого оригинала. Он также должен был исследовать, не переведено ли оно уже на грузинский язык. Выяснение этого было необходимо, *«дабы не упрекнули переводчика, что он книгу сию перевел второй раз»* (Jer.16,1). Видимо, это было связано со своего рода неловкостью: *«Если кто однажды перевел уже книгу, ее второй перевод будет противостоятъ ему»* (Шатбердский сборник, 1979, 365) – таким был литературный этикет тогдашних переводчиков (Хинтибидзе, 1982, 16–25). Поэтому каждый конкретный факт повторного перевода какой-нибудь книги требовал убедительного обоснования, чтобы это не признали дерзостью и желанием *показать себя в лучшем свете*. Ефрем прервал перевод «Аскетикона» Василия Великого, когда узнал, что существует перевод этой книги, выполненный Монахом Прокофием, и только через 12 лет продолжил этот процесс, и то по убедительной просьбе окружающих (Жордания, 1897, 39–40; Хинтибидзе, 1968).¹⁷

За повторный перевод уже переведенного сочинения переводчик может взяться только в том случае, если: а) перевод выполнен не с того языка, на котором было создано сочинение¹⁸ либо б) оригинал грузинским переводчиком сокращен или дополнен, вследствие чего перевод не обладает той глубиной и очевидностью, которыми обладал первоисточник.

Ефрем, хотя ему известно, что *самооправдание чуждо монашеским правилам*, все же оправдывал себя перед теми, кто *лукавством и желанием отличиться* признавал проводимую им своего рода ревизию переводов великих переводчиков. Главнее всего для него было приближение перевода к оригиналу, его точность, во избежание того, чтобы греки не смогли бы обвинить в изуродовании христианской литературы, что могло стать основанием для объявления грузин еретиками. Именно поэтому осмелился Ефрем Мцире повторно пере-

¹⁷ То, что Ефрем категорически избегал перевода уже переведенного текста, видно из его замечаний в «Переводах Псалмов», касающихся перевода Афанасием Александрийским толкования 67-ого псалма: «Так как Св. Афанасию данный псалом изначально был переведен Блаженным отцом Давидом Тбели, то не было необходимости переводить его вслед за ним» (Q37, 282 v).

¹⁸ Так поступил Ефрем при повторном переводе одного сочинения Григория Назианского («Эвномииисцам...»), так как, по его словам, «Сыну армянина, внуку грека, приблизительно и сомнительному, предпочел несомнительного и собственного сына» (А 292, 312).

вести памятники литературы, уже переведенные его учителями Евфимием и Георгием Афонскими, великими переводчиками, которых он сам же назвал *источником и основоположниками перевода*. Он пытается убедить читателя в том, что повторный перевод не всегда подразумевает, что новый перевод *будет противостоять первому*.

Как мы уже отмечали, грузинские переводчики-эллинофилы уделяли большое внимание подборке оригинала и тратили на это достаточно много времени. Об этом свидетельствуют сведения, приведенные в завещании переводчика, прилагаемые к переводу Ефрема одного из важнейших сочинений экзегетического жанра – Толкования посланий Апостола Павла, из которых хорошо видно, как работали древнегрузинские переводчики над подборкой переводимого текста и как основательно изучали вопрос. Ефрем, как строгий филолог, провел глубокую и основательную предварительную работу, прежде чем приступить к переводу данного памятника. Он предварительно исследовал греческие рукописи комментариев к посланиям Павла и пришел к выводу, что существовало три редакции данных комментариев: а) подробная – экзегетическое сочинение, написанное Иоанном Златоустом в IV веке, упоминаемое как «Толкование посланий Павла», б) сборник катенов, составленный с опорой на него Александрийским епископом Кириллом в V веке («Послания Павла с комментариями») и в) дополненная поздними комментаторами (V–X вв.) – сборник, который Ефрем выбрал для перевода и греческие оригиналы которого без промедления предоставил бывший греческий настоятель Лавры Святого Симеона Кликий, «человек мудрый и большой нам помощник» (Ath. 18, 238).

В предисловии переводчика к сборнику Гомилий Григория Богослова, переведенных Ефремом Мцире, в котором переводчик наряду с множеством вопросов касательно перевода сочинений рассуждает о греческом тексте, выбранном в качестве оригинала, Ефрем пишет, что в качестве оригинала он использовал «*безошибочно и кропотливо грамотный*» греческий текст Василия Грамматика – греческого книжника X века, за что он выражает ему благодарность в своем письме (Jer. 43, 3r). Множество замечаний переводчика к данному переводу свидетельствуют о том, что Ефрем также проделал огромную работу, чтобы подобно труду Василия Грамматика его переводы также получились *безошибочно и кропотливо грамотными*. Как видно, при переводе Ефрем сравнивал также и греческие списки и, если замечал между ними разницу в редакциях, предупреждал грузинского читателя: «В другом греческом оригинале» написано было по-другому.

ВЫВОДЫ

Подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что существующий к концу XI – началу XII века подход и отношение тогдашних грузинских переводчиков к вопросу подборки оригинала по сей день остается актуальным,

и сформулированная Ефремом Мцире концепция перевода по сей день не потеряла своей значимости. Если обобщить известную фразу Ефрема Мцире, согласно которой он требует все переводить с греческого и в то же время соблюдать точность перевода (*«все с греческого и так, как оно есть на греческом»*), получим следующую формулировку: «Все с оригинала и все так, как в оригинале», что по сей день является краеугольным камнем переводческой деятельности: перевод необходимо делать с того языка, на котором был написан оригинал, и должен быть выполнен так, чтобы он передавал тот же смысл и эмоции, что в оригинале.

ЛИТЕРАТУРА

1. А 292. Iš: *Рукопись № 292 коллекции рукописей Национального центра рукописей фонда А.* (Сборник переводов Ефрема Мцире Гомилий Григория Богослова).
2. Ath. 18. Iš: *Рукопись № 18 коллекции грузинских рукописей на Св. Горе Афон* (Толкование послания апостола Павла, перевод Ефрема Мцире).
3. Jer. 16. Iš: *Рукопись № 16 коллекции грузинских рукописей библиотеки Греческой Патриархии Иерусалима* (Толкования Деяния Апостолов, перевод Ефрема Мцире).
4. Jer. 43. Iš: *Рукопись № 43 коллекции грузинских рукописей библиотеки Греческой Патриархии Иерусалима* (Сборник переводов Ефрема Мцире Гомилий Григория Богослова).
5. Q 37. Iš: *Рукопись № 37 коллекции рукописей Национального центра рукописей фонда Q*, (Толкования Псалмов, перевод Ефрема Мцире).
6. Жордания, Т.Д. 2004. *Хроники и другие материалы из истории и письменности Грузии, собранные, хронологически разложенные и истолкованные*. Книга I, Тбилиси, 1897, второе издание (на груз. языке).
7. Кекелидзе, К.С. 1945. *Этюды из истории древней грузинской литературы, т. II*. Тбилиси: 195–218 (на груз. языке).
8. Твалтвадзе, Д. Ш. 2009. *Колофоны Ефрема Мцире*. Тбилиси (на груз. языке).
9. Хинтибидзе, Э. Г. 1968. *Грузинские переводы «Аскетикона» Василия Кесарийского*. Тбилиси (на груз. языке).
10. Хинтибидзе, Э. Г. 1982. *К истории грузинско-византийских литературных отношений*. Тбилиси (на груз. языке).
11. *Шатбердский сборник X-ого века*. 1979. К изданию подготовили Б. Гигинеишвили и Э. Гиунашвили. Тбилиси (на груз. языке).

SANTRAUKA

APIE SENOVĖS GRUZINŲ VERTIMO TRADICIJŲ ISTORIJĄ: ORIGINALO PASIRINKIMO PRINCIPAI IR METODAI.

Darejan Tvaltadze

Senovės gruzinų literatūroje žymiausias verėjas buvo Efrem Mcirė. Jis įdegė gruzinų vertimo tradicijose naujus požiūrius ir principus, kurie numato labai tikslų originalo vertimą. Pagal jo koncepciją, kūrinio vertimą reikia pradėti nuo patikimo pirminio šaltinio paieškų. Literatūrinis tuometinių vertėjų etikėtas įpareigojo vertėją ištirti, ar nebuvo jau išverstas į gruzinų kalbą pasirinktas kūrinis. Pakartotinis vertimas turėjo būti įtikinamai pagrįstas. Pakartotinis vertimas galimas tik tuo atveju, jeigu vertimas buvo atliktas ne iš originalo kalbos, arba originalas buvo sutrumpintas ir papildytas pirminiu vertėju, dėl ko vertimas galėjo prarasti savo unikalumą. Šis požiūris į vertimą yra aktualus ir šiandien. Jeigu apibendrinti E. Mcirės posakį, kur jis reikalauja versti labai tiksliai, gausime tokią formuluotę: „Viskas iš originalo, ir viskas taip, kaip originale“. Ši formuluotė ir šiandien yra kertinis akmuo vertime.

Raktiniai žodžiai: senovės gruzinų kalba, vienuoliktas amžius, Efrem Mcirė, originalo pasirinkimo principai.

ПРЕПОДАВАНИЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Швец Анна

Институт филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, 01030, Украина, Киев, бульв. Т. Шевченко, 14, hannah@meta.ua

ABSTRACT

Teaching Ukrainian as a Foreign Language: Trends, Issues, Prospects

The article analyzes the current state of methodology of teaching Ukrainian as a foreign language. It describes the existing system of teaching Ukrainian language in foreign universities. It is noted that abroad books and manuals for representatives of a particular nationalities are published, and in Ukraine different direction of methodological researches is developing – it is foundation and creation of universal learning materials are not designed for a user of specific language or language group.

The paper presents an overview of basic researches on teaching Ukrainian as a foreign language and identifies the main directions of modern scientific studies in this field. The author emphasizes the role of international scientific-practical conference on the theory and practice of teaching the Ukrainian language in a foreign audience. The article notes the emergence of numerous textbooks on the Ukrainian language as a foreign, which form a system of many-sided educational materials. These are manuals on Ukrainian for students of different level of language proficiency, books for the development of speech skills, guides to grammar, books, aimed at improving the professional skills of speech of foreign students of different specialties, tutorials for foreign students-philologists, books to read, and so on.

The author defines some problems that should be solved for the effective development of teaching Ukrainian in a foreign audience. In a situation of the Ukrainian-Russian bilingualism it seems necessary to create a favorable linguo-socio-cultural environment for the foreigners which get higher education on the Ukrainian language. The article also emphasized the importance of the work to create a system of testing and certification of Ukrainian as a foreign language.

Keywords: *methodology of teaching Ukrainian as a foreign language, linguodidactics, the system of certification of the Ukrainian language as a foreign language.*

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

На современном этапе методика преподавания украинского языка как иностранного активно развивается как за рубежом, так и в Украине. Возникло это направление достаточно давно: так, в Национальном институте восточ-

ных языков во Франции преподавание украинского языка как иностранного осуществлялось с 1938 г. (Шевченко, 2011, 33), в Варшавском университете – с 1953 г. (Романюк, 2012, 5); первый учебник, предназначенный для носителей английского языка, желающих изучать украинский, вышел в свет в Канаде еще в 1946 г. (Нопоре, 1946), а с 1963 г. в Украине публикуется ряд учебных изданий, ориентированных на англоязычных. Однако необходимо признать, что методика преподавания украинского языка как иностранного, возникнув за рубежом в 40-х гг. XX в., развивалась спорадически и только лишь после провозглашения независимости Украины получила мощный стимул к эффективным изменениям и развитию. Со времени первой Международной научной конференции, посвященной осмыслению направлений развития молодой ветви лингвометодических исследований – преподавания украинского языка как иностранного, – прошло более двадцати лет. И если тогда участники конференции акцентировали внимание на недостаточном методическом обеспечении практического курса украинского языка как иностранного, отсутствии серьезных работ в данной отрасли (Українська мова як іноземна: проблеми методики викладання, 1994), то сегодня можно говорить о формировании и становлении методики преподавания украинского языка в иностранной аудитории как целостной системы научных исследований. Назрела необходимость осмыслить пройденный путь, проанализировать достижения в создании учебных материалов по украинскому языку как иностранному, охарактеризовать направления научных изысканий в этой отрасли – этим и определяется актуальность нашего исследования.

Цель статьи – комплексный анализ современного состояния методики преподавания украинского языка как иностранного. Предполагается решить следующие задачи: охарактеризовать сложившуюся на сегодня систему подготовки украинистов в зарубежных высших учебных заведениях; выделить основные проблемы обучения украинскому языку иностранных граждан, получающих высшее образование в Украине, и главные направления лингвометодических исследований в этой отрасли; систематизировать учебно-методические издания по украинскому языку как иностранному.

Попытки подытожить развитие методики преподавания украинского языка как иностранного на современном этапе наблюдаем в ряде публикаций. Преимущественно это работы ученых и методистов, которые работают за границей и стремятся поделиться с украинскими коллегами собственным опытом, наработками, материалами. Так, анализу состояния болгарской украинистики посвящены работы И. Огиенко, греческой – Л. Глущенко, немецкой – К. Бруннер, В. Маковской, польской – О. Барановской, М. Кавецкой, А. Мурас, I. Процик, С. Романюк, А. Хранюк, Г. Чуби, русской – Г. Лесной, Л. Мельник, В. Муцинской, О. Остапчук, хорватской – М. Поповича, А. Дуганджич, Д. Павлешен, чешской – В. Ленделовой, словацкой – М. Чижмаровой; венгерской – Е. Барань, французской – Н. Шевченко, шведской – И. Намакштанской и др. Обзор

учебников для иностранцев и анализ развития методики преподавания украинского языка как неродного представлен также в публикациях украинских языковедов И. Кочан (Кочан, 2012), О. Туркевич (Туркевич, 2010). Материалом настоящего исследования послужили научные статьи названных и других авторов по интересующей нас теме (они преимущественно представлены в сборниках научных трудов участников ежегодных международных конференций «Теория и практика преподавания украинского языка как иностранного», Львов, 2006–2015 гг.), результаты диссертационных исследований украинских языковедов и педагогов, касающихся очерченного круга проблем, учебники и учебные пособия по украинскому языку как иностранному. Выводы, представленные в статье, получены в результате использования теоретических методов (аналитически-описательного, сопоставления, обобщения).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

После обретения Украиной независимости возрос общий интерес к украинскому языку (как констатирует М. Кавецкая, «восстановление украинского языка как общенационального в самой Украине способствовало повышению его статуса за рубежом» (Кавецька, 2008, 49)), что обусловило необходимость введения соответствующей дисциплины в учебные планы многих высших учебных заведений мира. Сегодня можем говорить о становлении системы преподавания украинского языка как иностранного в высшей школе за рубежом в таких основных направлениях:

1) украинский как язык специальности (так, например, дипломы бакалавра, магистра и доктора по украинскому языку имеют возможность получить студенты Национального института восточных языков во Франции (Шевченко, 2011); в Санкт-Петербургском государственном университете открыта магистратура по направлению «Украинский язык» и отделение бакалавриата «Украинский язык и литература. Немецкий язык», «Украинский язык и литература. Английский язык» (Мушинська, 2012, 156–157), в Софийском университете имени Климента Охридского на факультете славянской филологии происходит набор на специальность «Украинская филология» (Огієнко, 2011) и др.);

2) украинский как второй иностранный язык в рамках традиционной славистики (в Славянском и Гуманитарном университетах Бишкека (Киргизия), Санкт-Петербургском и Московском государственных университетах (Россия), многих университетах Польши и других славянских стран);

3) украинский язык как составляющая системы подготовки специалистов по украиноведению (в Ягеллонском и Силезском университетах, Государственной высшей профессиональной школе (Польша) (Чуба, 2012) и др.);

4) украинский язык в системе подготовки специалистов-международников, например, в Московском государственном институте международных отношений (Лесная, 2003; Лесная, 2012);

5) украинский как третий иностранный (в Берлинском университете имени Гумбольдта (Германия) (Бруннер, 2009), Афинском университете (Греция) и т. д.).

6) украинский как предмет самостоятельного выбора студента; так, Школа восточных языков Варшавского университета ежегодно организует обучение 28 языкам (среди которых и украинский) и проводит сертификационный экзамен (Романюк, 2010, 29–30).

Одной из основных проблем, остро стоявшей перед зарубежными преподавателями украинского как иностранного после возрастания интереса к его изучению (в 90-х годах XX в.), был дефицит соответствующих учебных материалов. Как отмечает Е. Барань, анализируя проблемы венгерской украинистики указанного периода, «наибольшие трудности ... были вызваны тем фактом, что преподавание украинского языка как иностранного в Украине и за ее пределами не имело глубоких традиций, практически полностью отсутствовали учебно-методические материалы» (Барань, 2011, 30). Поэтому результатом плодотворной работы кафедр названных и многих других учебных заведений за рубежом стал ряд учебников и пособий по украинскому языку для носителей определенных языков: английского, болгарского, венгерского, корейского, немецкого, польского, русского, словацкого, французского, чешского, шведского, японского и др.

Итак, можем констатировать, что методика преподавания украинского языка как иностранного плодотворно развивается во многих странах, о чем свидетельствует формирование разветвленной системы подготовки украинистов и активное создание национально ориентированных учебных материалов по украинскому языку как иностранному.

Если за рубежом издаются учебники и пособия для носителей конкретного языка, то на территории Украины развивается преимущественно другое направление лингводидактических и методических исследований – обоснование и создание универсальных учебных материалов, не рассчитанных на пользователя определенного языка или языковой группы. Поскольку с 1991 г. в Украине возросло количество высших учебных заведений, в которых преподавание осуществляется на государственном языке, возникла необходимость в соответствующем учебно-методическом обеспечении, что активизировало научные и методические изыскания в данной отрасли.

Первым серьезным научным исследованием в области методики преподавания украинского языка как иностранного стала докторская диссертация Л. Паламар. В этой работе выделены три ветви методики преподавания украинского языка: как родного, как родственного и как иностранного. Констатируя появление с возрождением независимой Украины нового лингводидактического направления (методика преподавания украинского языка как иностранного), автор отмечает, что его научно-теоретические основы базируются на достижениях лингвометодической мировой науки и новейших

разработках современных украинских лингвистов, педагогов, психологов, а также опыте преподавания языков в средней и высшей школе (Паламар, 1997, 140). По мнению Л. Паламар, содержание методики преподавания украинского языка как иностранного должно охватывать следующие направления: описание украинского языка для иностранцев с учетом особенностей украинского языка и языка студентов; коммуникативные минимумы для различных контингентов, изучающих язык; лингвострановедческий и краеведческий минимумы, необходимые для общения в коммуникативных ситуациях бытового и социально-культурного характера; изучение современных методов обучения (интенсивных, коммуникативных, аудиовизуальных и т. д.) (Паламар, 1997, 141). Автор исследования определяет главной целью обучения украинскому языку иностранных студентов их подготовку к общению в бытовой, профессиональной, социально-политической и культурной сферах и обеспечение условий для полного овладения профессиональными дисциплинами на украинском языке. Основное внимание в диссертационной работе уделено анализу особенностей обучения украинскому языку на подготовительном факультете: проанализированы содержание и принципы обучения, средства, методы, система упражнений и т. п. (Паламар, 1997, 150–185).

В 1995 г. выходят в свет «Учебные минимумы по украинскому и русскому языкам для иностранцев». Авторы – Н. Зайченко и С. Воробьева – предложили языковой (фонетический и грамматический), коммуникативно-понятийный и лексико-тематический минимумы, которые составляют содержательную базу для разработки конкретных программ обучения иностранцев языку, а также для написания учебников и учебных пособий (Навчальні мінімуми з української і російської мов для іноземців, 1995). «Учебные минимумы» стали фундаментом для создания учебно-методического обеспечения преподавания украинского языка как иностранного: появляются соответствующие учебные программы и методические материалы.

Со второй половины 2000-х годов наблюдаем повышение научного интереса исследователей к определению методических основ обучения украинскому языку как иностранному; проблемам преподавания фонетики, лексики, грамматики украинского языка как иностранного; учета национально-культурной специфики языковых единиц в процессе изучения украинского языка инокоммуникантами и многим другим вопросам. Очевидной стала необходимость коллективного обсуждения разноаспектных проблем преподавания украинского языка как иностранного – с такой целью в 2005 г. на базе кафедры украинского прикладного языкознания Львовского национального университета имени Ивана Франко был проведен Первый международный научно-методический семинар «Теория и практика преподавания украинского языка как иностранного». С 2006 г. во Львовском университете регулярно проводятся международные научно-практические конференции по вопросам теоретических основ, форм, методов и средств обучения украинскому языку

как иностранному; выходит сборник научных трудов «Теория и практика преподавания украинского языка как иностранного». Одиннадцать выпусков этого издания (2006–2015 гг.) свидетельствуют об активном научном поиске украинских лингводидактов в следующих направлениях: организация и методическое обеспечение процесса обучения; преподавание фонетики, лексики и грамматики украинского языка; обучение видам речевой деятельности; роль текста в обучении иностранному языку; лингвострановедческий аспект в курсе украинского языка как иностранного; интерактивные методы и новые технологии преподавания; проблемы сертификации украинского языка как иностранного по европейским стандартам; обоснование лингводидактических основ создания учебников и пособий для инокоммуникантов разного уровня владения языком и различных специальностей и др.

С 2011 г. действует еще одна международная дискуссионная площадка для обсуждения проблем функционирования украинского языка, в том числе и методики преподавания украинского языка как иностранного – конференция «Украинский язык в мире», организатором которой выступает Международный институт образования, культуры и связей с диаспорой Национального университета «Львовская политехника». Осенью 2014 г. состоялась уже третья такая конференция, посвященная проблемам внедрения инновационных технологий в практику преподавания украинского языка как иностранного (Українська мова у світі, 2014).

О качественном изменении парадигмы научных поисков в области методики преподавания украинского языка как иностранного свидетельствует появление в последнее десятилетие фундаментальных трудов по обозначенной проблематике – имеем в виду диссертационные педагогические и лингвистические исследования отдельных проблем указанной области знаний. Так, Н. Василенко изучила процесс формирования орфоэпических умений и навыков по украинскому языку у арабоязычных студентов и условия, способствующие его эффективной организации, разработала и научно обосновала методику формирования орфоэпических умений у студентов-иностранцев (Василенко, 2008). Диссертационная работа О. Туркевич посвящена анализу терминологии методики преподавания украинского языка как иностранного (Туркевич, 2012). В исследовании выделены этапы формирования терминосистемы новой области знаний; изучена тематическая классификация, способы создания терминов методики преподавания украинского языка как иностранного, их парадигматические отношения; предложены приемы нормирования этой терминосистемы. Результатом исследования Г. Иванишина стало теоретическое обоснование и экспериментальная проверка методики обучения профессионально ориентированной диалогической речи иностранных студентов медицинских специальностей в процессе изучения украинского языка (Иванишин, 2013). В этой работе актуализированы два ведущих направления в методике преподавания украинского языка как иностранного

в высших учебных заведениях на современном этапе – коммуникативный и профессионально ориентированный.

Активизация научных поисков в исследуемой области и критическое осмысление практического опыта преподавания украинского языка иностранным студентам стимулировали появление многочисленных учебно-методических работ. Учебные издания по украинскому языку как иностранному предыдущего десятилетия были адресованы преимущественно студентам начальных уровней владения языком. Это учебники по практическому курсу украинского языка для студентов подготовительного факультета и пособия, направленные на обеспечение эффективного овладения инокоммуникантами базовой терминологией профильных дисциплин и основами научного стиля речи. Современные учебники и пособия по украинскому языку как иностранному формируют систему разноаспектных учебных материалов: 1) пособия по практическому курсу украинского языка для студентов разных уровней владения языком; 2) пособия по развитию навыков устной речи; 3) учебные материалы по грамматике украинского языка как иностранного; 4) пособия по развитию профессиональной речи иностранных студентов разных специальностей; 5) пособия для иностранных студентов-филологов (созданные преимущественно преподавателями кафедры украинского и русского языков как иностранных Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко: на базе этой кафедры организовано обучение иностранцев – будущих украинских филологов – по специально созданной программе); 6) издания страноведческого характера; 7) учебные пособия с текстами публицистического стиля речи; 8) учебные издания с художественными текстами.

Молодая отрасль украинской лингводидактики сталкивается в процессе своего становления с рядом проблем. Одна из них – определяющая успешность формирования системы обучения иностранцев украинскому языку в высших учебных заведениях всей Украины – имеет социолингвистический характер. Учитывая господствующую ситуацию массового украинско-русского билингвизма в Украине, которая является следствием длительного процесса культурно-языковой ассимиляции украинского этноса в составе Советского Союза (Масенко, 2010, 103), и противоречивую государственную языковую политику, проблема языка обучения для иностранных студентов на данном этапе не может быть решена однозначно в пользу украинского: согласно приказу Министерства образования и науки Украины от 21.04.2010 г. языком обучения для иностранных граждан может выступать украинский, английский, русский или другой иностранный язык. При таком подходе во многих вузах Украины обучение иностранцев проводится на русском языке, что определяют следующие факторы: доминирование русского языка на востоке и юге Украины, мощностъ методической школы преподавания русского языка как иностранного, численность когорты преподавателей русского языка как иностранного (преимущественно старшего поколения, поскольку подготовка таких

специалистов в Украине осуществлялась в советское время) и определенная их консервативность и предвзятость в вопросе организации образования для иностранных студентов на украинском языке, коммерциализация деятельности высших учебных заведений – предложение предоставления образования на русском языке привлекает большее количество студентов (преимущественно из стран бывшего Советского Союза). В то же время большая часть иностранцев изучает украинский: 1) как средство овладения дисциплинами избранной специальности, 2) как язык социокультурного окружения (на западе и в центре Украины, в случае организации обучения на английском языке), 3) в рамках ознакомительного курса (в центре, на востоке и юге Украины, в случае обучения на русском языке).

Обозначенная выше регионализация языкового обучения иностранных граждан стала основополагающим принципом Концепции языкового образования иностранцев в вузах Украины, которая была предложена на рассмотрение научной общественности в 2011–2013 гг. Авторы документа декларируют свободный выбор языка обучения для иностранных студентов как «краеугольный камень демократизации и гуманизации языкового образования» (Ушакова, Дубічинський, Тростинська, 2011, 137–138). При этом введен термин «язык социокультурного окружения» (украинский / русский), который обязательно преподают иностранцам, обучающимся на английском или другом иностранном языке, в то же время о необходимости изучения этим контингентом государственного языка речь не идет. Вполне понятно, что это положение вызвало многочисленные дискуссии. Правильным, на наш взгляд, является мнение Д. Мазурик, которая утверждает, что «провозглашенный свободный выбор языка обучения для иностранных студентов ограничивает их право на свободный выбор учебного заведения» (Мазурик, 2014, 5). По убеждению исследователя, необходимо создание единого языкового пространства для обеспечения мобильности иностранных студентов и преподавателей, углубление сотрудничества между университетами на межрегиональном уровне.

Другое предложение, возникшее при обсуждении Концепции (параллельное обучение уже на начальном этапе двум иностранным языкам: украинскому и русскому), лишь подчеркивает тот досадный факт, что иностранные студенты, к сожалению, становятся заложниками искусственно созданной языковой ситуации в Украине: непростая задача, стоящая перед ними – овладеть иностранным языком и дисциплинами на этом языке, – осложняется необходимостью изучать еще один иностранный язык, близкородственный с первым, что провоцирует, особенно на начальном этапе, многочисленные ошибки, вызванные интерференцией, а следовательно, замедляет и снижает эффективность изучения основного иностранного языка.

Надеемся, современные законодательные изменения станут началом прогрессивных преобразований в развитии украинского языка как государственного и как языка высшего образования для иностранцев. Мы убеждены

в одном: перспективы развития украинского языка как основного языка предоставления образовательных услуг иностранцам и, следовательно, интенсивность развития методики преподавания украинского языка как иностранного, во многом зависят от государственной языковой политики, направленной на повышение авторитета украинского языка, прежде всего, среди своих граждан. Когда использование украинского языка будет комфортным и престижным для самих украинцев различных регионов, сможем говорить о благоприятной лингвосоциокультурной среде для получения иностранцами образования на украинском языке.

Другая серьезная проблема, стоящая перед украинскими лингводидактами, – это создание системы сертификации украинского языка как иностранного, что, безусловно, способствовало бы повышению интереса иностранцев к его изучению. Разработанные коллективом кафедры украинского и русского языков как иностранных (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко) стандарты и программы (Державний стандарт з української мови як іноземної. Рівні А1-С1, 2012; Програми з української мови як іноземної. Рівні А1-С1, 2013) прошли обсуждение, рецензирование и были утверждены коллегией Министерства образования и науки Украины 29.05.2014 г. Продолжается работа над созданием тренировочных и сертификационных тестов, необходимых учебных пособий, дидактических материалов.

Еще одно важное направление научно-методической работы в данной отрасли – усовершенствование системы подготовки педагогических кадров, компетентных в преподавании украинского языка иностранцам. Целостная модель подготовки таких специалистов, которая сформировалась в Институте филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, представлена в сборнике программ и методических материалов (Навчальні програми та методичні рекомендації до дисциплін спеціалізації «Українська мова як іноземна», 2015). Эта система направлена на формирование специалистов, способных эффективно организовывать процесс обучения украинскому языку в аудитории инокоммуникантов и проводить исследования лингвистических и методических проблем этой отрасли украинской лингводидактики.

ВЫВОДЫ

Система обучения украинскому языку иностранцев сегодня развивается как за рубежом (где актуальна преимущественно национально ориентированная методика – преподавание носителям конкретного языка), так и в Украине (здесь образовательные реалии обуславливают разработку универсальной методики, направленной на пользователя любого языка). Со времени провозглашения независимости Украины (мощнейшего стимула в становлении методики преподавания украинского языка как иностранного) украинская школа лингводидактики значительно окрепла, о чем свидетельствуют плодотворные научные

исследования и методические наработки в следующих основных направлениях: создание многочисленных учебных пособий разных типов по украинскому языку для иностранцев; формирование системы подготовки квалифицированных педагогических кадров по специализации «Украинский язык как иностранный» в рамках специальности «Украинский язык и литература»; многочисленные научные исследования различных лингводидактических проблем и появление фундаментальных научных трудов, посвященных определенным аспектам методики преподавания украинского языка как иностранного; проведение научно-практических конференций различного уровня соответствующей тематики. Для дальнейшего эффективного развития этой области научного знания и педагогической деятельности важно решение ряда проблем как социолингвистического характера (формирование благоприятной лингвосоциокультурной среды для получения иностранцами образования на украинском языке), так и лингводидактического и собственно методического (создание системы сертификации украинского языка как иностранного, усовершенствование тестового материала, создание учебных материалов нового поколения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Honore, E. 1946. *Ukrainian self-educator for the beginners (Ukrainian grammar simplified)*. Winnipeg; Manitoba: Can. Ukrainian Cultural and Educational Centre.
2. Барань, Є. 2011. Підготовка студентів-україністів у Ніредьгазькій вищій школі: історія створення кафедри, сучасний стан і перспективи розвитку. Із: *Теорія і практика викладання української мови як іноземної*. Вип. 6. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка: 27–32.
3. Бруннер, К. 2009. Викладання української мови як іноземної в Німеччині: досвід, роздуми й ідеї після одного семестру в Берліні. Із: *Теорія і практика викладання української мови як іноземної*. Вип. 4. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка: 18–25.
4. Василенко, Н. В. 2008. *Формування орфоепічних умінь і навичок з української мови в арабськомовних студентів*. Автореф. дис... канд. пед. наук. Київ.
5. *Державний стандарт з української мови як іноземної*. Рівні А1-С1. 2012. Авт. кол.: Н. С. Ніколаєва, Н. О. Бондарева, А. А. Дем'янюк та ін. Київ: Інститут філології КНУ імені Тараса Шевченка.
6. Зайченко, Н. Ф., Воробйова, С. А. 1995. *Навчальні мінімуми з української і російської мов для іноземців*. Київ: ІСДО.
7. Іванишин, Г. Я. 2013. *Навчання професійно зорієнтованого діалогічного мовлення іноземних студентів медичних спеціальностей у процесі вивчення української мови*. Автореф. дис.... канд. пед. наук. Херсон.
8. Кавецька, М. 2008. Специфіка викладання української мови в Польщі Із: *Теорія і практика викладання української мови як іноземної*. Вип. 3. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка: 48–52.

9. Кочан, І. 2012. Становлення і розвиток методики викладання української мови як іноземної. Із: *Теорія і практика викладання української мови як іноземної*. Вип. 7. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка: 17–23.
10. Лесная, Г. 2012. Аспект «мова професії» у викладанні української мови як іноземної. Із: *Українська мова у світі*. Збірник матеріалів II Міжнародної науково-практичної конференції, 8-9 листопада 2012 р. Львів: Видавництво Львівської політехніки: 111–116.
11. Лесная, Г. 2003. Українська мова як іноземна в Росії: до проблеми концепції викладання. Із: *Мовознавство*. Матеріали V конгресу Міжнародної асоціації українців. Чернівці: Рута: 130–134.
12. Мазурик, Д. 2014. Про Концепцію мовної освіти іноземців у вищих навчальних закладах України. Із: *Теорія і практика викладання української мови як іноземної*. Вип. 10. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка: 3–7.
13. Масенко, Л. 2010. *Нариси з соціолінгвістики*. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія».
14. Мушинська, В. 2012. Україністика на філологічному факультеті СпбДУ. Із: *Українська мова у світі*. Збірник матеріалів II Міжнародної науково-практичної конференції, 8–9 листопада 2012 р. Львів: Видавництво Львівської політехніки: 154–161.
15. *Навчальні програми та методичні рекомендації до дисциплін спеціалізації «Українська мова як іноземна»*. 2015. Авт. кол: В.І. Невоїт, Г.Д. Швець, М.В. Шевченко та ін. Київ: Четверта хвиля.
16. Огієнко, І. 2011. Україністика в Софійському університеті. Із: *Теорія і практика викладання української мови як іноземної*. Вип. 6. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка: 21–26.
17. Паламар, Л. М. 1997. *Лінгводидактичні основи формування україномовної особистості*. Київ: НПП «Київський університет».
18. *Програми з української мови як іноземної. Рівні А1-С1*. 2013. Авт. кол: Н. С. Ніколаєва, Н. О. Бондарева, А. А. Дем'янюк та ін. Київ: ВПЦ «Київський університет».
19. Романюк, С. 2012. Варшавська україністика: камо грядеш? Із: *Теорія і практика викладання української мови як іноземної*. Вип. 7. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка: 3–10.
20. Романюк, С. 2010. Вивчення іноземної мови у Польщі: погляд у майбутнє. Із: *Теорія і практика викладання української мови як іноземної*. Вип. 5. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка: 29–34.
21. Туркевич, О.В. 2012. Еволюція термінологіки методики викладання української мови як іноземної. Автореф. дис ... канд. філол. наук. Львів.
22. Туркевич, О. 2010. Становлення термінологіки методики викладання української мови як іноземної (на матеріалі діаспорних навчальних посібників). Із: *Теорія і практика викладання української мови як іноземної*. Вип. 5. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка: 175–179.

23. *Українська мова у світі*. 2014. 36. матеріалів III Міжнародної науково-практичної конференції, 6–7 листопада 2014. Львів: Вид-во НУ «Львівська політехніка».
24. *Українська мова як іноземна: проблеми методики викладання*. 1994. 36. матеріалів Міжнародної наук. конф. (Ялта, вересень 1993 р.). Львів: Каменяр.
25. Ушакова, Н. І., Дубічинський, В. В., Тростинська, О. М. 2011. Концепція мовної підготовки іноземців у ВНЗ України. Із: *Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти на сучасному етапі. Міжпредметні зв'язки*. 36. наук. статей. Вип. 19. Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна: 136–146.
26. Чуба, Г. 2012. Українознавчі студії в Ягеллонському університеті. Із: *Українська мова у світі*. Збірник матеріалів II Міжнародної науково-практичної конференції, 8–9 листопада 2012 р. Львів: Видавництво Львівської політехніки: 307–310.
27. Шевченко, Н. 2011. Викладання української мови у французьких вищих навчальних закладах. Методичні посібники з української мови. Із: *Теорія і практика викладання української мови як іноземної*. Вип. 5. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка: 33–39.

SANTRAUKA

UKRAINIEČIŲ KALBOS KAIP UŽSIENIO DĖSTYMAS: TENDENCIJOS, PROBLEMAS, PERSPEKTYVOS

Shvets Hanna

Straipsnyje analizuojama ukrainiečių kalbos kaip užsienio šiuolaikinės dėstymo metodikos būklė. Apibūdinama ukrainiečių kalbos mokymo užsienio mokyklose dabartinė situacija. Straipsnyje pateikta trumpa fundamentinių mokslinių tyrimų apžvalga, išvardyti pagrindiniai moksliniai tyrinėjimai šioje srityje, pagrindinės problemos, kurių sprendimas būtinas efektyviam ukrainiečių kalbos dėstymo metodikos vystymui.

Raktiniai žodžiai: ukrainiečių kalbos kaip užsienio dėstymo metodika, lingvodidaktika, ukrainiečių kalbos kaip užsienio sertifikavimo sistema.

*III. HERMENEUTIKA IR „GALIMŲ“
PASAULIŲ KALBA /
HERMENEUTIC AND LANGUAGE OF
“POSSIBLE” WORLDS*

АКТУАЛЬНЕ ЧЛЕНУВАННЯ СКЛАДНОПІДРЯДНИХ РЕЧЕНЬ ЗІ ЗНАЧЕННЯМ ВІДПОВІДНОСТІ

Голтвеницька Маргарита

Харківська загальноосвітня школа І – ІІІ ступенів №36, м. Харків, вул. Ромен
Ролана, буд. 7, кв. 38, margarita_info@ukr.net

ABSTRACT

Actual division of compound sentences with compliance meaning

At first in the Ukrainian syntactic science, the author has attempted to clarify the features of complex sentences that have semantic and syntactic relation of compliance between their main and subordinate parts, in particular regarding communicative and syntactic level of their organization. Relevance of the problems raised is confirmed that a detailed study of complex sentences with a compliance meaning according to the terms of their actual division is necessary to identify more accurate description of syntactic structures of the specified type as units of communicative syntax.

Based on the findings of domestic and foreign researchers of communicative syntax, the article proves that the theme-rhematic division of complex sentences of determinant type, which includes complex sentences of compliance, is different from the actual division of a simple sentence or other types of complex sentences. Agreeing with the views expressed in scientific investigations recently done, the researcher points out that the actual division is associated with the definition of specific correlation between its communicatively determined components: a theme that conveys information from which the speaker is repelled like from something stated and on which he makes posts, and rheme, which contains the message. The results of the analysis show that a prepositive part of compliance complex sentences, as actually less important one, always serves as a theme, and a postpositive part, as a communicative centre of a sentence-expression, always performs a rheme function. Because of the flexibility of the structure of the studied sentences, the communicative status of rheme can have both a major component (on a direct placement of components) and a subordinate one (on conditions of inversion location of predicative parts). The considered factual material shows that the actual division of compliance complex sentences can be of a binary character (one theme and one rheme), and of a multi-layered one (when there highlighted a theme and a rheme of a higher layer, and a theme and a rheme of a lower layer), depending on the speaker's communicative goal.

Keywords: *complex sentence, simple sentence, complex sentence with a compliance meaning, communicative and syntactic level of organization, prepositive part, postpositive part, actual division, theme-rhematic division, communicative centre, communicative status, rheme, topic.*

ВВІДНА ЧАСТИНА

Проблему комунікативно-синтаксичного рівня організації речення, одиницями якої є компоненти актуального членування, вітчизняні й закордонні лінгвісти досліджують доволі тривалий час. Початок таких досліджень відносять до другої половини XVIII століття. Так, російська дослідниця комунікативного синтаксису О. О. Крилова пропонує розділити увесь період розроблення вчення про актуальне членування поділити на чотири етапи (Крылова, 2009, 61–66): 1) II пол. XVIII ст. – II пол. XIX ст. (праці Ш. Бато, Дж. Барнета, І. Аделунга, К. Беккера, Дюмарсе, Н. Бозе, А. Вейля та ін.); 2) II пол. XIX ст. – поч. XX ст. (психологічні розвідки Георга фон Габеленца, Германа Пауля, В. П. Сланського, Ф. Ф. Фортунатова, О. М. Пешковського та ін.); 3) I пол. XX ст. (дослідження В. Метазіуса, Фр. Данеша, Я. Фібраса, П. Адамца, Й. Містріка, Г. Кржижковой, К. Г. Крушельницької, А. І. Смирницького, В. В. Виноградова та ін.); 4) II пол. XX ст. (від опублікування праці І. П. Распорова «Актуальное членение предложения (на материале простого повествования преимущественно в монологической речи)») – сучасний етап розвитку вчення. Однак, незважаючи на тривале розроблення, проблематика актуального членування речення дотепер залишається дискусійною й актуальною для сучасної мовознавчої науки загалом й українського комунікативного синтаксису зокрема. Більшість праць, автори яких розглядали проблему комунікативно-синтаксичної організації речення, стосувалася актуального членування простого речення, а складне речення в цьому плані здебільшого було обійдене увагою науковців. В українському комунікативному синтаксисі дослідження, присвячені особливостям актуального членування окремих різновидів складних синтаксичних утворень з'явилися тільки на початку ХХІ ст., зокрема дисертаційними дослідженнями Н. В. Лешкової «Актуальне членування детермінантних складнопідрядних речень», В. В. Орехова «Функціонально-комунікативні вияви складнопідрядних речень прислівного типу» (Орехов, 2006), а також української дослідниці комунікативного синтаксису російської мови В. М. Абашині «Актуальное членение русского сложного предложения в коммуникативно-прагматическом освещении» (Абашина, 2009). Проте в названих працях не були висвітлені особливості комунікативно-синтаксичної організації такого різновиду детермінантних складнопідрядних речень, як складнопідрядні речення зі значенням відповідності. І лише в дисертаційній роботі В. М. Абашині знаходимо поодинокі згадки про речення цього різновиду (Абашина, 2009, 202, 209). Детальне вивчення складнопідрядних речень із семантико-синтаксичними відношеннями відповідності з погляду їх актуального членування необхідне для виявлення більш точних характеристик синтаксичних утворень зазначеного різновиду як одиниць комунікативного синтаксису. Це й підтверджує актуальність порушеної проблеми.

Мета статті – визначити характер актуального членування складнопідрядних речень зі значенням відповідності і з'ясувати його особливості.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

На думку В. М. Абашиної, найбільш значущою для комунікативної організації детермінантних складнопідрядних речень є відносна смислова вагомість складників, оскільки семантична неоднорідність поліпредикативної й водночас поліпропозитивної конструкції зумовлює комунікативну неоднорідність запропонованої в ній інформації (Абашина, 2009, 200). Зважаючи на те, що складнопідрядні речення відповідності належать до детермінантних складнопідрядних утворень, вважаємо, що наведене твердження цілком може бути застосоване і для їхньої характеристики як одиниць комунікативного синтаксису.

Як відомо, актуальне членування пов'язане з визначенням конкретного співвідношення між його комунікативно схарактеризованими складниками: **темою**, що передає інформацію, від якої мовець відштовхується як від чогось даного й на основі якої робить повідомлення, і **ремою**, яка й містить це повідомлення (поєднання теми з ремою формує нове знання). У зв'язку з цим у складнопідрядних реченнях із підрядним відповідності, що характеризуються прямим порядком розміщення складників: препозиційна підрядна частина і постпозиційна головна частина, підрядний компонент стає темою висловлення, а головний – його ремою: – *Що холодніша вода, (Т) // то тепліше з неї виходити (Р)* (Шкляр, 2014, 208); – *Що більший буде твій будинок, (Т) // то більше він тебе поважатиме (Р)* (Рутківський, 2012 (1), 113); *Що довше я дивлюсь, (Т) // то більше перед очима зірок (Р)* (Дяченки, 2006, 117); *Що далі дивний квартет просувається коридором, (Т) // то меншою стає гучність (Р)* (Доляк, 2013, 68).

Підтвердження того, що підрядний складник має комунікативний статус теми речення-висловлення знаходимо у працях Г. Белічової-Кржижкової. Дослідниця відзначала, що «складнопідрядне речення реалізується як комунікативний тип лише за допомогою головного речення. Підрядне речення функцію комунікативного типу саме по собі не виконує. Те, що підрядне речення не є самостійним комунікативним типом, впливає із сутності підрядного речення: підрядне речення в межах складнопідрядного речення виконує не первинну свою функцію, що супроводжується обов'язковим оформленням як комунікативного типу, а функцію вторинну, виступаючи або компонентом елементарної синтаксичної структури, наявність якого зумовлена семантичною недостатністю предиката, або субститутотом якогось компонента речення, що нашаровується на предикативне ядро» (Белічова-Кржижкова, 1984, 62–63). Про те, що підрядна частина в таких реченнях при розгортанні повідомлюваної інформації зазвичай містить тему повідомлення зауважував і російський дослідник М. І. Белоусов (Белоусов, 1977, 12). В. М. Абашина, слідом за Г. Белічовою-Кржижковою та М. І. Белоусовим наголошує на комунікативній несамостійності підрядних частин речень детермінантних типу, які виконують функцію теми і створюють комунікативні передумови для введення власне повідомлення, вербалізованого головною предикативною частиною складнопі-

дрядного речення розчленованої структури (Абашина, 2009, 203). Дослідниця вказує на те, що за таких умов головний складник має основне комунікативне навантаження і виконує функцію реми (Абашина, 2009, 202).

Проте складнопідрядні речення з відношенням відповідності мають гнучку структуру, і в зв'язку з цим головний складник може бути препозиційним, а підрядний перебуває у постпозиції. У таких конструкціях зі зворотним порядком розміщення предикативних частин функцію теми виконує головний компонент, а функцію реми – підрядний: *Він стає все нервовішим, (Т) // чим довше ми вислизаємо (Р)* (Дереш, [http](http://)); *Позитивних сторін тим більше, (Т) // чим трагічніша ситуація (Р)* (Смолі, 2000, 47) та ін. При інверсійному розміщенні складників головна предикативна частина, маючи статус теми, виступає зв'язковою ланкою між тим, що було – попередній текст, – і тим, що буде – ремою, тобто підрядним відповідності. Тоді як підрядний компонент «експлікує смисловий центр повідомлення» (Абашина, 2009, 72). Ілюстрацією до сказаного є такі приклади: *Отже: енергія прогресу є фізичний аналог абсолютної додаткової вартості. Якщо відсутнє її виробництво – держава зі всією неминучістю посувається до своєї загибелі. І тим швидше, (Т) // чим інтенсивніше розвивається промисловість (Р)* (Руденко, [http](http://)); *[В очах Тетяни заблестіло нараз чимось таким гордим і сильним, таким гарячим і недоступним, що Мавра заніміла.] Заніміла тим більше, (Т) // що Тетяна, не кажучи ні слова, встала нараз на рівні ноги і, випрямившись, мов смерека, сказала...* (Р) (Кобилянська, [http](http://)). На те, що тема відповідає за «зв'язок речення з контекстом як мовним, так і ситуаційним», вказували Ф. Данеш і Й. Вахек (Данеш, 1967, 327) Т. Є. Янко (Янко, 2001, 24) та ін. В. М. Абашина наголошує, що пізнавальна цінність вкладеного у висловлювання повідомлення полягає у співвідношенні в комунікативному акті теми з ремою (Абашина, 2009, 72). Саме в такому співвідношенні теми і реми й полягає комунікативна мета висловлювання (Ковтунова, 1976, 45).

Актуальне членування складнопідрядних речень детермінантного типу, до яких належать і складнопідрядні речення відповідності, відмінне від актуального членування простого речення чи інших різновидів складних речень. Так, у працях сучасних науковців, які присвятили свої розвідки розробленню цієї проблеми, знаходимо вказівки на те, що воно має багатоярусний характер (Болдырева, 1991; Орехов, 2006, 6; Крылова, 2009, 120–127). Зокрема російська дослідниця комунікативного синтаксису О. О. Крылова відзначає: «актуальне членування усіх складнопідрядних речень має складний, багатоступінчастий характер, що виявляє ієрархічну комунікативно-синтаксичну організацію цих речень» (Крылова, 2009, 125). (У своїй роботі ми послуговуємося терміном «багатоярусне актуальне членування».) Автор монографії «Коммуникативный синтаксис русского языка» зауважує, що схеми ієрархічного актуального членування складнопідрядних речень ґрунтуються на принципах послідовного бінарного актуального членування з урахуванням комунікативного завдання, яке реалізується при поєднанні теми з ремою (Крылова, 2009, 125).

Спостереження над фактичним матеріалом, дібраним із художніх творів сучасних українських прозаїків, засвідчують правомірність поширення окреслених теоретичних положень на актуальне членування складнопідрядних речень із семантико-синтаксичними відношеннями відповідності. На нашу думку, речення аналізованого різновиду елементарної будови можуть мати такі схеми ієрархічного актуального членування.

1) T – P

Таку схему багатоярусного актуального членування має речення *Чим довше вона так стояла, (Т) // тим глибше входила в неї (Т₁) / тривога (P₁) (Р)* (Пономаренко, 2012, 24),

де Т – тема вищого ярусу, вербалізована підрядним складником *Чим довше вона так стояла*;

Р – рема вищого ярусу, експлікована головною предикативною частиною *тим глибше входила в неї тривога*, що має складне членування;

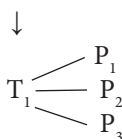
Т₁ – тема нижчого ярусу, виражена компаративом, дієсловом-присудком і додатком: *тим глибше входила в неї*;

Р₁ – рема нижчого ярусу, передана підметом *тривога*.

Можливість втілення такої схеми ієрархічного актуального членування підтверджують і такі ілюстрації: *Що далі просувалася, (Т) // то явніше нанюхувала (Т₁) / неповторний запах свіжого варива (Р₁) (Р)* (Доляк, 2013, 62); *Що дужче пригрівало сонце, (Т) // то більше людей прибувало (Т₁) / до плавнів (Р₁) (Р)* (Рутківський, 2012 (1), 102) та ін.

За наявності елементів ускладнення у головній частині можливий такий варіант актуального членування:

T – P

Таку схему багатоярусного актуального членування має речення *Чим випадковішою є така комбінація, (Т) // тим більше у неї можливостей (Т₁) / чи то для спонтанного зникнення, (Р₁) / чи то для отримання стійкості як маргінального елемента системи, (Р₂) / чи то для перспективної універсальної адаптивності (Р₃) (Р)* (Іванова, 2010, 169).

2) T – P

Наведена схема багатоярусного актуального членування складнопідрядних речень із підрядним відповідності реалізується в такій синтаксичній конструкції, як:

[– Бо із Заводу ніхто не повертається. Це закон.] Чим далі від цього місця (T_1) / будуть триматися довколишні племена, (P_1) (T) // тим довше проживуть (P) (Дяченки, 2006, 219),

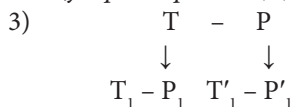
де T – тема вищого ярусу, вербалізована підрядним складником *Чим далі від цього місця будуть триматися довколишні племена*, що має складне членування;

T_1 – тема нижчого ярусу, виражена компаративом і обставиною: *Чим далі від цього місця*;

P_1 – рема нижчого ярусу, передана складеним дієслівним присудком і підметом *будуть триматися довколишні племена*;

P – рема вищого ярусу, експлікована головною предикативною частиною *тим довше проживуть*.

Підтвердженням можливості реалізації такої схеми актуального членування є й речення – *Чим довше й голосніше ти* (T_1) / *будеш кричати*, (P_1) (T) // *тим більше цукерок заробиш* (P) (Талан, 2014, 299).

Прикладом втілення у художньому мовленні запропонованої схеми є речення *Чим далі вони просувалися* (T_1) / *вниз по Дніпру*, (P_1) (T) // *тим сторожкіші ставали* (T'_1) / *старі козаки* (P'_1) (P) (Рутківський, 2012 (2), 236), де

де T – тема вищого ярусу, передана підрядною частиною *Чим далі вони просувалися вниз по Дніпру*, що має складне членування ($T_1 - P_1$);

T_1 – тема нижчого ярусу, виражена компаративом, підметом і присудком *Чим далі вони просувалися*;

P_1 – рема нижчого ярусу, вербалізована обставиною місця *вниз по Дніпру*;

P – рема вищого ярусу, експлікована головним складником *тим сторожкіші ставали старі козаки* ($T'_1 - P'_1$);

T'_1 – тема нижчого ярусу, яка реалізується поєднанням компаративна і присудка: *тим сторожкіші ставали*;

P'_1 – рема нижчого ярусу, втілена за допомогою підмета й узгодженого означення: *старі козаки*.

Актуальне членування речення *Що більше виливали на урсу* (T_1) / *крижаної води*, (P_1) (T) // *то менше він* (T'_1) / *здригався* (P'_1) (P) (Рутківський, 2012 (1), 278) також відбувається за схемою (3).

Окрім того, з-поміж проаналізованих конструкцій досліджуваної семантики були виявлені не лише утворення, актуальне членування яких має багаторусний характер. Спостерігаються також складнопідрядні речення відповідності актуальне членування яких кваліфікується як бінарне. Передусім це стосується речень, які мають неповні головну і підрядну частини й реалізуються тільки за допомогою парних компаративів, як-от: – *Що голосніше*, // (T) – *[Головань усміхається,] – то краще* (P) (Дяченки, 2006, 188) або – *[То вони пропонують*

місяця. Самі, вірогідно, займають чергу, а таким, як ми, лохам продають.] Що ближче, (Т) // то дорожче (Р) (Доляк, 2013, 105) та ін., або в яких пропущені якісь головні члени підрядної чи головної предикативних частин: *Що більше я про це думаю*, (Т) // *то безнадійніше почуваюсь* (Р) (Дяченки, 2006, 110); *Що далі в степ*, (Т) // *то більша спека* (Р) (Рутківський, 2012 (2), 178) та ін.

Окремо виділяються в плані актуального членування неповні складнопідрядні речення, в яких головна предикативна частина усічена: **Чим більше я звикатиму, тим більше...** [А що тим більше? Відвикатиму? Тоді треба сказати – болючіше. Я вже планую відвикати?] (Лис, 2005, 201) або [З тими словами подав роздертий лантух Максимові, додавши з судною посмішкою:] – **Чим багатий, брат, тим...** – [і, не договоривши, махнув рукою] (Багрянний, http). У наведених прикладах підрядна частина створює необхідні передумови для розвитку комунікації, проте внаслідок того, що рематичний компонент у комунікативному акті не був вербалізований, самого повідомлення не було, а отже, адресат так і не отримав інформації про ті або ті події чи факти.

Складнопідрядні речення відповідності неелементарної будови характеризуються такими особливостями актуального членування.

1) За наявності двох підрядних компонентів й одного головного при актуальному членуванні виділяється дві теми, що лежать на одному ярусі і виконують функцію вихідної позиції для однієї реми, вербалізованої головним складником:

$$\begin{array}{c} T - T' \\ \backslash / \\ P. \end{array}$$

Також можливе складне актуальне членування, при якому виділяється тема і рема нижчого рівня.

Ілюструє запропоновану схему актуального членування речення такого зразка: *Чим довше дорога буде служити*, (Т) / *чим більше нею їздитимуть* – (Т') // *тим більший приріст матимуть наші вклади* (Р) (Дочинець, 2012, 212).

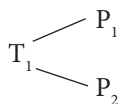
У наведеному прикладі спостерігаємо вияв ієрархічного членування рематичного компонента, де темою нижчого ярусу виступає компаратив разом із додатком і присудком (*тим більший приріст матимуть*), а ремою нижчого рівня – підмет (*наші вклади*).

Отож наведене речення має таку схему багоярусного актуального членування:

$$\begin{array}{c} T - T' \\ \backslash / \\ P \\ \downarrow \\ T_1 - P_1 \end{array}$$

Ще одним прикладом, де наявні два компоненти, що мають статус теми першого рівня, є речення *І чим далі говорив Лінкерт*, (Т) / *чим більше впливав у себе чарок*, (Т') // *тим мова його* (Т₁) / *все більше плуталась*, (Р₁) / *моталась*

у клубок (P₂) (P) (Самчук, [http](http://)). Схематично актуальне членування наведеної синтаксичної конструкції можна передати таким способом:

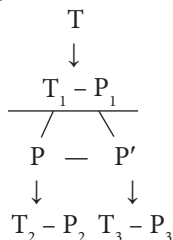

2) Складнопідрядні речення відповідності, що мають два головні компоненти до одного підрядного складника, розкладаються на одну тему і дві реми, що мають однакове комунікативне навантаження:

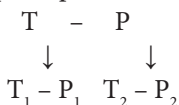
Можливість здійснення актуального членування за такою схемою підтверджує членування речення на зразок: *Чим більше я віддаю, (T) // тим сильнішою стаю, (P) тим легше в мене на душі (P')* (Дяченки, 2006, 343).

Можливий варіант ускладнення наведеної схеми, коли кожен тематичний і рематичний компонент вищого рівня членування поділяються на тематичні й рематичні компоненти нижчого рівня членування:

Експлікується запропонована схема актуального членування складнопідрядного речення неелементарної будови за допомогою речення *Чим більше вникаю (T₁) / в Святе Письмо, (P₁) (T) // тим більше бачу (T₂) / своє падіння (P₂) (P) / і тим більше зростає надія (T₃) / на Боже Милосердя (P₃) (P')* (Нова євангелізація, 2012, 122).

3) У реченнях, що містять три компоненти, зміст останнього з яких стосується перших двох як єдиного цілого, як-от: *[Дивною любов'ю любив, аж сам того лякався.] Чим далі, (T₁) / тим дужче (P₁) (T) – // в міру того, (T₂) / як росла, випиналася, виструнчувалася Парасочка... (P₂) (P)* (Лис, 2014, 179), спостерігається розгортання багаторусного актуального членування за такою схемою:

Тут спостерігаємо триярусне актуальне членування.

ВИСНОВКИ

Отже, результати здійсненого аналізу доводять, що препозитивна частина як актуально менш значуща завжди виконує функцію теми, а постпозитивна частина як комунікативний центр речення-висловлення – функцію реми. Унаслідок гнучкості структури розглядуваних речень комунікативний статус реми може мати як головний складник (при прямому розміщенні компонентів), так і підрядний (за умови інверсійного розташування предикативних частин). Розглянутий матеріал засвідчує, що актуальне членування складнопідрядних речень із семантико-синтаксичними відношеннями відповідності може мати як бінарний, так і багатоярусний характер, залежно від комунікативної мети мовця.

ЛІТЕРАТУРА

1. Абашина, В. Н. 2009. *Актуальное членение русского сложного предложения в коммуникативно-прагматическом освещении*, Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Львов.
2. Багрянний, І. *Людина біжить над прірвою*. [Електронний ресурс]: <http://www.ukrcenter.com/Література/Іван-Багрянний/19807/Людина-біжить-над-прірвою-doc>.
3. Беличова-Кржижкова, Г. 1984. О модальности предложения в русском языке. *Актуальные проблемы русского синтаксиса*, Под ред. К. В. Горшковой, Е. В. Клобукова. Москва: 49–77.
4. Белоусов, Н. И. 1977. Актуальное членение некоторых сложноподчиненных предложений. *Іс: Материалы по русско-славянскому языкознанию*. Выпуск 5. Воронеж: 12–16.
5. Болдырева, А. Н. 1991. *Актуальное членение как средство организации устного и письменного научного монологического текста*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва.
6. Данеш, Ф. 1967. Пражские исследования в области структурной грамматики на современном этапе. *Іс: Пражский лингвистический кружок*. Москва: Прогресс: 325–337.
7. Дереш, Л. *Поклоніння ящірці*, [Електронний ресурс]: http://ukrbooks.com/ua/Pokloninnja_jashhirci/.
8. Доляк, Н. 2013. *Заплагана Європа*. Харків: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля».
9. Дочинець, М. 2012. *Криничар. Діярюш найбагатшого чоловіка Мукачівської домінії*. Мукачево: Карпатська вежа.
10. Дяченки, Марина і Сергій. 2006. *Дика енергія. Лана*. Вінниця: Теза.
11. Іванова, К. А. 2010. *Зміни в культурі як глобальна проблема*. Харків: Золоті сторінки.

12. Ковтунова, И. И. 1976. *Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*. Москва: Просвещение.
13. Кобилянська, О. *В неділю рано зілля копала*. [Електронний ресурс]: <http://www.ukrcenter.com/Література/Ольга-Кобилянська/20662/В-неділю-рано-зілля-копала>.
14. Крылова, О. А. 2009. *Коммуникативный синтаксис русского языка*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
15. Лис, В. 2005. *Камінь посеред саду*. Луцьк: Поліграфічно-видавничий дім «Твердиня».
16. Лис, В. 2014. *Століття Якова*. Харків: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля».
17. *Нова євангелізація в Україні*. 2012. Упорядник о. Ігор Цар. Львів: Свічадо.
18. Орехов, В.В. 2006. *Функціонально-комунікативні вияви складнопідрядних речень прислівного типу*. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Донецьк.
19. Пономаренко, Л. 2012. *Дерево облич. Із: Синє яблуко для Ілонки*. Львів: Літературна агенція «Піраміда»: 23–29.
20. Руденко, М. *Енергія прогресу. Нариси з фізичної економії*. [Електронний ресурс]: <http://www.ukrcenter.com/Література/Микола-Руденко/53956/Енергія-прогресу-Нариси-з-фізичної-економії>.
21. Рутківський, В. 2012 (1). *Джури і підводний човен*. Київ: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА.
22. Рутківський, В. 2012 (2). *Джури-характерники*. Київ: А-БА-БА-ГА-ЛА-МА-ГА.
23. Самчук, У. *Волинь* [Електронний ресурс]: <http://ukrclassic.com.ua/katalog/s/samchuk-ulas/485-ulas-samchuk-volin>.
24. Смолі, Г. 2000. *Пізнай свого чоловіка*. Переклад з англ. Н. Щиглевської. Львів: Свічадо.
25. Талан, С. 2014. *Розколоте небо*. Харків: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля».
26. Шкляр, В. 2014. *Маруся*. Харків: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля».
27. Янко, Т.Е. 2001. *Коммуникативные стратегии русской речи*. Москва: Языки славянской культуры.

SANTRAUKA

SUDĖTINIŲ PRIJUNGIAMŲJŲ SAKINIŲ SU ATITIKMENS ŠALUTINIŲ AKTUALUS JUNGIMAS

Goltvenytska Margaryta

Šiame straipsnyje pirmą kartą ukrainiečių sintaksiniame moksle pabandyta išsiaiškinti sudėtinių prijungiamųjų sakinių ypatumus, kuriuose tarp pagrindinės ir šalutinės dalies atsiranda semantiniai sintaksiniai atitikmens santykiai.

Šios nagrinėjamos problemos aktualumas pasitvirtina ir tuo, kad sudėtinių prijungiamųjų sakinių su atitikmens šalutiniu tyrimas būtinas sintaksinių konstrukcijų tikslų charakteristikų atskleidimui.

Raktiniai žodžiai: sudėtinis sakiny, vientisinis sakiny, sudėtinis prijungiamasis sakiny su atitikmens šalutiniu, prepozityvinė dalis, aktualus jungimas, komunikacinis centras.

A NEW APPROACH TO HOWARD FAST

Kamarovskaya Tatyana

Belarusian State Pedagogical University,
Minsk, ul. Sovetskaya, 18, komar37@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the 4 novels by Howard Fast written about the American Revolution. In each of the novels analyzed in the article Fast poses the question whether and to what extent revolutionary violence could be put up with if necessary for the victory of the glorious cause. His final answer to this question is given in the last novel of the revolutionary sage- "The Proud and the Free", in which he denounces revolutionary violence, violence over man once and for all, which accounts for his further disappointment with Marxist theory.

The profound changes in the role of the author in the American historical novel demonstrate themselves most vividly in the novels by H. Fast. Especially "The Proud and the Free" presents this important change in the author and the hero bond.

Keywords: *revolution, violence, Marxist theory, dictatorship, to denounce, evolution of political views.*

INTRODUCTION

The theme of the article is the problem of co-relation of the great aim of liberty and revolutionary violence necessary to achieve it. This question-whether liberty, happiness for all can be achieved by suppressing people, even a part of it, is the eternal question which poses itself from time to time and accounts for the actual character of any work devoted to it. The problem mentioned above is tackled in the article by the analysis of 4 novels by Howard Fast written about the American Revolution. The article also tackles the problem of the profound changes in the role of the author in the American historical novel which demonstrate themselves most vividly in the novels by H. Fast.

The methods applied in the article are cultural-historical and comparative.

THE MAIN PART

Among the writers whose work and political stand in the 30-s and up to the 50-s make them the target of interest for the discussion in this workshop there is one whose political evolution during this period was truly remarkable. Howard Fast, a communist writer, member of the Communist party of the U.S.A. was one of the few American writers whose work was acknowledged in the Soviet Union and, consequently, denied any artistic value in the U.S.A. where literary critics called him a

sociologist in literature. His resignation from the Communist party in 1956 caused a real scandal in the Soviet literary circles and brought about accusations of the betrayal of the interests of working people, of selling out to capital and so on. None either at that time or afterwards tried to understand why and how this ideological change has taken place within Howard Fast.

Thorough literary analysis of four of H. Fast's books devoted to the American revolution ("Conceived in Liberty", 1939, "The Unvanquished", 1942, "Citizen Tom Paine", 1943, "The Proud and the Free", 1950, "April Morning", 1961) shows that from book to book he puts to test the main notion of Marxist-Leninist doctrine concerning revolution, that is, the dictatorship of the proletariat. In each of the novels Fast poses the question whether and to what extent revolutionary violence could be put up with if necessary for the victory of the glorious cause. If in the first novel "Conceived in Liberty" Fast admits revolutionary violence as a necessary measure for achieving revolutionary goals, in "The Proud and the Free" he denounces this idea completely. In this novel he denounces revolutionary violence, violence over man once and for all, and that accounts for his further disappointment in Marxist theory. His resignation from the Communist party of the USA was the next logical step accelerated maybe by the denunciation of the cult of Stalin at the 20th Communist party congress in Moscow in 1956. Since then he would write fine historical novels dealing with ancient times and with Jewish history. In the 30s and the 50s he was among writers who spoke against extremism on the left or the right.

The article is devoted to the 4 novels by Howard Fast written about the American Revolution with the aim of revealing the evolution of political views and values of the writer from novel to novel.

So the first novel of the revolutionary cycle is "Conceived in Liberty" (1939) devoted to the hibernation of the Continental troops in Valley-Forge in the terrible winter of 1777-1778. Fast reconstructs one of the most dramatic periods of the War for Independence when Washington's army, without food, without warm clothes spent winter in the camp where hundreds of soldiers died from hunger and frost. Class antagonism lying at the bottom of the American revolution is the main concept of history of Howard Fast, and this concept is realized through the delineation of the characters of the novel, its conflict and its plot. The intensity of class antagonism in this novel corresponds to the atmosphere of "the red 30-ies", a year before "The Grapes of Wrath" by John Steinbeck was published.

One of the main problems in Fast's philosophy of history is the problem of revolutionary violence. In each of his revolutionary novels he poses the questions whether violence over man is necessary and justified for the triumph of the revolution, whether it's possible for the leader of the revolution or its participant to avoid it. In "Conceived in Liberty" in one of the key episodes of the novel Fast trusts Hamilton to express his own point of view upon this problem. Hamilton is appointed for the defense of three deserters in court and he explains to Washington why he is against capital punishment for them. He says: "...if at least one life is cut

short unjustly, if at least one man must die from envy and hatred, our cause doesn't exist any longer. It's not worth suffering for it" (Fast, 1945, 141). On Washington's remark "We are in hell, and hell can't be tender" Hamilton replies: "We are human beings in hell. As soon as we stop being humane there's no use in our struggle" (Fast, 1945, 143). Man must preserve his humaneness in revolution—that's the gist of Fast's concept of the revolution.

This idea is brought to test and expressed in the novel through three main characters of the book: Allen, the protagonist, Ali and Jacob. Allen prefers Ali, not only for his devotion to the revolution but because "...he is the spirit, he is love" (Fast, 1945, 56), and doesn't trust Jacob whose credo is "Man is nothing, Revolution is everything" (Fast, 1945, 52). Fast is against fanaticism, revolutionary fanaticism included. His hero says: "Jacob is the man of the idea, but people of ideas lose all humaneness" (Fast, 1945, 159).

In this first novel about the revolution Fast puts up with the necessity of revolutionary violence considering it the necessary means for the triumph of the revolution. He makes Allen realize what is at stake: "A new life, a new world for people" (Fast, 1945, 93) and remain in the army he has hated so much. He has even become a commander of the brigade. But this new Allen Hail having rejected everything dear to him before, having devoted his life to revolution suddenly comes to the understanding that he has become a machine for killing. "I'm not a man anymore. I've found Jacob in myself" (Fast, 1945, 238). In 1939 Fast considered that a revolutionary soldier can't be otherwise, that to be a soldier of the revolution he must pay this price—the loss of humaneness.

From Fast's point of view a person possessed by a great idea is always lonely. A revolution demands that everything humane in a person should be suppressed. This is the emotional core of the characters of Washington, general Wain, Jacob in "Conceived in Liberty", that's the core of the character of Thomas Paine in the novel devoted to him.

"Citizen Tom Paine" presents a more profound analysis of the revolution as a social phenomenon than the previous two novels. Citing Benjamin Rush Fast reveals his own conception of the revolution: "Force is in the hands of revolutionary masses. I don't judge the ideas or whether it's right or wrong, good or bad, I don't judge its morality, because all these are concepts, slogans, but force is the only weapon. Tyranny rests on force, force of the few. Force of the majority is revolution" (Fast, 1945, 116).

So Fast stresses the idea of immorality of any revolution, the incompatibility of morality and revolution. Violence, the inalienable part of any revolution, is unacceptable both for the writer and for his biographical hero. Fast emphasizes the idea that this particular circumstance determined his hero's tragedy in advanced age: the revolution which he witnessed in France went in its natural development too far, and Paine couldn't put up with its "dictatorship of the crowd, its anarchy", its terror. His position nearly cost him his life. The choice of the hero, the sympathetic treatment of his ideological and moral stand on this issue, the negative delineation of Jacobins

let us deduce that at the time when "Citizen Tom Paine" was being written (1943) Fast himself denounced the idea of revolutionary violence; that his moral attitude to it outweighed his speculations on the necessity of dictatorship for the triumph of the revolution.

The most profound analysis of the American revolution is provided in the next historical novel by Howard Fast "The Proud and the Free". This novel tells about the insurrection of eleven International brigades of the Pennsylvanian army and reconstructs the events of the winter of 1781 when soldiers coming from various countries of Europe, of various nations and religions having despaired of hunger, cold and oppression on the part of the gentry-officers who killed soldiers for any trifling fault held the Congress, elected the revolutionary committee of sergeants and drove away officers from their brigades. The novel is based on social, class conflict, and in none of Fast's novels this conflict is as sharp and severe as in "The Proud and the Free". In this novel Fast fully embodies his concept of the War for Independence as class struggle, in which the rich and powerful gentry was at the head of the poor and the powerless in the struggle against Englishmen being in their station of life closer to the enemy than to their own countrymen and comrades-in-arms. The soldiers in revolt feel this class antagonism very keenly and stress that they are ready to die "for freedom, but not ...for the property of any dirty lord and a fat boss in Jersey, not for tobacco plantations and commercial fleet of Boston, ...but for freedom and dignity of those who have no property" (Fast, 1956, 117). Fast emphasizes through all the time dignity and pride of the soldiers in revolt, dignity and pride which they acquire in the struggle for freedom as part of their great aspirations.

In the course of the insurrection members of the revolutionary committee begin to realize that they don't know real ways to freedom, to the new republic and won't be able to find them. Howard Fast looks upon the War for Independence as a bourgeois revolution in which people is the most active driving force, but can't win by itself, and he makes his heroes understand it too.

This novel sums up Fast's long reflections on revolutionary violence and the right of its existence in revolution, whether it's moral and can be admitted, whether the idea can be prior to human life. He reveals and solves these dilemmas through the character of the protagonist of the novel, James Stuart. He chooses the hero whom he can endow with the features of orthodox devotion to the idea, and by the readiness in the name of this idea to sacrifice the interests of the people and people themselves.

James Stuart, an orphan, a son of white slaves, can't but hate the rich. He is devoted to the idea of fighting for freedom, he voluntarily joined the Army of the Congress at 17 and became one of the leaders of the insurrection at 22, having realized that the worst enemy of the poor soldiers is the rich, their own officers. He gets his first task from the Revolutionary committee - and himself is amazed at his fanaticism, at his readiness to kill a friend if he appears to hinder the Great Cause (of Freedom!). Fast is psychologically correct when he shows how the idea subordinates morality, how the

prevalence of idea produces a new understanding of morality. James Stuart remains in the course of the insurrection a revolutionary fanatic, an orthodox of the idea.

When questioned by his soldiers whether he would shoot at light cavalry that was sent to suppress the insurrection he answers positively. His friends are appalled at his readiness to kill his own comrades-in-arms.

But Jamey learns the main lesson of the insurrection-soldiers don't know the way to freedom, they don't know how to achieve it and what to do with it. Thus, at the crucial moment after the insurrection, when seven of his friends, former members of the revolutionary committee have risen against the officers again and he knows if he joins them the army will support him, and the officers will be swept away and his friends saved, and a new insurrection will begin, doesn't join them in spite of his class hatred, because he realizes this will bring about civil war which will mean "stains of blood and death upon us who have killed their brothers and...turned the war into the slaughter of brothers. I felt the hopelessness of it, the deep bitter wretched uselessness of it, because it was one more road into nowhere, to the hope and the dream that couldn't be realized" (Fast, 1956,303). Any price of human blood neither Fast nor his protagonist doesn't want to pay. Fast makes other characters of the novel come to the same conclusion. At the start of the insurrection the members of the Revolutionary committee decline the most logical offer to go to Philadelphia, the seat of the Congress, realizing that this move would cause the beginning of Civil war and would help the crown to crush the Colonies. At the end of the insurrection wise Bauser, one of the leaders of the revolt convincing the soldiers to surrender to the officers says: "We think that a man's life shouldn't be experimented on. We have no other way but to spill the blood of our own countrymen. But one mustn't turn brother against the brother, and that's why we refused to follow this way. We did right, not because we are weak but because we are strong!" (Fast, 1956, 230).

Fast is against civil war, even if it is waged for the interests of the country and its people, even if it's the only way for the triumph of social justice. Maybe that's the reason why in his historical novels Fast never turned to the theme of the Civil war.

This ideological and moral stand which was the result of long years reflections on the problems of dictatorship, of the justification of violation of human rights, explain his resignation from the U.S. Communist party in 1956 after he learned how the principles of class struggle were implemented in the Soviet Union through the death of thousands of people. If Soviet literary critics read the historical novels by H. Fast and followed the evolution of his ideological outlook they could foresee his deed as natural and predictable.

Nevertheless Fast doesn't renounce either struggle for freedom or the dream of a new just society. The end of the novel testifies to it. In the epilogue old James Stuart helps the abolitionists and points to them as his followers, as the next chain in the struggle for a new free just society, as to the people who continue the cause of the soldiers of the American revolution. But Fast considers the realization of this dream impossible in the nearest future, and never agrees that the way to it must involve

bloodshed and violence over man. Written in the times of maccarthism Fast's novel expresses the animosity of the democrat and the humanist to any forms of violence over man, to any forms of despotism, spiritual, intellectual despotism included.

The profound changes in the role of the author in the American historical novel demonstrate themselves most vividly in the novels by H. Fast. In "Conceived in Liberty" this form is in its embryo form yet. It doesn't cause those profound changes in the co-relation of the author and the hero, in the chronotop of the novel. "Conceived in Liberty" doesn't contain the double vision of reality, produced by the simultaneous existence in the novel of two perceptions of reality – by a young hero and his aging self, who having acquired rich life experience comments on the events described in the novel. There's no gap between these two perceptions belonging to one and the same person, which provides the evaluation of the events from the point of view of another epoch.

Only "The Proud and the Free" presents this important change in the author and the hero bond. Here the narrator is one of the main characters of the novel. He is constantly present in the novel, he moves freely in time either getting ahead of the time of the narration and predicting the further development of events or plunging into reminiscences. His character is motivated socially and psychologically by H. Fast. This circumstance prevents from identifying him with the author of the novel and, second, provides the historical perspective to the events described in the novel, so that the struggle for freedom of common people during the American revolution gets its continuation in the novel in the abolition movement during the old age of the hero-story-teller and, on the level of the reader's perception, in all the other times marked by sharp social conflicts including the reader's own time. So the time of the narration expands, contains more historical events, provides the reader's more active participation in them. At the same time this expanded novel time separates the author farther from his hero, notwithstanding the fact that the hero expresses the author's point of view. The author never appears in the novel. He expresses himself and his point of view not only through Jamie, but through various other characters of the novel: Bauser, Levi, Malony. Thus, he gives the reader an opportunity to comprehend complex historical truth by plunging into the general mosaic picture of events composed of many perceptions of reality of various characters, people of various nationalities and life experience.

CONCLUSION

This ideological and moral stand which was the result of long years reflections on the problems of dictatorship, of the justification of violation of human rights, explain his resignation from the U.S. Communist party in 1956 after he learned how the principles of class struggle were implemented in the Soviet Union through the death of thousands of people. If Soviet literary critics read the historical novels by H. Fast and followed the evolution of his ideological outlook they could foresee his deed as natural and predictable.

Fast's novel marked a turning point in the treatment of history by the American historical novel of the 20th century. It marked the deviation of the historical novel from glorifying the struggle for a new just society by showing the impossibility of creating such a society under present social conditions. The authors of the next historical novels will tackle the problem of the individual revolt of their heroes, the revolt of individual consciousness against certain historical conditions.

The profound changes in the role of the author in the American historical novel demonstrate themselves most vividly in the novels by H. Fast. Especially "The Proud and the Free" presents this important change in the author and the hero bond.

BIBLIOGRAPHY

1. Fast, H. 1945. *Conceived in Liberty*. N.Y.
2. Fast, H. 1947. *The Unvanquished*. N.Y.
3. Fast, H. 1945. *Citizen Tom Paine*. N. Y.
4. Fast, H. 1956. *The Proud and the Free*. Boston.

SANTRAUKA

NAUJAS POŽIŪRIS Į HOVARDO FASTO KŪRYBĄ

Kamarovskaya Tatyana

Straipsnyje tiriami keturi Hovardo Fasto kūriniai, atskleidžiantys Amerikos revoliuciją. Kiekviename kūrinyje Fastas užduoda klausimą, ant kiek revoliucinis smurtas, žmogaus smurtas, jeigu jis reikalingas aukštiems tikslams pasiekti, leistinas ir pateisintas. Į šį klausimą Fastas duoda atsakymą paskutiniame savo tetralogijos kūrinyje „Išdidūs ir laisvi“. Šiame kūrinyje Fastas atmeta revoliucinį smurtą, net ir vardan ateities žmonijos laimės. Hovardo Fasto pasaulėžiūros evoliucija, leidžia suprasti Markso doktrinos tolesnį nusivylimą.

Raktiniai žodžiai: revoliucija, smurtas, markso teorija, diktatūra, politinių požiūrių evoliucija.

ТИПОЛОГИЯ ОШИБОЧНЫХ ВЕРБАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ольга Леон

Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Республика Беларусь,
hoyden.feanorown@gmail.com

ABSTRACT

The typology of erroneous verbal actions in political discourse

The question connected with the compiling of a complete typology of erroneous verbal actions, which would correspond to modern views of discourse as a multi-sided linguistic, cognitive, and communicative phenomenon, is being settled on the basis of the English, German and Russian political discourse. The aim of the given article is to reveal the basic types of erroneous verbal actions, which are corrected by the participants of modern political discourse. It has been suggested to subdivide erroneous verbal actions into three main types: linguistic, cognitive (informational) and interactional (pragmatic). The typology under consideration has been validated both theoretically (on the basis of contemporary linguists' theses) and empirically (via the analysis of correcting utterances in political discourse, particularly on the basis of the referential interpretation of the given utterances). The examples of erroneous verbal actions belonging to every separate type and of linguistic means used to express the correction of these actions in spontaneous communication have been given. The perspective of further scientific investigations on the subject has been determined.

Keywords: erroneous verbal action, political discourse, error, correction, correcting utterance, linguistic error, cognitive (informational) error, interactional (pragmatic) error.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Современные прагматические исследования дискурса вызвали к жизни разноплановые подходы к изучению ошибочных вербальных действий (далее – ВД). Неоднократно предпринимались попытки классификации ошибок (Бутакова, 1998; Кустова, 2004; Епихина, 2014), однако на сегодняшний день, насколько нам известно, не существует унифицированной типологии ошибочных ВД, соответствующей современному пониманию дискурса как «совокупности языкового, когнитивного и коммуникативного аспектов» (Шевченко, 2007, 69). В связи с этим избранная тема исследования представляется нам актуальной и соответствующей требованиям времени.

Цель данной статьи – выявление основных типов ошибочных ВД, подвергающихся коррекции в современном политическом дискурсе. В задачи проведенного

исследования входила разработка, теоретическое обоснование и эмпирическое подкрепление типологии ошибочных ВД, охватывающей все аспекты дискурса.

Материалом исследования послужили корректирующие высказывания, возникающие как реакция на ошибочные ВД участников политических дискуссий, проходивших в формате телевизионных ток-шоу и интернет-обсуждений. Составленная выборка языкового материала охватывает три языка (включая неблизкородственные): английский, немецкий и русский. На разных этапах исследования использовались такие методы, как метод сплошной выборки, метод дискурс-анализа, комплексный описательно-аналитический, контекстуально-ситуативный анализ, метод лингвопрагматической интерпретации, а также статистический метод.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Ошибкой в любом виде деятельности человека называется поступок, которого не следовало совершать, рассматриваемый, как аномалия, нарушающая «сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности» (Булыгина, 1997, 437). С лингвистической точки зрения, интерпретация (как и вербализация) любого ошибочного действия может осуществляться по универсальной формуле отрицания В.М. Труба «*He P, a Q*», где «элемент Р соответствует ожидаемому правильному действию, а Q – тому, которое было предпринято вместо Р» (Труб, 2008, 431). Дискурсивная реализация коррекции характеризуется применимостью формулы отрицания в обратном направлении, а именно «*He Q, a P*», где Q – зафиксированное ошибочное действие, а Р – предлагаемое правильное действие, которое следует предпринять. Таким образом, представляется возможным реконструировать типы ошибочных ВД, совершающихся в политическом дискурсе, на основании контекстуально-ситуативного анализа и лингвопрагматической интерпретации корректирующих высказываний.

В соответствии с многогранностью дискурса как объекта и предмета научного исследования, проявляющейся в трех основных аспектах – языковом, когнитивном и социально-прагматическом (Шевченко, 2007, 71), а также с тремя ипостасями говорящего – языковой, коммуникативной и дискурсивной личностью (Плотникова, 2005), мы предлагаем выделить следующие типы ошибочных ВД: языковые, проявляющиеся в отклонениях от норм использования языка; когнитивно-информационные, снижающие качество генерации, передачи и использования идей, мнений и убеждений (что проявляется в вербализованных элементах мыслительной деятельности говорящего); интеракционно-прагматические, представляющие собой отклонения от норм и правил речевого взаимодействия людей, действующих в определенных социокультурных контекстах и ситуациях.

Предлагаемая классификация получила эмпирическое подкрепление на материале англо-, немецко- и русскоязычного политического дискурса,

представленного в своей институциональной (общение в формате ток-шоу) и неинституциональной (общение в сети Интернет) разновидности. Анализ выборки корректирующих высказываний, порождаемых в политическом дискурсе, позволяет выявить лексические средства указания на типичные ошибки, подвергающиеся исправлению в дискурсе данного типа. Следует оговорить, что взаимная коррекция вербального поведения участников политического дискурса во многом носит субъективный характер, в силу чего значительная часть ВД, отраженных в материале исследования, классифицируется как ошибки исключительно с точки зрения говорящего.

К языковым ошибкам, корректируемым участниками политического дискурса, мы отнесли нижеперечисленные ВД, связанные с неверным выбором языкового материала при оформлении высказываний. В структуре корректирующих высказываний, порождаемых как реакция на языковые ошибочные действия, обнаружилось лексические единицы, указывающие на референцию к используемым адресатом средствам языка (в примерах корректирующих высказываний данные лексемы выделены полужирным начертанием), что позволило объединить исправляемые с их помощью ошибки в общий тип (ошибочные действия языкового уровня).

На понятийные ошибки (использование понятий в несвойственном им значении) указывают корректирующие высказывания, имеющие вид «**Понятие N означает...**» (где N – неадекватно употребляемое понятие); отсылки к толковым словарям; прямые отрицания адекватности употребления понятия N, имеющие вид «**Объект A нельзя/неправильно называть N**»; выражения сомнения в правильности употребления понятия N (*Ich weiß nicht ob man das „Krieg“ nennen darf oder nicht*); требования к адресату самостоятельно дать определение неверно употреблённого им понятия (*Дайте сначала определение слову «фашист»*).

Употребление стилистически маркированной лексики либо этически неодобряемых выражений корректируется посредством различных конструкций с глаголом *называть* и модальными глаголами (*What we **shouldn't** do is call Putin a "terrorist"*), слов и словосочетаний, выражающих неодобрительное отношение говорящего к нежелательному ВД адресата (*Pissed off is **not the right word**, I think*), сочетаний глагола *употреблять* (слово, фразу) с прямым или косвенным указанием на ситуацию, в которой употребление данной языковой единицы нежелательно (*Наш оппонент дважды **употребил фразу** «Майдан развязал руки». Давайте... Я тоже парламентарий...*(указание на принадлежность фразы к непарламентским выражениям)), а также констатации употребления нежелательной лексики в контексте апелляции к совести адресата (*Слушайте, ну как-то постыдитесь. Вы **называете** друг друга предателями, фашистами*).

Коррекция неправильного выбора одной из двух и более сходных лексем осуществляется путем противопоставления двух лексических единиц (ошибочно выбранной и желательной) по структурному образцу «Р – не то же самое,

что Q» (*There's a fine line between hijacking and highlighting*). Возможна замена неправильного варианта именования на правильный без объяснения различий по схеме «He Q, a P» (Во-первых, не «**ты**», а «**Вы**») либо по её эллиптическому варианту «P!», который обычно используется при коррекции явных оговорок (*Ich habe aber „Russia Today“ gesehen, das ist die deutsche Welle gewissermaßen auf Russisch... – Auf English!*).

На ошибочные ВД, связанные с употреблением двусмысленных лексико-синтаксических конструкций, указывают уточняющие вопросы-переспросы (Кого «**ux**»-то?), вербальное раскрытие неуместного коннотативного значения ошибочно употребляемого слова (*Wenn wir **das Wort** „humanitär“ benutzen, klingelt es immer so als würde man Herrn Snowden jetzt im Hände des Assad-Regimes ausliefern*), прямая либо косвенная характеристика используемых понятий как двусмысленных (*„Verstehen“ und „Nachvollziehen“ sind glitschige Begriffe*). На лексемы, помещенные в неподходящий лексико-синтаксический контекст, указывают противопоставления желательного и недопустимого варианта построения высказывания, привлекающие внимание к неправильности словоупотребления (*Как можно отменить региональные языки? Можно отменить ЗАКОН О СТАТУСЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ*).

Коррекция произносительных ошибок совершается по эллиптическому варианту схемы «He Q, a P» (в ОдЭссе... – В ОдЭссе). Пунктуационные ошибки в спонтанной письменной коммуникации исправляются посредством акцентирования внимания на ошибке прямым сообщением о её наличии (*Your post doesn't even end with a full stop*) либо риторическим вопросом (*and with no full stop?*). Ошибки правописания корректируются путём прямого либо косвенного указания на ошибку (*Бендеровцы – от О. Бендера?*), оценки написанного текста с точки зрения грамотности (*lauter schlechte Grammatik*), воспроизведения соответствующего правила (*Украина пишется с Большой буквы*) либо указания на неспособность автора сообщения адекватно пользоваться средствами языка (*Lern erst mal richtig zu schreiben*). В случаях неадекватного использования графических эмфатических средств автору сообщения предъявляют прямое требование прекратить нежелательное механическое действие (*Lassen Sie wenigstens die Shift-Taste los. Sie hat Ihnen doch gar nichts getan*).

Помимо лексических маркеров, на коррекцию языковых ошибок может указывать наличие в составе корректирующего высказывания лексических единиц, характеризующихся ярко выраженной парадигматической или синтагматической близостью, а также применение кавычек и прописного начертания в письменной коммуникации для привлечения внимания к ошибочно употребляемым средствам языка.

Когнитивно-информационные ошибочные ВД корректируются высказываниями, отнесенными не к языковой форме сообщений, а к содержащимся в них идеям либо качеству их передачи (на референциальную отнесенность нижеприведенных высказываний к мыслительной деятельности и обмену

информацией указывает лексический материал, выделенный полужирным начертанием).

Неадекватное определение предмета рассуждений корректируется, как многие другие ошибочные действия, по схеме «*He Q, a P*» или её эллиптическим вариантам «*He Q!*», «*P!*». Довольно часто употребляются прямые либо косвенные указания на отклонения в направлении мыслительной деятельности (*Das führt uns auf eine falsche **Schiene***), а также противопоставления ошибочного направления мыслей желательному (*Wir **suchen** danach, was haben die anderen für Schwierigkeiten. Vielleicht, müssten wir stattdessen darauf zu **gucken**, was sind unsere Schwierigkeiten*). На ошибочное установление причинно-следственных связей указывают корректирующие высказывания, содержащие сочетания лексических средств выражения модальности с глаголами *связывать*, *смешивать*, *отождествлять*, *путать* и их синонимами (*We should not **confuse** asylums and immigration, they are vastly different issues!*).

Корректирующие высказывания, направленные на пресечение неосознанной трансляции фальсифицированных идей, могут принимать вид «*He Q, a P*» (*I'm sorry, metadata is not under the law, it is acting beyond the law at the moment, and that's... this is a crucial **point***), форму прямого отказа в праве излагать мысль (*Не надо, пожалуйста, **говорить о том, что** на сегодняшний момент в Украине сформирована единая система власти*) либо констатации заблуждения в виде условной конструкции (*If you **think** that..., you **are** very much **mistaken***). Корректируемым высказываниям может даваться прямая либо косвенная негативная истинностная оценка (*delusional, wrong, simply laughable, hilarious, completely false; crap, myth, a little fairy-tale, complete and utter nonsense*), которая в ряде случаев переносится на говорящего как на транслятора фальсифицированной идеи (*You are the type of person who heard all the **myths** from the majority and **bought into** all that **crap** and **believed** it*).

В случаях неверной интерпретации идей, транслируемых собеседником, адресант идеи чаще всего корректирует понимание сказанного через противопоставление неправильной интерпретации желательному истолкованию (*I'm not saying **that**, I'm saying **that** there is no hard and fast evidence to prove the case one way or the other*). Высказывания образца «Я не говорил, что..., я говорю, что...» не следует путать с высказываниями вида «Я хотел сказать, что...», поскольку первый случай иллюстрирует коррекцию интерпретационной ошибки собеседника, а второй – констатацию коммуникативного провала самого говорящего.

Бездоказательные утверждения корректируются посредством прямо либо косвенно выраженного требования предоставления логического обоснования или наглядных доказательств (*Where is your **evidence** to say [**that**] it wasn't Assad's regime?*), констатации бездоказательного утверждения (*You are **throwing out** conspiracy **theory** which is not based on any **evidence***) либо описания желательного образа речемыслительных действий, приводимого в качестве примера (...a

rational person before making an extremely serious accusation [...] would have at least a glued up bit of evidence before saying that).

Коррекция недосказанности либо невнятности высказывания, затрудняющей понимание транслируемой идеи, чаще всего оформляется как прямое либо косвенное требование выразить законченную мысль (*Для начала попробуйте четко и сжато сформулировать **мысль** которую хотите донести*), а также как общая оценочная характеристика качества передачи идеи (*Schreib' nicht so **ein Wischiwaschi**, sondern werde konkret!*). На логические ошибки в рассуждениях участников дискурса указывают корректирующие высказывания, содержащие прямую либо косвенную характеристику логики оппонента как ошибочной (*Your logic is flawed **beyond comprehension***) и наименования логических ошибок (*a bunch of **sophisms***). Внутренняя противоречивость высказываемых суждений может корректироваться посредством прямой констатации противоречия (*Di **widersprichst** dir selber*) либо его иллюстрации в виде противопоставления частей корректируемого высказывания (*Вы **говорили**, что русскому языку ничего не угрожает... сейчас сами **говорите**, что сейчас уже там вряд ли русскому кого-то учат*).

Особым образом корректируется неадекватная интерпретация событий реальности, представленная в корректируемых высказываниях: адресанты коррекции приписывают адресатам определенное ментальное состояние, затрудняющее правильное восприятие действительности, для именованного которого используются утрированные метафорические обороты, связанные по значению с изменёнными состояниями сознания или ограниченным восприятием: *заниматься самообманом, чёрные очки, деление на чёрное и белое, фобия, ein Drogentripp, ein Gleichmachersyndrom, eine Schwarzweissmalerei, paranoia, fervent imagination, mental problems, binary understanding*.

На ошибочные ВД интеракционно-прагматического характера указывают корректирующие высказывания с референциальной отнесенностью к деятельностной стороне коммуникации, что вербально отражается в лексических единицах, подобных тем, которые выделены полужирным начертанием в нижеприведенных примерах дискурсивной реализации коррекции ошибок подобного рода.

Длительное удержание коммуникативной инициативы корректируется прямыми требованиями передачи инициативы (*Let him **ask the question***), предписаниями, управляющими количественной стороной вербального действия (*Can you **be shorter** than you were on the other **answers?***), напоминаниями об ограничениях во времени (*You're out of **time***), констатацией чрезмерно долгого удержания инициативы (часто с прямым выражением нежелательности, например: *I don't want you to **dominate the whole discussion***), заявлениями о праве взятия инициативы или о равных условиях для всех коммуникантов (*Давайте, я... Вы же **давали** господину Железняку **рассказать***), указаниями на эмоциональную реакцию третьих лиц, задействованных в обсуждении (*Frau Cräne **krätzt schon an den Tischkante**, sie **möchte** Ihnen was **entgegenhalten***).

Коррекция преждевременной мены коммуникативных ролей формулируется как требование или просьба воздержаться от реализации коммуникативного намерения с указаниями на незавершенность предыдущего коммуникативного хода (*Wait, let him **finish***) либо как прямое требование не перебивать (чаще всего выражаемое модальными конструкциями, например: *Mehdi, you must not **interrupt** every other word, nor must you, Grant, **interrupt** him in his **speech***), как указание времени желательного осуществления коммуникативного намерения (*We'll **come up** to that in a second*) или как высказывание, устанавливающее желательный порядок передачи коммуникативной инициативы (*Можно, секунду, **прокомментирую**. А потом Царёв будет **комментировать***).

При отсутствии ответа либо получении неудовлетворительного ответа на поставленный вопрос в целях коррекции могут применяться высказывания, выражающие прямую констатацию данного ошибочного действия (*Вы не **ответили** на мой **вопрос***), повторный вопрос в форме прямого речевого акта (*Я **спрашиваю**...*), неудовлетворительную оценку полученного ответа (*It's not **answering the question** right*), прямое требование ответить на вопрос (***Ответьте** на **вопрос***).

При коррекции нарушения правил статусно-ролевого взаимодействия в заданной ситуации в структуру корректирующего высказывания включается прямое именование реальных и предполагаемых ролей, статусов или речевых ситуаций, требующих определенного коммуникативного поведения: *trial, judge; Frage-Antwort Onkel; гость, дама, девушка* (например: *Давайте **дадим** даме **сказать***). Неудачный выбор коммуникативной роли корректируется высказываниями с прямым именованием социально неодобряемых коммуникативных ролей: *a wartime propaganda mouthpiece, a comedian, ein Besserwisser* (например: *your **role** as the wartime **propaganda mouthpiece** is really irritating people the length and breadth of this country*). Для коррекции ошибок, связанных с несовпадением коммуникативного поведения со статусной ролью говорящего, используются высказывания, содержащие прямое именование социальных ролей, противопоставляемых аномальному для них поведению (*a Labour politician... to **attack** his government; еврей, **защищающий** фашистов*), а также сравнительные конструкции (*Again, **acting** like a 12 year old*). В случае выбора заведомо неудачной (по мнению партнёра по диалогу) коммуникативной тактики говорящему прямо указывают на её низкую результативность (*Your **comment** got you nowhere*).

В единичных случаях неправильного выбора адресата высказывания (например, адресации вопроса недостаточно информированному в данной области лицу в присутствии более компетентного лица) в целях коррекции используются уточняющие вопросы-переспросы, призывающие переосмыслить выбор адресата высказывания (***Fragen** Sie mich?*), либо прямые указания на более подходящего адресата (*Sie sollten den **militärischen Experten fragen***).

Коррекция отклонений от обсуждаемой темы может оформляться как прямое предложение либо требование вернуться к главному вопросу (*Let's **get***

back to the issue at hand), как прямое указание на нерелевантность корректируемого высказывания в целом (*Neither side has **raised that point***) или предмета обсуждения (*Штайнмайер меня не очень интересует. Меня Россия волнует*), как повторная формулировка обсуждаемой темы (*Мы **говорим** о том, что...*) или как противопоставление ошибочно избранной темы истинной теме разговора (*Wir **reden nicht davon**, wir **reden** von einem Prozess, das jetzt über 40 Jahre alt ist*). При затягивании обсуждения отдельных вопросов говорящему часто указывают на предполагаемые нежелательные результаты продолжения избранной линии коммуникативного поведения (*Will people be switching off in drowse if we **get into an argument** about whether 3.6 is right?*), дают общую негативную оценку социально-психологической тональности общения (*it's getting very tedious*), прямо требуют (или просят) закончить обсуждение темы (*Let's **move on to another theme***) или предлагают новую тему для разговора (*Давайте не **обсуждать**, что было когда-то, давайте **говорить** о том, что есть сейчас*).

Ошибочные ВД, связанные с избыточной детализацией предмета обсуждения, корректируются высказываниями, имеющими форму предостережения или совета, указывающего на возможность совершения подобной ошибки (*Bevor wir jetzt in den kleinen **Details** uns **verlieren**...*).

Таким образом, референциальная отнесенность корректирующих высказываний к разным аспектам дискурса, выявленная на материале нашего исследования, позволяет подразделить ошибочные ВД, исправляемые посредством данных высказываний, на три основные группы, полностью соответствующие предлагаемой нами типологии ошибочных действий.

ВЫВОДЫ

Предлагаемая нами типология ошибочных ВД, предполагающая выделение трёх типов коммуникативных ошибок (собственно языковые, когнитивно-информационные и интеракционно-прагматические) соотносится, с одной стороны, с тремя основными аспектами дискурса (языковым, когнитивным и социально-прагматическим), и, с другой стороны, с тремя ипостасями говорящего (языковой, дискурсивной и коммуникативной личностью), на которые указывают современные лингвисты. Это позволяет сделать вывод о соответствии данной типологии новой когнитивно-дискурсивной парадигме современной науки о языке.

Эмпирические основания выделения трёх основных типов ошибочных ВД базируются на референциальной отнесенности высказываний, направленных на коррекцию ошибок в диалогическом политическом дискурсе, которая определяется как по форме, так и по содержанию корректирующего высказывания. Весьма интересным представляется исследование дистрибуции и особенностей дискурсивной реализации выделенных типов ошибочных ВД на примере различных национальных дискурсов и их модификаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина, Т. В. 1997. *Языковая концептуализация мира* (на материале русской грамматики). Москва: Языки русской культуры.
2. Бутакова, Л. О. 1998. Опыт классификации ошибок, свойственных письменной речи. *Ис: Вестник Омского университета*. Вып. 2. Омск: Омский государственный университет: 72–75.
3. Епихина, Е. М. 2014. Эмблематическая интерпретация коммуникативных ошибок. *Ис: Фундаментальные исследования: научный журнал*. Редкол. М. Ю. Ледванов (и др.). №1. Москва: ИД «Академия Естествознания»: 195–199.
4. Кустова, Г. И. 2004. *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва: Языки славянской культуры.
5. Плотникова, С. Н. 2005. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий. *Ис: Лингвистика дискурса*. Иркутск: ИГЛУ: 5–16.
6. Труб, В. М. 2008. О разнообразных типах отклонения от истины (шутка, ошибка, сенсорные девиации, умолчание). *Ис: Логический анализ языка. Между ложью и фантазией*. В.М. Труб. Москва: Языки русской культуры.
7. Шевченко, И. С. 2007. Речевой акт как единица дискурса: когнитивно-прагматический подход. *Ис: Тверской лингвистический меридиан: сб. науч. ст. Под ред. Л. П. Рыжовой*. Вып. 7: В мире языка. Тверь: Тверской государственный университет: 69–80.

SANTRAUKA

KLAIDINGŲ VERBALINIŲ VEIKSMŲ TIPOLOGIJA POLITINIAME DISKURSE

Olga Leon

Klausimas apie išsamios klaidingų verbalinių veiksmų tipologijos sudarymą sprendžiamas iš anglų-, vokiečių ir rusų kalbos politinio diskurso. Šio straipsnio pagrindis tikslas – atskleisti pagrindines klaidingų verbalinių veiksmų rūšis, kurios koreguojamos šiuolaikinio politinio diskurso dalyviais. Siūloma klaidingus verbalinius veiksmus padalinti į tris pagrindines rūšis: kalbiniai, kognityviniai informaciniai ir interakciniai pragmatiniai. Ši tipologija teoriškai pagrįsta. Straipsnyje duodami klaidingų verbalinių veiksmų pavyzdžiai. Numatytos tolesnių tyrimų perspektyvos.

Raktiniai žodžiai: klaidingas verbalinis veiksmas, politinis diskursas, klaida, korekcija, kalbinė klaida.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ ДОЙНЫ ГАЛИЧ БАРР «ГОРОД УДОВОЛЬСТВИЙ»

Любовь Первушина

Минский государственный лингвистический университет,
Захарова, 21, 220089, Минск, Беларусь, lyuba@open.by

ABSTRACT

Transformation of the Idea of Human Freedom in the Novel «The City of Pleasure» by Dojna Galich Barr

The article deals with the creative activity of Dojna Galich Barr, a well-known American writer-immigrant of Serbian origin. The artistic experiment is revealed in her playful novel The City of Pleasure (2008). The author raises some important problems of contemporary life using parody, irony, and black humour to stress her negative attitude to a highly-developed technocratic industrial society. The image of a metropolitan city – “the city of pleasure” is becoming a symbol of life in consumer society. The idea of human freedom is presented as an important socio-cultural component of the narration. The dichotomy freedom/captivity and a number of binary oppositions used by the author expose some alarming tendencies in the world and show the process of transformation of people’s soul. Human freedom in the “city of pleasure” is transformed into its alternative, into violence and dependence on subjective wishes. The consciousness of a man is replaced by irrational, dark, unexplained desires.

The endless freedom leads to psychological discomfort, to degradation and dehumanization of a personality. People’s unlimited desires distort the inner world of a man, change his psyche, make him escape to the world of illusions. The author satirizes the destructive power of money, the “American dream” and reveals different forms of manipulation of individual and collective consciousness by mass media. Traditional values are not respected and “the city of pleasure” cannot secure the continuity of different generations. The growing demand on scarce resources and the pollution of the environment generated by the rising living standards threaten the basis of human progress. All these negative tendencies alienate people from society and destroy their real identities.

The author stresses the idea of human responsibility for scientific discoveries and emphasizes the necessity to maintain moral values in society. D. Galich Barr warns about the ruinous consequences of people’s activity and strongly believes that the destruction of the world could be prevented due to preservation of universally shared values.

Keywords: human freedom, the artistic experiment, transformation, technocratic society, universal values, manipulation, illusion.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

С древних времен по сегодняшний день *свобода личности* как философская и эстетическая категория находится в центре внимания философов, ученых, теоретиков, писателей. В разные культурно-исторические эпохи данная категория имела различное наполнение и содержание, но она всегда была связана с проблемой выбора, нравственным началом, ответственностью, свободным волеизъявлением, развитием потенциала человека и его моральной свободой «через использование моральных законов, которые люди предписывают сами себе» [Ждановский, 2002, 938]. В современную эпоху разрушения старых стереотипов и пересмотра философских, этических и эстетических теорий проблема осмысления свободы личности приобретает особую значимость в литературе. Через идею свободы личности выявляется мироощущение человека, раскрывается его идентичность, определяются его роль и место в современном многонациональном и поликультурном мире, рассматриваются особенности его духовного и душевного мира.

Цель данной статьи – выявить трансформацию идеи свободы личности в экспериментальном игровом романе «Город удовольствий» Дойны Галич Барр (1932–2010) – известной и влиятельной американской писательницы-эмигранта сербского происхождения. «Город удовольствий» (*The City of Pleasure*, 2008) является романом-предупреждением, романом об ответственности человека за жизнь будущих поколений. Данное произведение передает современное апокалиптическое видение мира, показывает разрушительную силу высоко-развитого супериндустриального общества, искажающего внутренний мир личности и влияющего на индивидуальное и коллективное сознание.

Актуальность статьи обусловлена высокой значимостью проблемы свободы личности в современной культуре и литературе, а также репрезентативностью творчества Дойны Галич Барр в разных странах, глубиной ее таланта и мощью художественного дара. Писательница открыла новые горизонты в изучении внутреннего мира человека и создала произведения, наполненные острыми проблемами современности и глубоким психологизмом. Новизна исследования определяется недостаточной изученностью творчества Д. Галич Барр. Анализ особенностей проявления свободы личности и ее трансформации в игровом постмодернистском романе «Город удовольствий» проводится впервые. Сложность авторского письма Д. Галич Барр предполагает использование нескольких методов для изучения ее творчества. Культурно-исторический метод позволяет исследовать данный роман в контексте исторической ситуации США конца XX – начала XXI века и определить социокультурные влияния на творчество писательницы. Биографический метод способствует выявлению авторского отношения к представленным в романе проблемам, а метод целостного анализа художественного произведения позволяет определить те средства, с помощью которых выражается идейное и эмоциональное содержание произведения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Художественная сила Дойны Галич Барр, ее высокая образованность, просвещенность, широта кругозора, опыт эмигранта и активная вовлеченность в жизнь дают ей возможность поднимать серьезные философские вопросы, выявлять особенности историко-культурного и этико-эстетического сознания современной культуры, обнажать противоречия общества. Д. Галич Барр родилась в Румынии, жила в Сербии, эмигрировала во Францию, где училась и совершенствовала свое художественное мастерство, затем переехала в Америку, где жила в Чикаго более 50-ти лет. Д. Галич Барр известна как талантливый музыкант, художник и признанный врач-невролог, имеющий «высшие квалификационные степени в различных областях психиатрии и опубликовавший ряд специальных научно-исследовательских работ» (Барр, 2011, 2). В своих художественных произведениях писательница проникает в глубины бессознательного, раскрывает тайны души и исследует лабиринты травмированной психики современного человека. Как известно, интерес к психоанализу оказывает «более тонкое, не прямое влияние на литературное самосознание и новые техники письма» (Сурова, 2001, 236). Д. Галич Барр является мастером экспериментального повествования, в котором сочетаются многожанровость и полифонизм, поток сознания и разноуровневая многосюжетная структура, игра с хронотопом, ирония, интертекстуальность. Все романы Д. Г. Барр «Безликие ангелы» (*Angels Without Faces*, 2004), «Сизый голубь» (*Blue Pigeon*, 2005), «Колокола и ветер» (*Bells and Wind*, 2006), «Анна Ли» (*Anna Lee*, 2007), «Город удовольствий» (*The City of Pleasure*, 2008), «Дом разбитых зеркал» (2008), «Пассия» (*Passion*, 2010), «Ужас» (*Anguish*, 2011) опубликованы в период с 2004 по 2011 гг. и удостоены престижных международных литературных наград, включая премии Зигмунда Фрейда и Ф. М. Достоевского.

В романе «Город удовольствий» идея *свободы личности* является сложным историко-культурным образованием и представлена как важнейший регулятор культуры и социального поведения в обществе. Авторское понимание свободы человека определяется философской максимой: «человек свободен, поскольку он действует в соответствии с долгом, долг – это закон, создаваемый личностью для себя, поскольку она разумна. Разум – это всеобщность и объективность» (Аббаньяно, 1992, 148). Все герои романа наделяются свободой выбора решать свою судьбу, быть активно включенными в общество, так как человек способен плодотворно осваивать действительность, лишь являясь внутренне свободным. Отражение проблем общества и коллизий времени в романе осуществляется через глубоко личное восприятие жизни, рефлексивное осмысление человеком его жизненных проблем, так как «сегодня конфликты проявляют свою сущность преимущественно такими способами, когда постижение их возможно прежде всего через мир личности» (Зверев, 1989, 231). Именно через свободный

самостоятельный выбор и самоопределение человека определяется степень свободы личности в романе Д. Галич Барр.

Трансформация идеи свободы личности выявляется на уровне сюжета, проблемно-тематического комплекса, системы образов и символов, а игровая тональность способствует активизации читательского восприятия проблем, затрагиваемых автором. Известно, что «произведение представляет собой сложную структуру, балансирующую между определенностью и неопределенностью, взаимоотношение которых определяет характер коммуникации между текстом и читателем» (Дранов, 2004, 187). Д. Галич Барр подчеркивает двойственность идеи свободы личности, существующей во взаимодействии свободы и несвободы, независимости и зависимости, норм морали и отклонения от них.

Для этого писательница использует дихотомию свобода/несвобода с ее разветвленной системой бинарных оппозиций и противоположных категорий и понятий, которые отражают причинно-следственные связи действительности и упорядочивают их в структуре текста. Данное противопоставление способствует выявлению и пониманию тех уровней текста, в которых содержатся «интерпретационные узлы» – узлы наиболее важных проблем и противоречивых вопросов, «пронизывающих формально-содержательные уровни художественного произведения» (Иоскевич, 2011, 173–174).

Город удовольствий, в котором все участники повествования реализуют свое право на свободное творческое развитие личности, является многоуровневым, логически выстроенным символическим образом высокоразвитого технократического общества потребления. В современном мегаполисе с его мощными рычагами воздействия на человека разрастаются казино, отели, бары, игорные дома, которые обещают исполнение самых сокровенных и заветных желаний. Основная функция города – удовлетворение страсти к развлечениям, играм, роскоши. Так, этот мегаполис «похож на другие города не только по внешнему виду и образу жизни, но и по росту населения и социальных изменений в последние десятилетия, а его главная черта – стремление к удовольствию, поэтому он – «Город удовольствий» (Pleasantville, the City of Pleasure)» (Barr, 2008, 5). Свободный выбор человека поддерживать нормы жизни города удовольствия означает его добровольное отчуждение от привычных форм поведения и вхождение в иную реальность, в которой главенствуют иллюзии, отсутствует смысл, верховодит хаос. Город не только искажает и разрушает сознание человека, он диктует свои правила и полностью подчиняет себе разум и чувства, развращает и зомбирует своих жителей, представляя удовольствие как главную ценность жизни. Город известен своей силой, умением манипулировать группами людей и каждым человеком в отдельности. В нем властвуют безудержный эгоизм, прагматизм, использование энергии неуправляемой человеческой толпы.

Реальная свобода заменяется иллюзорным восприятием жизни и приводит к бегству в область абсурдного, нереального, криминального. Свобода прояв-

ления творческого потенциала человека превращается в триумф всех темных, эгоистических сил и ничем не контролируемых инстинктов. Жители города наслаждаются грубой чувственностью, погружаются в омут наркотического и алкогольного дурмана. У тех, кто пристрастился к игорному бизнесу, возникает мир слуховых, зрительных и тактильных иллюзий, искаженного восприятия действительности. Свобода личности трансформируется в устойчивую зависимость от «наслаждений», в результате чего люди становятся *хамелеонами, опасными существами, носящими маски животных, безумными марионетками города*, превращаясь в толпу обесмысленной материи. Генерируются *злость, мстительность, подозрительность, появляется нервное настроение, возникают паника, страх, волнение*. Подавленные чувства, зависть, ревность, жестокость, ярость, агрессия, неуправляемые действия и болезненная сексуальность приводят к саморазрушению и жестокому столкновению разума и иррациональных импульсов, сознания и бессознательного. Таким образом, город удовольствий трансформируется в *виртуальную реальность, опасную территорию*, в которой отмечается потеря способности здраво рассуждать и позитивно оценивать свои поступки. Внешние и внутренние отношения людей успешно регулируются, благодаря чему *появляется внутрисистемная солидарность* и возникают *неприязнь и враждебность к инакомыслящим чужакам*, не разделяющим идею свободы города удовольствий.

В городе удовольствий с его культовой моделью прагматичного, рационального и потребительского отношения к обществу полностью уничтожается стремление приносить реальную пользу человечеству. Жизнь Коннора – главного героя романа, гениального ученого, лауреата Нобелевской премии за выдающиеся открытия в области лазерного излучения – является примером глубоко нравственного служения людям. Его научные изобретения способны минимизировать негативные воздействия человека на окружающую среду и полностью изменить жизнь на планете. Но его открытиям не суждено работать на благо человечества. В агрессивном и ненасытном городе удовольствий исчезают его научные разработки, сам ученый погибает, а его супруга Элеонора – эмигрант из Испании – вынуждена бежать в свою родную страну. Д. Галич Барр вводит в текст оппозицию «наука» – «потребительство» и подчеркивает кризисное состояние современного общества, при котором наука теряет свое гуманное значение и трансформируется в опасную силу, ведущую к разрушению: в технократической науке наблюдается «засилье чистой формализованной мысли, всецело ориентированной на удовлетворение задач чудовищно разрастающейся, распухающей индустрии, приносящей прибыль одним и горе другим» (Симкин, 1992, 101).

Свобода определять свою жизнь приводит к устойчивой зависимости от субъективных прихотей, к комплексу неполноценности, отрицанию исторически сложившихся устоев культуры. Дружба, любовь и семья как традиционные ценности проходят трансформацию в городе удовольствий и подменяются

глубоко лицемерными отношениями и союзами по расчету. Ничем не ограниченная свобода приводит к *примитивной плотскости, всепоглощающему эротизму, страсти без привязанности, отсутствию глубоких чувств, неразборчивому удовлетворению инстинктов*. Высокое чувство любви становится предметом насмешек, вытесняется темной стихией эроса в иллюзорной реальности, в которой «зерно зла дало всходы безграничной похоти» (Barr, 2008, 286). Все еще любящие друг друга супруги характеризуются как *старомодные, слепые, неоригинальные*.

Отношения трех друзей с детства Тома, Райана и Мэтью основаны на *скрытой подлости, соперничестве, стремлении к выгоде, жадности, злости, раздражении, грубости*. Жители города испытывают презрение и недоверие друг к другу, отчужденность от общества. Подлинная свобода, основанная на нравственности, приносящая мир и покой, трансформируется в *анархию и безграничную вольность*. У потерянного поколения молодых людей «отсутствует мотивация для духовного развития, потеряны амбиции, и они, подобно группе ягнят, слоняются по городу без пастуха... Привлекательными символами свободы для них являются наслаждение и вседозволенность» (Barr, 2008, 285). Молодые люди превращаются в *псевдоличности, создающие свои групповые идентичности и свою субкультуру с ее вульгарным уличным языком*, в котором присутствует жаргон, наполненный *сексуальными коннотациями, желанием удовлетворения инстинктов и безграничных фантазий*. Наблюдается разрыв традиции, отсутствие преемственности поколений, связи между родителями и детьми. Свобода к удовольствиям без ограничений все более затягивает людей в свою воронку греха, приводит к отчуждению от самого себя, к потере своей идентичности. Жизнь в таком обществе «представляется опустошающей, разрушающей, доводящей до расстройства и лишь подсвеченной призрачными радостями» (Лакс, 1992, 111).

Героем города и его идиолом, в характере которого воплощаются идеальные черты, необходимые для общества удовольствия, становится Том – хваткий, грубый и эгоистичный человек, который наводит страх на жителей, контролирует «покой», «порядок» и общественные «ценности» в городе удовольствий. Его неограниченная сила сопровождается ощущением могущества и безнаказанности. Процветание города обеспечивается его активной деятельностью, связанной с нелегальным игорным бизнесом, торговлей людьми, распространением новейших психотропных средств. Поощряются поставки эксплуатируемого человеческого материала – детей и женщин, что приносит сверхприбыль и максимальный вклад в жизнь города удовольствий. Свободная деятельность человека по освоению реальности трансформируется в безудержную погоню за материальными благами и иллюзорными моментами счастья. Наряду с разрушением внутреннего мира личности нещадной эксплуатации и насильственному уничтожению подвергается экология. Город удовольствий вытесняет живую природу, вырубая близлежащие леса, зеленые парки, загряз-

няя водоемы, засоряя зоны отдыха. Становится очевидным, что «современный человек, погрязший в пороках, пристрастился к опасным играм и рискует своей собственной жизнью, собственной судьбой, судьбой близких людей, судьбой разных стран, судьбой человечества» (Petričević, 2010, 474).

Свобода слова в городе имеет свои особенности. Мощные по своей силе воздействия на личность средства массовой информации трансформируются в низкопробную массовую культуру в ее самом негативном ракурсе. Они зомбируют общественное мнение, используют эффекты, уничтожающие индивидуальность, нивелируют личность, манипулируют большими группами людей. Таблоиды наполнены скандалами, трагедийными историями и сплетнями. В городе отсутствует серьезная критика, востребованы сенсационные бессодержательные фильмы, газеты пестрят рекламами с предложениями о поисках партнеров для удовольствий. Искусно направляемая мода и изощренные способы изменения сознания человека помогают городу держать жителей в своей власти.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в экспериментальном романе «Город удовольствий» Дойна Галич Барр отражает ряд проблем современного высокоразвитого общества, констатирует начало нравственного, духовного, морального, экологического кризиса. Через трансформацию идеи свободы личности и развитую систему художественных образов автор выявляет духовные болезни времени, психологическую девиацию личности, межличностные и межгрупповые конфликты, потерю традиционных ценностей, нечувствительность к этическому и эстетическому уродству. Именно бегство от себя в область иллюзорного является подлинной, «творческой» деятельностью современного человека, а свобода личности трансформируется в апофеоз злых сил, разрушение внутреннего мира индивида. Данные тревожные тенденции современного глобализованного мира являются проявлением апокалипсиса духа и опасных по своей совокупности противоречий общества. В романе содержится предупреждение о том, что преобладающая утилитарная ценность индивидуальной человеческой жизни и потребительское отношение к природе могут привести к углублению цивилизационных кризисных явлений, а затем и к катастрофическому развитию событий на планете. В то же время автор четко представляет свою позицию по отношению ко всем негативным явлениям, заявляя, что их можно избежать благодаря возвращению к универсальным, общечеловеческим ценностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barr, D.G. 2008. *The City of Pleasure*, Beograd: Raška Škola: 312.
2. Petričević, M. 2010. *The Apocalypse We Bring About*. Love and Longing. ed. M. Zecovič. Belgrade: 474–480.

3. Аббаньяно, Н. 1992. Экзистенция как свобода. *Ис: Вопросы философии*. № 8: 145–157.
4. Барр, Д. Г. 2011. *Дом разбитых зеркал*. Пер. с серб. И. А. Чароты. Минск: Белпринт.
5. Дранов, А. В. 2004. *Коммуникативная неопределенность: Западное литературоведение XX века*. Энциклопедия. Москва: Intrada: 186–187.
6. Ждановский, А. П. 2002. *Свобода воли*. История философии. Энциклопедия. Редкол.: А. А. Грицанов (гл. науч. ред). ИнтерпреСервис; Книжный Дом: 937–939.
7. Зверев, А. 1989. *На острие иглы: из художественного опыта XX века*. Москва: Сов. Писатель.
8. Иоскевич, М. М. 2011. *Интерпретация художественного текста: проблема синтеза литературоведческих подходов: Сборник научных статей в 2 ч. Ч.1. Чтение: Рецепция и интерпретация*. Гродно: ГрГУ: 171–177.
9. Лакс, Дж. 1992. О плюрализме человеческой природы. *Ис: Вопросы философии*. № 10: 103–111.
10. Симкин, Г. Н. 1992. Рождение этносферы. *Ис: Вопросы философии*. № 3: 95–103.
11. Сурова, О. Ю. 2001. *Человек в модернистской культуре*. Зарубежная литература второго тысячелетия. Ред. Л. Г. Андреев, Москва: Высшая школа: 221–291.

SANTRAUKA

ASMENYBĖS LAISVĖS IDĖJOS TRANSFORMACIJA DOINOS GALIČ BARR ROMANE „MALONUMŲ MIESTAS“

Lyubov Pervushina

Straipsnyje nagrinėjama Doinos Galič Barr, žymios amerikiečių serbų kilmės rašytojos, kūryba. Romane „Malonumų miestas“ (2008) ryškėja meninis eksperimentas. Autorė iškelia svarbias šiuolaikinio gyvenimo problemas, naudoja parodiją, ironiją ir juodąjį humorą, kad pabrėžti savo neigiamą požiūrį technokratinei, gerai išvystytai visuomenei. Asmenybės laisvės idėja parodyta kaip svarbi pasakojimo sudedamoji. Satyrinio aprašymo pagalba ryškėja pražūtinga pinigų galia ir „amerikietiškos svajonės“ transformacija. Nagrinėjamos įvairios individualios bei kolektyvinės sąmonės manipuliacijos formos per žiniasklaidą. „Malonumų mieste“ negerbia tradicinių vertybių, jie neturi kartų tęstinumo. Gamtinių išteklių naudojimas, aplinkos užterštumas gresia žmonijos progresui. Visos šios neigiamos tendencijos toliau žmones nuo visuomenės, transformuoja jų sąmonę ir identitetą. Romane pabrėžiama atsakomybės už mokslinius atradimus idėja bei moralinių vertybių palaikymo būtinybė.

Autorė perspėja apie rimtas žmogaus veiklos pasekmes ir tiki, kad pasaulio griūtis gali būti išvengiama, išsaugojant bendražmogiškąsias vertybes.

Raktiniai žodžiai: transformacija, manipuliacija, šiuolaikinio gyvenimo problemos, parodiją, ironiją, juodąjį humorą, meninis eksperimentas.

ВЕРБАЛІЗАЦІЯ ОБРАЗУ МАТЕРІ У ПОЕТИЧНИХ ТВОРАХ ВАСИЛЯ БОРОВОГО (ЗА МАТЕРІАЛАМИ ЗБІРКИ «ЧЕРВОНЕ СОНЦЕ КАЄРКАНА»)

Тележкіна Олеся

Національний фармацевтичний університет,
вул. Пушкінська, буд. 53, Харків, Україна, olesya_ukr@bk.ru

ABSTRACT

Verbalization of the mother image in poetry by Vasyl Borovoy (on the book «The red sun of Kayerkana»)

The article deals with the lingual content of poetry by Vasyl Borovoy in the book «The Red Sun of Kayerkana». The researcher uses such research methods as observation, description, contextual and stylistic analysis. The aim of the study is to determine linguistic units used for verbalization of the mother image as an important language and aesthetic component of the artistic world of the poet, and to characterize the peculiarities of these linguistic units functioning in poetic speech of the artist.

Monitoring the linguistic expression of the studied image has showed that in the poetry of V. Borovoy the mother means a good, light, love, wisdom, life; she is a dear mother-earth, she acts as a life-giving principle.

*For verbalization of the mother image in his poetic collection «The Red Sun of Kayerkana» V. Borovoy actively uses language and expressive means of different levels of organization of the Ukrainian language. To uncover an artistic concept the artist uses with a stylistic aim the following types of sentences: imagery (epithets: quiet, tender, tired mother, broken with age or hard work, golden tears; comparison: mother darkened like a soil; metaphors: world in a tiny tear, anxiety broke in a bunch of ash, terminate hopes, to read anguish), vocabulary (words with antonymous meaning: it is both **cold** and **drearily** / Without your **kindness** and **warmth**, lexemes inherent in everyday conversational speech: throw ground), phraseology (idioms (traditional: to praise God, it is dawning in the window and transformed: you haven't treaded the ground for a long time) and author aphorisms: Go truth - my cross is upon thee, / Whatever is in the world), grammar (different parts of speech (including verbs: And the hope has so **diminished**, / And has already **turned into a spark**, / That has not **smouldered – reduced to ashes**, / And couldn't **incinerate**) types of sentences (including the broken one: There is no mother any more - had barely a little one left the cradle, / Father was taken by a train ...).*

Keywords: *verbalization, language and expressive means, language and aesthetic component, artistic world, image of mother, metaphor, metaphorical image, metaphor, epithet, comparison, idiom, antonymous meaning, broken sentence, complex sentences.*

ВВІДНА ЧАСТИНА

Жінка-мати посідає особливе місце в культурі кожного народу, оскільки вона є основою світобудови – берегинею роду людського і його духовних цінностей. Відтак образ матері неодноразово ставав предметом дослідження в різних галузях наукового знання, зокрема і в сучасній та закордонній лінгвістиці. До вивчення мовно-виражальних засобів відтворення образу матері в різний час зверталися М. Алексеєнко, Є. Бартмінський, Г. Вальтер, Н. Венжинович, А. Горнятко-Шумилович, М. Кучинська, Дж. Лакофф, В. Мачек, В. Мокієнко, Н. Охота, С. Помирча, В. Телія, Н. Шарапова, Н. Шведова, В. Яковлева та ін. Незважаючи на важливість розроблення цього питання для вітчизняної мовознавчої науки, дотепер не були досліджені засоби вербалізації образу матері у поетичних творах Василя Борового. Тим часом у його поезіях цей образ відіграє важливу роль як мовно-естетичний компонент художнього світу митця. Це й визначає актуальність звернення до аналізу мовної реалізації образу матері у віршованих творах В. Борового.

Мета статті – дослідити засоби омовлення образу жінки-матері у творах В. Борового на матеріалі поетичної збірки «Червоне сонце Каєркана». Для досягнення цієї мети нам необхідно виконати такі завдання: визначити мовні одиниці, використані для опоетизування образу матері, і схарактеризувати особливості їх функціонування у поетичному мовленні митця. Окреслені в роботі завдання визначили методи дослідження: спостереження, опис, контекстуальний і стилістичний аналіз.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Спостереження за мовним вираженням досліджуваного образу засвідчили, що ліричний герой В. Борового називає найріднішу людину в світі матір'ю (Скільки нині в **матері** думок (Боровий, 2014, 65), А **матері** вишнева шепче гілка (Боровий, 2014, 106)), мамою (Ви бачили мою **мamu**? (Боровий, 2014, 40)), матінкою (За Україну – синів твоїх, Русь, – / **Матінка** стала в куточку і молиться (Боровий, 2014, 56)), матусею (Десять затоплює гребку самотня **матуся** (Боровий, 2014, 57), Моя **матуся** візьме дрібку солі / Та хліба шмат і понесе корові (Боровий, 2014, 105)), ньенькою (В очах **ньеньки** читаю тугу (Боровий, 2014, 78), Лагідний промінь упав скісно на руки **ньеньки** (Боровий, 2014, 79)). Уводячи в поетичну оповідь іменники з демінутивними суфіксами, автор передає ніжне і трепетне ставлення до матері.

Поет створює життєпис матері. Вона рано стала сиротою:

*Неньки не стало – ледве мала залишила колиску,
Батька ж – поїздом...* (Боровий, 2014, 40) – трагічність того, відбувалося підкреслюється обірваним реченням;

рано стала вдовою:

Лист опадав над весіллям, а на те літо – вбито.

Мужа її убито! Ким?.. Не розкаже ніч (Боровий, 2014, 40)

і не зазнала повноти подружнього щастя:

Наче нитки в прядильні – хто обірвав надії?

Іваночку, мій Іване, не довго топтав ти ряст... (Боровий, 2014, 40) – гіркота болю жінки передана метафорою *обірвати надії* і трансформованим фразеологізмом *не довго топтав ти ряст* (мовиться про чоловіка),

жила у скруті:

Не мала хати, ні добра... нічого (Боровий, 2014, 41) – художній задум автор реалізує за допомогою нанизування форм заперечення: *не – ні – нічого*.

Жінка-мати у поета постає як трудівниця, зморена одвічною роботою:

...іще спить земля, котру вергала мати весь свій вік,

бо ж треба було, бо вдова, бо діти... (Боровий, 2014, 79) – ужите емоційно забарвлене дієслово *вергати*, властиве розмовно-побутовому стилю, підкреслює усю тяжкість праці матері на землі, однорідні підрядні причини, виражені еквівалентами непоширених односкладних речень, розкривають неможливість жити по-іншому: *бо ж треба було*, тому що не було ніякої нізвідки допомоги: *бо вдова, бо діти* – така номінативна подача дозволяє автору зробити акцент на головних, на його думку, моментах життя.

Стан матері, яка увесь вік тяжко працювала, поет передає за допомогою епітетів *утомлена, ізломлена*:

*А ти, задумавшись, **утомлена**,*

Обперлась тихо на граблі –

*Літами чи трудом **ізломлена**.*

Схилилась важко до землі (Боровий, 2014, 105)

і виразного порівняння старої матері із землею:

А мати, натрудившись біля грядки,

*Стара вже, **потемніла, мов земля**,*

Задумалась... (Боровий, 2014, 106).

Цим порівнянням митець підкреслює нерозривний зв'язок матері і землі: земля – це не лише наділ, на якому мама вік звичувала у тяжкій праці, земля – це Священна Мати, яка дала їй життя, якій поклонялася і яка прийме її у своє лоно. Таке ставлення до землі поет підкреслює вжитим повторюваним складним іменником *земля-матінка* й епітетом до нього *всемогутня*:

– Кому била поклони?

– *Землі-матінці...*

– Уклонись мені, і я поведу тебе в світлі оселі, бо я – Бог!

– Уклонюсь землі-матінці, бо стану частинкою її, всемогутньої... (Боровий, 2014, 79).

Для ліричного героя Василя Борового рідна мати і земля-мати – нероздільні, їх непорушну єдність і важливість у його житті митець передає такими рядками:

І двоє найрідніших в світі:

Ти, посивіла, – і земля (Боровий, 2014, 105), де числівник *двоє* конкретизується особовим займенником *ти* (за контекстом – мати) й іменником *земля*.

Та в тяжкому удовиному житті була й радість – син, що автор передає за допомогою фразеологізмів:

З роботи вдова повернеться,

поплаче і славить Бога:

І в неї в шибиці світає, зростає в неї синок (Боровий, 2014, 40).

Та недовгим було й щастя світлого материнства, що поет відтворює дієсловами негативної конотації:

Сам Бог, напевне, позаздри:

прийшли і сина забрали... (Боровий, 2014, 40).

Митець говорить: все життя матері пройняте тугою, повнота якої відтворена за допомогою дієслівної метафори:

В очах неньки читаю тугу (Боровий, 2014, 78);

тривогою за долю сина, яка ніби оживає в метафоричному образі:

Коли не по скарби багаті

Й мене на Північ повезли, –

Тривога мами в нашій хаті

Спахнула купкою золи (Боровий, 2014, 38).

Тривога матері скраплюється у сльози:

Сіла перепочити – перед ворітнями смерті,

Перебира пережите очима повними сліз.

⟨...⟩

А біля неї Ангел, зажурено Ангел смерті

Стоїть, а сльоза йому котиться –

і сам не знає, чому (Боровий, 2014, 40).

Плаче не лише мати, а й піч – її помічниця й годувальниця:

Золотими слізьми піч із мамою плаче... (Боровий, 2014, 57).

Сльози у творах В. Борового набувають метафоричного значення: поет вживає епітети *сирітські*:

Та до престолу Бога й сирітські доходять сльози (Боровий, 2014, 40),
удовині:

Крутиться світ шалений – війни, перевороти,

Тільки печаль незмінна, як *удовина сльоза* (Боровий, 2014, 40). Найбільш яскрава, на наш погляд, іменникова метафора *світ у сльозі*, ужита як назва циклу, присвяченого матері митця, й повторно відтворена в передостанній строфі першого вірша цього циклу:

Лиш весь великий світ у неї

Тремтів у крихітці сльози (Боровий, 2014, 38).

У поета мати – це світ світів, це Всесвіт, Всесвіт любові. У третьому вірші циклу «Світ у сльозі» знаходимо опис вдачі матері (її *доброта, теплота*), характеристики якої передають епітети *ласкава, тиха*, через протиставлення навколишньому світу (вживання слів з антонімічним значенням):

Як світ померк – і холодно і тоскно

Без доброти твоєї й теплоти.

⟨...⟩

Ласкава, тиха – не могла ти строго

На світ поглянуть навіть із труни (Боровий, 2014, 41).

Мати – це Всесвіт життєвої мудрості, яку поет вкладає в її вуста у вигляді авторських афоризмів-повчань:

Катюги, горлодери, лизоблюди

Кого я лиш не бачив на віку!..

А ти казала: – Люди – тільки люди,

Умій прощати вдачу їх людську (Боровий, 2014, 41)

або:

При колисці стане у журбі,

Ледь торкнеться пасемця волось:

«Йди правдиво – хрест мій на тобі,

Як уже на світі б не велось!...» (Боровий, 2014, 65).

Життя матері нескінченне, як безмежна її любов і глибока її мудрість. Воно залишається в її справах: автор про це говорить за допомогою складнопідрядного речення з підрядним допустовим:

Оце посіє, пухко заскородить –

Хай дощик росить, пестить вітровій.

Дасть Бог, на грядці виросте і вродить

Хоч добрим людям, може, як не їй... (Боровий, 2014, 106);

в її надії:

Та ще надія – так змаліла,

Що вже як іскорка була,

Яка й не тліла – попеліла,

І спопеліти не змогла (Боровий, 2014, 39), переданої за допомогою дієслівного ряду *змаліла – попеліла* і заперечення попередньо окресленої дії – *спопеліти не змогла*;

у тріпотінні крилець бджілки, що поет відтворює за допомогою яскравої метафори:

Коли понесли твою просту труну

Селом, де і ти прожила, як годиться,

На скорбний вінок твій,

на квітку дрібну

*Бджола прилетіла – мала трудівниця.
І кожному дивним в ту хвилю здалось,
Що з світу дзвінкого,
з тепла і проміння –
У реквієм туги так ніжно вилелось
Життя золотого безсмертне гудіння* (Боровий, 2014, 106).

ВИСНОВКИ

Зі сказаного випливає, що мати у поезії В. Борового – це добро, світло, любов, мудрість, життя, це рідна земля-матінка як животворче начало.

Результати аналізу розглядуваного матеріалу дозволяють зробити висновок про те, що для вербалізації образу матері у поетичній збірці «Червоне сонце Каєркана» В. Боровий активно використовує різні мовно-виражальні одиниці української мови. Ужиті зі стилістичною метою образні (епітети, порівняння, метафори), лексичні (слова з антонімічним значенням, лексеми, властиві розмовно-побутовому мовленню), фразеологічні (фразеологізми (традиційні й трансформовані) й авторські афоризми), граматичні (різні частини мови й різновиди речень) служать для розкриття художнього задуму митця.

ЛІТЕРАТУРА

1. Боровий, В. 2014. *Червоне сонце Каєркана*. Харків: Майдан.
2. Венжинович, Н. 2014. Вербалізація концептів батько і мати у фраземах української мови (на матеріалі творів Т. Г. Шевченка). Із: *Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації*. Ужгород. Випуск 1 (31): 298–300.
3. Мачек, В. 2006. Концепт «мати» у системі світоглядних координат фемінінності. Із: *Семантика мови і тексту*. Матеріали IX Міжнародної науково-практичної конференції. Івано-Франківськ: Видавничо-дизайнерський відділ ЦІТ: 262–266.
4. Помирча, С. В. 2011. Архетипні жіночі образи в романі О. Ільченка «Козацькому роду нема переводу...». Із: *Лінгвістичні дослідження*. Збірник наукових праць. Харків. Випуск 32: 97–100.
5. Стожук, А. 2014. Довічність віри й слова. Із: *Червоне сонце Каєркана*. Харків: Майдан: 5–20.
6. Сукаленко, Т. 2010. Метафоричне вираження концепту жінка в українській мові. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго.
7. Яковлева, В. Б. 2006. Лексема мати як компонент фразеологізмів у контексті етнокультурних концептів. Із: *Лінгвістичні дослідження*. Збірник наукових праць. Харків. Випуск 20: 36–43.
8. Яковлева, В. Б. 2007. Концепт як базова одиниця культурології (на прикладі етнокультурного концепту мати). Із: *Лінгвістичні дослідження*. Збірник наукових праць. Харків. Випуск 23: 93–100.

SANTRAUKA

MOTERS VAIZDO VERBALIZACIJA V. BOROVOJAUS POETINIUIOSE KŪRINIUIOSE (REMIANTIS „RAUDONA KAERKANO SAULĖ“ RINKINIU)

Telezhkina Olesya

Šiame straipsnyje autorius nagrinėja iš V. Borovojaus rinkinio „Raudona Kaerkano saulė“ poetinių kūrinių lingvistines sudėdamašias, tam, kad išryškinti kalbinius vienetų, kurie naudojami moters vaizdo verbalizacijai.

Kalbinių vienetų tyrimas parodė, kad V. Borovojaus kūryboje motina – tai geris, šviesa, meilė, išmintis, gyvenimas, tai gimtoji žemė.

Moters vaizdo verbalizacijai V. Borovojus savo rinkinyje „Raudona Kaerkano saulė“ aktyviai naudoja skirtingų urainiečių kalbos organizacijos lygių raiškias priemones.

Raktiniai žodžiai: verbalizacija, kalbinis estetiškas komponentas, meninis pasaulis, moters vaizdas, metafora, metaforinis vaizdas, epitetas, palyginimas, frazeologizmas.

KALBA IR KONTEKSTAI. Mokslo darbai. 2015 m. VI (2) tomas. Lietuvos edukologijos universitetas. Filologijos fakultetas. Vilnius: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, 2015. – 146 p.

Mokslo darbų rinkinyje kalba nagrinėjama skirtinguose kontekstuose naujais ir tradiciniais aspektais. Autorių tikslas – pažvelgti į kalbą kaip besikeičiančią ir daugiaplanę sistemą, jos ypatumus įvairioje aplinkoje bei skirtingomis sąlygomis. Leidinyje analizuojama daugelis kalbos funkcionavimo ir mokymo aspektų, todėl įvairių kalbos lygmenų dialogas bei sąveika vyksta kiekviename iš leidinyje pateiktų darbų. Svarstomos ne tik teorinės problemos, keliančios diskusijas šiuolaikinėje lingvistikoje, bet ir pristatomos konkrečios išvalgos ir rezultatai, paremti empirine medžiaga. Straipsnių autoriai ir leidinio sudarytojai siekia, kad per įvairių požiūrių ir metodologijų sintezę, peržengiant siauros specializacijos ribas, įvairių sričių mokslininkai susitiktų naujoje transdisciplininėje humanitarinio ir edukologinio supratimo erdvėje.

Leidinyi skirtas mokslininkams, dėstytojams, mokytojams, studentams ir besidomintiems kalba ir jos mokymu.

Redagavo *N. Mikutavičienė, L. Plygavka, J. Vodorezova*

Maketavo *Donaldas Petrauskas*

Viršelio autorė *Vaida Mažeikaitė*

SL 605. 18,25 sp. I. Tir. 30 egz. Užsak. Nr. 016-007
Išleido ir spausdino Lietuvos edukologijos universiteto leidykla
T. Ševčenkos g. 31, LT-03111 Vilnius
Tel. +370 5 233 3593, el. p. leidykla@leu.lt